

Клауцен А.П.

НА СТЫКЕ ВЕКОВ

Записки на полях истории
(из жизни семьи)

Москва, 2012 - 2018 г.г.

Об авторе.

Автор Записок – Клауцен Арнольд Петрович родился в 1937 году в семье прокурора Улетовского района Читинской области. Детские, юношеские годы, а также основной период трудовой деятельности (до 1992 года) прошли в Латвии – родине своего отца. С 1965 года на партийной работе, прошел все ее ступени. В течение 20 лет избирался секретарем райкомов и горкомов партии, в том числе, более 15 лет - первым секретарем: Московского райкома (1973 – 1978 г.г.), Лиепайского (1981 – 1984 г.г.) и Рижского (1985 – 1991 г.г.) горкомов Компартии Латвии. На 25 съезде Компартии Латвии (1990 г.) избран секретарем Центрального Комитета Компартии Латвии. На 28 съезде КПСС (июль 1990 г.) избран в состав Центральной Контрольной Комиссии КПСС, а на его первом пленуме - членом Президиума этого высшего органа КПСС.

В течение 15 лет - депутат Верховного Совета Латвийской ССР, более десяти лет - депутат Рижского городского Совета. В 1989 году избран народным депутатом СССР, член Комитета по обороне и государственной безопасности Верховного Совета СССР.

В предлагаемой работе автор на примере семьи своего отца Петра Петровича, матери Софье Дмитриевны, супруги Анны Максимовны и ее родителей, и своей собственной раскрывает сложный период, через который проходят со своей страной члены этой многонациональной семьи. Время, о котором ведется повествование, охватывает период с начала прошлого века до начала второго десятилетия XXI века. Описываемые события происходят на территории Сибири, центральной части России, центра Украины и в Прибалтике.

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия.....	3
Часть первая. КЛАУЦЕН ПЕТР ПЕТРОВИЧ	4
Часть вторая. КЛАУЦЕН (СМИРНОВА) СОФЬЯ ДМИТРИЕВНА.....	15
Часть третья. БРАТ И СЕСТРА	21
Часть четвертая. АННА МАКСИМОВНА	25
Часть пятая. ВЫБОР ПУТИ.....	39
Часть шестая. СЛУЖЕБНО-ПАРТИЙНЫЕ БУДНИ.....	49
Часть седьмая. ВСЁ С НАЧАЛА	73

Вместо предисловия.

Идея взяться за эти Записки возникла, когда я увидел, что мои подрастающие внуки с трудом ориентируются в том, чем занимались мы, их деды и бабушки в совсем недалеком прошлом, не говоря уже о наших родителях. И я испугался, что уже их дети не только запутаются в своих корнях, но и вовсе не вспомнят о наших родителях, не говоря о более дальних родственниках.

И здесь, мне кажется, уместными будет вспомнить слова древнегреческого философа Геродота, прозванного «отцом истории»: *«история пишется для того, чтобы прошедшие события с течением времени не пришли в забвение и великие и удивления достойные деяния не остались в неизвестности».*

Ни в коем случае не претендуя на написание истории, я и пытаюсь написать лишь «Записки» на ее полях, которую, как известно, творит народ и отдельные исторические личности, которым самой судьбой и предназначено это делать. Ну а каждый человек по своей сути, на мой взгляд, и есть *«великое и удивлению достойное деяние»* природы и общества, которое не должно *«остаться в неизвестности».*

Скажу откровенно: меня давно мучила совесть по поводу не исполненного до конца долга перед своими родителями. Вернее, чувство безвозвратно утраченной возможности сделать что-то очень важное, важное и для себя, и для своих детей, внуков, возможность полнее познать своих родителей, их жизненный опыт. При этом я не могу жаловаться на то, что у меня не было контакта с каждым из них. Напротив, особенно, в последние годы их жизни, мы много беседовали, но в основном о сегодняшнем дне, текущем, как говорится, моменте.

В оправдании этого можно, пожалуй, предположить, что не обо всем из своего прошлого они хотели рассказывать, может быть, по каким-то причинам открываться до конца. Время, в котором им пришлось жить, не было из легких, тем более сравнивая со временем, в котором нам сегодня приходится жить. Могу с уверенностью предположить только, что ничего предосудительного на жизненном пути у них не было.

Одновременно, мне хотелось рассказать своим внукам о том, как исторические события в нашей стране повлияли на людские судьбы, связывая их или разъединяя, заставляя жить по разные стороны границ, в разных государствах. Как возникали новые семьи, рожались дети, у которых смешивалась кровь людей разных национальностей. И еще, я хотел рассказать, как простой парень из сельского поселка в глубинке Латвии стал партийным руководителем, участником политических баталий не только на уровне своей республики, но и всего могучего, в свое время, Советского Союза. Что заставило меня, строителя по образованию, заняться общественной деятельностью. Излагая все это, я не мог обойтись без своей оценки всего произошедшего и происходящего, не высказать свое мнение о трагических событиях в жизни народов, связанных с разрушением СССР.

И еще одно замечание о принципах, которыми я руководствовался при написании Записок. Это не дневник, в котором события, как правило, излагаются последовательно в соответствии с календарем. Я ставил себе цель остановиться на наиболее значимых и существенных фактах и событиях, позволяющих проследить жизненный путь членов семьи и представляющих интерес для наших потомков. Все излагаемые события стремился излагать строго в соответствии с действительностью, приукрашивать положение дел считал недопустимым. Многие факты из жизни старейших членов семьи даются на основании их воспоминаний, а также по сохранившимся письмам и документам.

Задумывались Записки как послание внукам, своим потомкам. Что получилось, судить читателям.

Начну Записки о своем отце, Клауцене Петре Петровиче, затем - о матери, Софье Дмитриевне, других членах семьи, моей супруге Анне Максимовне и ее корнях, о себе и своем времени. И так, приступим.

Часть первая.

КЛАУЦЕН ПЕТР ПЕТРОВИЧ

Родился Петр Петрович в крестьянской семье 14 августа 1897 года в Рубенском сельсовете Илукстского уезда, расположенном в восточной части Латвии. Характерная особенность названий населенных пунктов этого региона - с окончанием на букву «е»: Рубене, Илуксте, Виесите, Акнисте, Субате, Руйине (Rubene, Iukste, Viesīte, Aknīste, Subate, Rujine). Здесь же находится небольшой населенный пункт с названием «Клауце» (Klauce) и одно из красивейших озер Земгале под таким же названием. Может быть, из этой местности и происходят предки Петра Петровича. На латышском языке имя и фамилия звучит с окончанием на букву «с» и с ударением в фамилии на втором слоге - Петерис Клауценс (Peteris Klaučēns). Эта особенность написания и звучания фамилий и имен является характерной для латышского языка. Вполне возможно, что фамилия писалась и звучала с буквой «а» во втором слоге: Клауцан (так чаще всего сегодня латыши произносят нашу фамилию). Об этом свидетельствует дошедшее до нас единственное письмо мамы Петра Петровича, полученное им в середине 1923 г., в котором она подписалась как М. Клауца.

Перевода фамилии с латышского языка нет, откуда оно происходит - установить не удастся. Судя по тому, что близкие по звучанию фамилии имеются в некоторых западных странах (Klauzevič, Klauson, Klauzen) можно предположить о немецких или скандинавских корнях предков, что не удивительно, учитывая сложную судьбу народов Прибалтики. Но это отдельная история.

Из скупых рассказов Петра Петровича следует, что его родители не были из числа состоятельных землевладельцев, хотя владели 18 гектарами земли. То ли эта земля не была приспособлена для производства сельхозпродуктов, то ли по другим причинам, но работать по найму (батрачить) у других, более богатых хозяев, было обычным явлением в семье. Видимо поэтому Петр Петрович в подростковом возрасте после окончания начальной школы был отправлен учиться портняжному делу. Правда, как он в шуточной форме впоследствии рассказывал, из этого ремесла в конечном итоге он научился только разделявать (обметывать) петли под пуговицы, но и эти навыки использовать на практике ему не довелось. Жизнь оказалась многообразней и сложнее. К сожалению, продолжить образование после окончания начальной школы ему не удалось, все, что он достиг в дальнейшей жизни, будучи уже в России, благодаря самообразованию, да многочисленным курсам, которым советская власть уделяла первостепенное внимание в условиях острого дефицита кадров специалистов. Для подтверждения приведу сохранившийся документ, выданный Петру Петровичу после окончания очередных курсов (*орфография сохранена*):

«Удостоверение.

Предъявитель сего тов. Клауцен Петр Петрович, работающий в краевой прокуратуре в качестве пом. Краевого прокурора окончил в 1936 г. шестимесячные Юридические курсы по переподготовке работников Юстиции при Годичной Правовой школе Н.К.Ю. За время обучения тов. Клауцен П.П. проявил себя в учебе успевающим удовлетворительно, что подписями и приложением печати удостоверяется.

Заведующий Юридическими курсами:

Секретарь курсов:

10.06.1936 г.

г. Иркутск».

Для того чтобы понять логику формирования и становления личности будущего прокурора Улетовского района Читинской области, что расположен весьма неблизко от латвийской земли, придется ненадолго окунуться в историческое прошлое.

Конец XIX и начало XX веков характеризовался развитием капитализма в царской России. Латвия по нескольким причинам оказалась на переднем плане этих процессов. Об этом свидетельствуют бурный рост промышленности в Риге, Лиенае, Даугавпилсе. Именно в начале XX века начинают свою историю впоследствии крупные предприятия советского периода, такие как объединения ВЭФ, Рижский электротехнический РЭЗ, заводы вагоностроительный, судостроительные и многие другие.

Все это сопровождалось резким ростом численности рабочего класса, прежде всего за счет сельских жителей. Одновременно происходило разорение мелких крестьянских хозяйств, рост крупных. Отсюда, быстрый рост пролетариата (неимущих) как в городе, так и на селе.

В этой связи, вспоминаются личные наблюдения в период моей работы в начале 70-х годов прошлого столетия в Московском районе города Риги. Руководителям района много внимания приходилось уделять проблеме ликвидации аварийного жилого фонда. Объем такого жилья в районе оказался очень большим, чуть ли не половина всего аварийного жилья по городу. И хотя Московский район тоже был самым большим по количеству населения (более 200 тысяч из почти 900 тысяч в городе), не просто было понять, почему же в районе такое количество аварийного фонда. И это, несмотря на то, что основной объем нового массового жилищного строительства в Риге в те годы тоже был в Московском районе (Кенгарагс, Краста). Загадка раскрылась, когда вникли в историю развития промышленности Риги. Оказалось, что в период бурного роста капитализма в царской России (90-е годы XIX столетия – первое десятилетие XX столетия) в Риге новые промышленники для того, чтобы разместить все возрастающее количество рабочих построили большое количество деревянных, как правило – двух – трехэтажных, домов барачного типа. Располагались эти дома на окраине города, так называемом «Московском форштадте». Размещали людей в них по большим комнатам, расположенным на этаже коридорного типа. Впоследствии эти дома постепенно перестраивались, появились дополнительные стены, отдельные квартиры, кое-где провели центральное отопление, воду, канализацию. Однако, по прошествии 60-70-80 лет все эти дома, естественно, стали сыпаться, превратились в аварийные.

Напомнил я об этом для того, чтобы подчеркнуть, что детские и юношеские годы Петра Петровича, которые определили впоследствии его жизненный путь, совпали с периодом развития капитализма, когда происходит поляризация общества: обогащение одной, меньшей части, и обнищание другой – большей части населения. Отсюда – нарастание протестных настроений в народе, и, как говорится в науке, нарастает революционная ситуация, продуктом которой в конечном итоге оказался мой отец. Если посмотреть историческую литературу, то можно убедиться в том, что Латвия оказалась в центре революционных событий царской России как в 1905 – 1907 г.г. так и в последующие годы острых революционных событий, охвативших Россию. Не случайно, появление Красных латышских стрелков, сыгравших известную (по оценке некоторых историков, решающую в отдельные периоды) роль в Октябрьской революции 1917 года. Более подробно я раскрыл эту тему в своей другой книге.

Вот в такой обстановке рос, мужал и становился гражданином Петр Петрович. Не обошла стороной его первая мировая война: после оккупации части территории Латвии немецкими войсками он оказывается в Резекне (эвакуирован), затем призывается в царскую армию – Латвийский запасной полк, после обучения зачисляется в 8-ой Латышский стрелковый полк, расквартированный под Ригой. Участвует в боях с немецкими войсками.

Переломные события, кардинально изменившие судьбу народов, происходят в этот период на территории царской империи: провозглашается советская власть, образуются советские республики, вскоре объединившиеся в единое федеративное государство. Часть народов, входивших в состав царской России, образовали независимые государства, в том числе впервые в истории латышского народа провозглашается Латвийская республика.

Молодой Петерис Клауценс, начав воинскую службу в царской армии и продолжив ее в составе стрелкового подразделения молодой армии буржуазной Латвийской республики, в конце концов, оказывается в советской России. Со слов Петра Петровича это произошло в один из осенних дней, когда он в составе своего подразделения находился на границе с Россией. Ранним утром стоял сильный туман, что не так уж редко для Прибалтики, как говорится, ни зги не видно. Петр Петрович попросил своего сослуживца засечь расстояние, которое он пройдет в густом тумане, пока его очертания совсем не исчезнут. Сослуживец согласился, однако этого было достаточно, чтобы дойти до границы соседнего государства и оказаться в советской России. В феврале 1918 года он начинает службу в Красной Армии в составе Белогорского революционного отряда I Латышского стрелкового полка. В 1920 году его рекомендуют на учебу в областную партийную школу в городе Казань, где в этом же году он вступает в Коммунистическую партию. После окончания учебы его направляют на службу в органы ВЧК. Более пяти лет он проходит оперативную службу в Татотделе ОГПУ города Казани. Сам Петр Петрович об этом периоде говорил неохотно и очень мало. Если посмотреть на его трудовую книжку, то можно найти за эти годы записи о его работе в качестве младшего милиционера по охране типографии, швейцара гостиницы, даже заведующего парикмахерской. Чем на самом деле был занят молодой латыш, сотрудник ОГПУ, можно только догадываться. Из его скудных слов можно было понять, что в это же время он участвует в борьбе с басмачеством и бандитизмом в республиках Средней Азии (не случайно, учитывая это, в последствие его награждают боевым орденом Красной звезды).

С конца 1926 года и до марта 1930 года Петр Петрович работает в различных учреждениях в городе Самарканде, после чего переезжает в город Ленинград. Здесь непродолжительное время трудится в областном отделе Оргметалла, а уже в начале 1931 года Ленинградским обкомом партии в счет 500 мобилизуется «для разрешения мясной проблемы» и направляется в Казахстан. Проблема обеспеченности населения продуктами питания, особенно в крупных городах, в эти годы для страны была весьма острой. Для ее решения руководством страны принимались энергичные меры, в том числе и мобилизация партийного актива для борьбы с местничеством и наведением порядка непосредственно в местах заготовки и производства мясных продуктов. Именно этим пришлось заниматься Петру Петровичу в течение ряда лет, работая директором Саркатской скотобазы, затем директором Уштюбинского и Талдыкурганского мясокомбинатов. В конце 1932 года Всесоюзным объединением «Заготскот» он направляется в Иркутскую краевую контору «Заготскот», где работает директором межрайонной конторы, затем - старшим инспектором краевой конторы.

Можно предположить, что посланец Ленинградской партийной организации, выполняя партийное поручение в непростых условиях, проявил себя с положительной стороны: решительность, настойчивость, хорошие организаторские способности. Все это, а также добросовестность, честность, отсутствие дурных привычек обратили на себя внимание у руководителей партийных органов. В результате, Иркутский крайком ВКП(б) направляет Петра Петровича на работу в краевую прокуратуру, в начале на должность помощника прокурора, затем, после окончания специальных курсов в 1936 году, - прокурором Улетовского района Читинской области.

Здесь я хотел бы остановиться на том, почему же Петр Клауцен, простой парень из далекого латвийского хутора так тесно связал свою жизнь с большевистской партией, без раздумий и сомнений практически в одиночку переходит через границу и отдает всю свою жизнь советскому государству. Следует сказать, что здесь нет случайности — это веление времени, период, когда идеи социализма на практике овладевали массами. И в то же время, свой коммунистический выбор Петр Петрович сделал во многом под влиянием своего старшего брата – Яниса. Об этом несколько подробнее.

По рассказам Петра Петровича, Янис был старше его. Сохранилась переписка братьев, вернее, письма Яниса своему брату. Эти письма – своего рода слепок исторического момента, отображение революционной борьбы за становление нового социалистического строя, полной неожиданностей и трагизма.

Из писем видно, что судьба разъединила братьев с детских лет. Так, в письме для Пети, адресованной неизвестной Анне Степановне, Янис пишет:

«... нам не суждено с самых малых лет быть вместе. Годами мы не видимся с ним, и встречи через долгое время, были как во сне. ... Оставил его почти ребенком, да и сам был еще юноша, встретились уже взрослыми и в первое время не узнали друг друга. И вновь жизни весы бросили нас, оторвали, может быть навеки. Но мы дали друг другу слово бороться всеми силами, чтобы быть вместе и пока что энергия у нас есть – хотя далеко до цели, но мы добьемся.»

В другом письме непосредственно Петру:

«Вспомни, Петя, 1915 год, когда мы с тобой растались и дали друг другу слово добиваться, чтоб вновь увидеться, я и теперь даю это слово, дай и ты и оно исполнится». Говоря о своей, судьбе Янис пишет Петру в апреле 1921 года:

«Я из дому вышел 15 мая 1920 года, т.е. принужден был уйти. Кроме того, со мной случилось, то, что вряд ли ты можешь себе представить (эту часть письма, как и выше приведенные выдержки из его писем Янис пишет на хорошем литературном русском языке. Большая же часть писем он пишет на латышском, я же буду их излагать, как правило, в переводе на русский). Я почти оказался в когтях дяди, но мои силы меня спасли, пули свистели сзади затылка вдоль моих ушей, но это мелочь (es jau biju onkula nagos, bet mans spēks mani izglāba, lodes gan no rakauses svīļpoja gar ausīm, bet tās nieks). Так вот, милок, как говорится, в жизни не везет, хотелось бы жить, но все судьба не дает жить. Временно я живу хорошо, но все же, хотелось бы устроиться жить спокойно, ибо уже время».

Еще в одном письме, примерно в это же время:

«Ты беспокоишься обо мне, не беспокойся, миленький, - я живу довольно хорошо – работаю в канцелярии, и все остальное у меня хорошо идет. Хотя и недалеко нахожусь от мамашки, но все же, через границу не решаюсь ехать, тем более, потому что служу не в пр. милой Латышской армии. Думаю, что ты меня прекрасно знаешь и понимаешь, что я не стану объяснять, да это и не кстати.»

Из этих писем не ясно, что же случилось с Янисом. Скорее всего, в Латвии власти его преследовали, пытались арестовать, и ему реально грозила смерть. В результате, он оказался на территории соседней Литвы.

Из рассказов Петра Петровича известно, что Янис был активным революционером. И это видно из писем.

Вот выдержка из письма Яниса Петру, когда тот служил в Латвийской буржуазной армии:

«Пиши мне все, какие настроения у солдат и не наступило ли время им открыть глаза, чтобы можно было увидеть, насколько нас обманывают. Единственная цель правительства чтобы развить низменные инстинкты. Думаю, что ты тоже понимаешь, что буржуазия Англии вместе с правителями Америки и Франции, как и еще в большей степени правящие круги у нас, предпринимают все, чтобы ввести в заблуждение рабочий класс. Настало время, чтобы направить усилия против тех, кто нас пытается побороть. Думаю, что ты будешь со мной согласен».

В другом письме Янис пишет:

«Не имею возможности читать газеты – хотя, по правде говоря, в них только лживые длинные статьи, которыми буржуазия постоянно наполняет все газеты, и которые не стесняются выпускать и как опиумом дурманить и превращать народ в послушных человечков. Говоря о политике нужно признать, что эта тщательно маскируемая ложь уже не может быть спрятана, и там и тут уже проявляются первые плоды этого обмана».

Даже из этих коротких выдержек видны политические настроения старшего брата. Это был период, когда в России уже победила социалистическая революция, а в других странах, включая родную Латвию, сохранялся строй, при котором владельцы заводов и фабрик, пашен и лесов, составляющие незначительное меньшинство общества, безжалостно эксплуатировали рабочих и крестьян, а буржуазное государство целиком и полностью обеспечивало эти цели.

Нельзя не заметить, что та часть писем, в которых говорится о политике, рабочем классе, его борьбе с буржуазией, написаны ярким, страстным языком убежденного борца, революционера, скорее всего - профессионала. И эта страстность, и убежденность, по всей видимости, оказало решающее влияние при становлении личности молодого Петра, определила его дальнейшую судьбу.

Как сложилась судьба самого Яниса Петровича Клауцена неизвестна, нам, к сожалению, лишь приходится гадать. Можно предположить по его отдельным высказываниям в письмах, что он был сторонником всемирной революции и боролся за то, чтобы рабочий класс Англии, Америки, Франции и других стран по примеру российского пролетариата взял власть в свои руки. Это теория, которую провозглашал Л. Троцкий – троцкизм.

Впоследствии переписка прекратилась. Янис пропал: что случилось с ним осталось неясным, скорее всего, погиб при каких-то обстоятельствах, а может быть перебрался, например, в Америку и прожил там долгую и счастливую жизнь. Во всяком случае, это может стать отдельной темой для изучения.

Хочу отметить особую теплоту в переписке братьев. Все письма начинались и заканчивались теплыми, даже нежными, обращениями Яниса к своему младшему брату:

«... мой милый мальчик. Mīļo dargo brālīt!! жму твою ручку и крепко, крепко целую. Будь силен, как всегда, и не падай духом...».

Сведений и свидетельств о родителях и остальных членах семьи Петра Петровича сохранилось очень мало. По крайней мере, воспоминаний об его отце, моем дедушке, в моей памяти не оказалось совсем. Только в период, когда я работал над этими записками среди сохранившихся у моей сестры бумаг, я обнаружил письмо мамы Петра Петровича своему сыну, находившемуся в то время уже в России. Письмо написано весной 1923 года. Привожу его с незначительным сокращением в переводе на русский язык.

Здравствуй, милый сын!

В первых строках этого письма приветствую Тебя вдалеке со многими, многими сердечными поздравлениями и желаю всего хорошего в Твоей жизни. Почти после двухлетнего ожидания Ты получил наше письмо. Твое письмо, которое получила несколько дней назад, свидетельствует об этом. Я очень рада, что Ты что-то знаешь обо мне и мы можем переписываться. Уже была потеряна вера, что эти письма могут достичь моей цели. После смерти Марии целый полк писем написали Хейслеры, одна я послала четыре письма, но ни одно из них не достигло цели. От Тебя, однако, мы получали письма, но послать ответы мы никак не могли. Неизвестно, что и эти жалкие строчки достигнут ли свою цель. И все же я надеюсь, что может быть Бог поможет. Хотя сомнительно получит ли эти строки тот, кому они пишутся, все же хочу сообщить, что в настоящее время я жива и здорова. Не беспокойся так обо мне, так как до сих пор, спасибо Богу, я обхожусь, и у меня нет особых проблем. Все нужное и необходимое у меня имеется. Живу по-прежнему, как и раньше до смерти Марии. У нас есть домработница, которая работает и мне остается домашние заботы и воспитывать и заботится о маленьких Алберте и Вере, которые сейчас моя радость и Твои письма. Не беспокойся много обо мне, у меня, слава Богу, до сего времени никаких проблем нет. Жизнь по дому идет в обычном русле. Живем все спокойно, по-другому и не может быть таким как мы после похорон преждевременно ушедшей. Антон вместе с умершей получил от Тебя одно письмо, однако не писал ответ из-за того, что не было уверенности, что его можно отправить. И что можно делать, если нельзя отправить. Поэтому не беспокойся обо мне и напиши ответ, если получишь это письмо. Много приветов от Веры и Алберта. Последний еще помнит своего дядюшку. Остаюсь живой и здоровой, и не беспокойся обо мне, моя жизнь идет обычным образом без изменений.

Будь здоров и пиши ответ.

М. Клауцан

15 мая 1923 года.

Рукой П.П. приписано: *Получено 11.07.23 г.*

Некоторые комментарии к этому письму: Мария – сестра Петра Петровича, Антон – ее муж, Вера и Алберт – их дети. Хейслеры – фамилия семьи сестры Петра Петровича. Могут добавить, что с родственниками по фамилии Хейслеры мои родители, а затем и мой брат встречались после переезда в Акнисте. С ними, а также с еще одними дальними родственниками по линии отца с русской фамилией Плечкины встречался уже в Илуксте впоследствии и мой племянник Константин Клауцен со своей мамой Екатериной Алексеевной. Однако, должного контакта и заинтересованности со стороны этих родственников в продолжение встреч не последовало.

Для того, чтобы больше не возвращаться к вопросу о родственниках по линии отца, проживавших в Латвии, расскажу, забегая вперед, о посещении нашей семьей матери отца (моей бабушки), которая состоялась вскоре после возвращения отца в Латвию после окончания Великой Отечественной войны. Было это приблизительно в 1946 году. Жили мы тогда в поселке Вецумниеки Баусского района, что около шестидесяти километров от Риги (может быть, это был хутор, в котором мы сначала жили после возвращения отца в Латвию). Учитывая, что Рубене находилась в другой части Латвии, и чтобы попасть туда надо было пересечь всю республику. Машин тогда не было, вернее, практически для нас, не было. Доступным единственным средством передвижения была конная тяга. И вот, погрузив всю семью (мама, брат, я, сестра возраста до трех лет) на конную подводу отец полный радужных надежд повез свою семью в родные края. За один день не управились, заночевали по пути на берегу реки, название не помню. Матери отца, к которой мы ехали, в то время было где-то около 90 лет. Жила она на хуторе, в большом деревянном доме, запомнилась веранда, в которой стояли большие, как нам казалось, деревянные кадки, в которых росли фикусы с огромными листьями (почему-то, мы с братом утром именно в них написали, наверное, не знали где искать туалет, за что, конечно, нам и влетело). По этой причине, а скорее из-за того, что семья отца оказалась русской (никто из нас, за исключением отца, не владел латышским языком), нас не признали своими, что очень обидело отца. Во всяком случае, на этом родственные связи по линии отца, практически не начавшись, прервались окончательно: его мама вскоре умерла, а с оставшимися дальними родственниками контакты, как уже говорилось выше, также не получились.

Возвращаясь к повествованию о жизни Петра Петровича после назначения на должность прокурора Улетовского района, следует сказать, что это был интересный и плодотворный для Петра Петровича период: пришлось осваивать практически новый участок работы вдалеке от непосредственного начальства краевого центра. С одной стороны - большая самостоятельность, с другой – большая ответственность. Этот район, кстати, как и сейчас, был одним из крупнейших в Читинской области. В моей памяти сохранился деревянный домик с низкими окнами, обрамленными деревянными резными кружевами, в котором жила наша семья. Рядом небольшая, с быстрой, но почему-то и всегда холодной водой сибирская речка со странным названием Ингода.

И все же, именно на этой должности закончилась деятельность Петра Петровича на поприще правоохранительных органов: в 1940 году отец переезжает в центр России – Владимирскую область и работает на хозяйственных должностях. Причину такого кардинального изменения в судьбе Петра Петровича, со слов моей матери, следует искать в той сложной внутривластной обстановке, которая сложилась в Советском Союзе в конце тридцатых годов, и которая чаще характеризуется сегодня как годы сталинских репрессий. Вступив в должность прокурора, Петр Петрович взялся за наведение порядка в борьбе с преступностью, хулиганством, воровством и другими злостными нарушениями правопорядка. Это находило поддержку у жителей района, однако вышестоящее начальство требовало усилить борьбу с «врагами народа». Но, их то прокуратура района не выявляла, отец считал, что делать врагов из обычных людей преступно. Наверху посчитали, что это не просто, над Петром Петровичем стали сгущаться тучи: вспомнили, что в юности он служил в буржуазной (Латвийской) армии, имеет родственников за границей, получал письма из-за рубежа, видимо, сам писал туда и т.д. и т.п. До каких-либо конкретных действий по отношению к прокурору

Улетовского района еще не дошло, но друзья Петра Петровича настойчиво порекомендовали ему поскорее перебраться в другой регион страны. Основание для этого уже было: ссылаясь на неблагоприятные климатические условия, которые крайне отрицательно сказывались на здоровье его жены и малолетних детей (кроме меня в семье был мой брат, на два года старше) отец давно поднимал вопрос о необходимости смены климата. Такая постановка вопроса не была оригинальной, несколько сотрудников прокуратуры в области до него по аналогичным причинам получили возможность переехать вместе с семьями в центральные области России.

Друзья в облпрокуратуре помогли, и пока в соответствующих подразделениях накапливались материалы о, якобы, вражеских действиях П.П. Клауцена, прокурор области принимает решение об освобождении от занимаемой должности прокурора Улетовского района в связи с переездом во Владимирскую область по семейным обстоятельствам.

Как уже говорилось выше, новый этап в жизни П.П. Клауцена начинается в городе Меленки Владимирской области. Он возглавляет заготконтору. В начале Великой Отечественной войны по решению партийных органов его назначают председателем колхоза в деревне Красново, что в 25 километрах от города Муром. Деревня небольшая, около 120 домов. Возле деревни протекала небольшая речка с названием Черная, недалеко раскинулся шикарный сосновый бор, а возле него – старинная деревянная церковь. Кругом расположены леса. В них огромное количество различных диких зверей. Не помню в отношении медведей, но вот волки довольно часто тревожили жителей деревни. Однажды зимой отец возил моего брата в город по каким-то лечебным делам. Стало темнеть, а их все нет, мама и соседи стали волноваться. И когда уже совсем стемнело, появилась подвода, на которой возвратились наши ездоки. И какое же было удивление, когда мы заметили посреди подводы сгоревшие остатки кострища, оказалось, что по пути на них напала стая волков. Лошадь, как всегда в подобных случаях, стала испуганно метаться, застряла в сугробе. Спасло то, что отец разжег прямо на подводе костер и горящими поленьями стал отпугивать волков.

Здесь я должен остановиться на одном принципиальном вопросе, который возникает каждый раз, когда речь заходит о периоде Великой Отечественной войны, был ли Петр Петрович участником ВОВ? Вопрос вполне естественный: в 1941 году ему было 44 года, в 1945 – 48. Нет, не был, и вот по какой человеческой причине: к сорока годам у отца крайне обострилось венозное заболевание ног (тромбофлебит). Со слов мамы на его ноги без содрогания смотреть было невозможно - вместо вен сплошные узлы. Кажется, что в любой момент с ними что-то непоправимое произойдет, надо было обязательно их бинтовать. Какого-либо эффективного лечения в то время (да и сегодня) не было. Врачи были вынуждены уже в 1939 году присвоить ему вторую группу инвалидности. По этой же причине медицинская комиссия признала его непригодным для военной службы.

Вот такая проза жизни.

Дальнейший жизненный путь Петра Петровича сложился с одной стороны непредсказуемо, с другой – закономерно. После освобождения Красной Армией Советской Латвии в октябре 1944 года от немецко-фашистских захватчиков в Центральном Комитете ВКП(б) решили разыскать членов партии, когда-то проживавших в Латвии, и направить их в республику. Так П.П. Клауцен оказался среди тех, кто был партийно-мобилизован и в начале 1945 года прибыл в распоряжении Центрального Комитета Компартии Латвии. Направлен он был в Баусский район на должность парторга (заместитель директора по политико-воспитательной работе) МТС (машинно-тракторная станция).

Дело в том, что обеспечить сельскопроизводителей техникой в условиях войны, да и в последующие, после ее завершения, годы в требуемом объеме было невозможно. Поэтому государство пошло по пути создания своего рода прокатных пунктов, в которых был сосредоточен набор всей необходимой техники (трактора, сеялки, плуги, молотилки и т.д.). По заявкам сельских предприятий она направлялась в соответствующие хозяйства для проведения тех или иных работ. МТС обеспечивала эксплуатацию, текущее обслуживание и ремонт техники, набор, обучение персонала. Коммунистическая партия организовывала эту систему и осуществляла контроль за работой. Парторг МТС (своего рода комиссар) был тем человеком,

который от имени партии обеспечивал исполнение этих функций. Главным была задача борьбы с местничеством, соблюдение государственных интересов в повседневной деятельности руководителями МТС. Поэтому партторги назначались Центральным Комитетом и, как правило, не из местных кадров. Кстати, подобная система назначения представителей партии в наиболее важные производства широко применялась в Советском Союзе в наиболее сложные периоды и полностью себя оправдала.

Семью Петр Петрович перевез в Латвию несколько позднее, наверное, ближе к осени 1945 г. Сначала мы жили на хуторе где-то 10 километрах от Вецумниек. Запомнилось, что у отца была лошадка (до сих пор помню запах свежей сбруи из кожи, которую отец принес вскоре после нашего приезда), он имел оружие.

На этом надо остановиться отдельно. В послевоенной Латвии, несмотря на то, что фашисты были изгнаны, было неспокойно. В лесах скрывались так называемые «лесные братья» (“meža brāļi”) – недобитые фашистские приспешники, люди, которые не признавали советскую власть, запятнали себя какими-либо действия против Красной Армии. Нужно сказать, что они приносили немало беспокойства руководству республики и ее жителям: нападали на представителей власти, зверски расправлялись с целыми семьями, активными деятелями советской власти. Противостоять этим вооруженным отрядам властям было нелегко, так как они находили поддержку у части населения республики. Представьте себе селянина, занятого днем мирным трудом, в ночное время превращающегося в вооруженного бандита – как его распознать? Для борьбы с бандитизмом в системе внутренних органов были созданы специальные подразделения - истребительные батальоны («истребки») в основном из местного населения. Нередко между ними и отрядами «лесных братьев» разгорались настоящие боевые действия, потери от которых несли обе стороны. Такое противостояние продолжалось вплоть до 1946 года, когда органами НКВД по решению союзных органов были высланы (переселены) из республики в восточные регионы России семьи жителей республики, которые были уличены в поддержке «лесных братьев». Нужно сказать, что эта, по сегодняшним оценкам, не достаточно правовая, акция позволила навести порядок в республике, сохранить сотни, а может быть, и тысячи жизней.

Возвращаясь к Петру Петровичу и его личному оружию, следует сказать, что применить его ему пришлось лишь один раз - осенью 1945 года, возвращаясь на подводе поздно вечером по сельской дороге к себе на хутор, он был обстрелян из прилегающих кустов. К счастью, тогда все закончилось благополучно, лошадка была быстрой, противник недостаточно боевым. Не исключено, что это была просто акция устрашения.

Недалеко от хутора, в котором мы жили, была ветряная мельница. Она не работала, перекрытия были полуразрушены, но огромные деревянные крылья от ветра качались. В верхней части мельницы располагалась стая крикливых ворон, они каждый раз, когда мы с братом забирались наверх, разлетались со страшным шумом и гамом. На мельнице или на чердаке большого каменного сарая во дворе хутора, где жила наша семья, мы с братом нашли винтовку и кавалерийскую саблю. Правда, наше счастье было непродолжительным – как только находки стали известны родителям, они были немедленно конфискованы.

В это же время в семье встал вопрос об учебе детей. Сложность заключалась в том, что, во-первых, школа была только в Вецумниеках, а это, как уже было сказано, около 10 км от нашего места жительства. Кроме того, школа только латышская, а мы с братом родным языком своего отца, к сожалению, не владели. Следует сказать, что к этому времени мой брат Эдуард уже отучился два года начальной школы по прежнему месту жительства в России, а я закончил первый класс. И все же другого выхода, как обоих отправить в первый класс Вецумниекской школы с латышским языком обучения у наших родителей не было. Учитывая, что школа находилась далеко, нас поместили в школьный интернат. В конце недели отец приезжал за нами на подводе, а по понедельникам ранним утром отвозил в школу. Все было хорошо до тех пор, пока не случился срыв в системе доставке детей из школы домой.

А случилось следующее. В конце очередной недели отец задержался на работе и в назначенное время не приехал. Мы с братом решили идти ему навстречу, нам казалось, что

дорога хорошо известна. Естественно, заблудились – свернули не туда или не свернули туда, куда надо было. Отец приехал, нас не застал, поехал домой, надеясь, что в дороге мы разминутся и дошли сами до дому. Легко представить в каком состоянии оказалась мама.

Нас подобрал (вернее, задержал) дорожный мастер, который на велосипеде объезжал свой участок. Он обнаружил, что на части его участка кто-то камнями разбил изоляционные чашечки на электрических столбах. Встретив двух пацанов, праздно шатающихся, по его мнению, он, естественно, обрадовался, что нашел виновных. Мы объясняли ему по-русски, что этого не делали, он же по-латышски (видимо плохо нас понимал) доказывал обратное. И тут появился наш отец, вернувшийся на трассу в поиске своих потерявшихся детей. Отец нас понял. Ну а дома, конечно, скандал. Мама в том учебном году нас больше не пустила в эту школу. Таким образом, еще год для нас с братом оказался бросовым. Кстати, школьный интернат, в котором мы с братом непродолжительное время проживали, вскоре по какой-то причине сгорел. К счастью, обошлось без жертв.

В итоге, этот случай помог отцу решить вопрос о получении квартиры непосредственно в Вецумниеках. Мы поселились на окраине поселка в небольшом доме, расположенном по дороге на Ригу, на противоположной стороне которой располагалась кузница. Это дало возможность нам с братом продолжить учебу в местной школе.

В 1947 году Центральный Комитет Компартии Латвии, в связи с образованием Акнистского района в составе Илукстского уезда, переводит Петра Петровича туда на работу в райком партии. Семья, естественно, вместе с ним переезжает на новое место жительства. Акнисте - поселок городского типа в 140 – 150 километрах от Риги с населением где-то 2-3 тысячи жителей, кстати - недалеко от родных мест Петра Петровича.

Представляет интерес история Акнисте. В царской России это был населенный пункт в составе Каунасской губернии соседней Литвы – Окнисте, 80 процентов его жителей составляли евреи. В поселке было две синагоги, самодеятельный еврейский театр, школа. После приобретения Латвией независимости в результате уточнения границ с Литвой Окнисте переходит в состав Латвии уже в качестве Акнисте в обмен на выступ в приморском районе латвийской территории в пользу Литвы, в последствии знаменитый район Паланга рядом с Лиепаей. В июле 1941 года все евреи в Акнисте были расстреляны.

В Акнисте Петр Петрович работает сначала пропагандистом, затем - секретарем райкома партии. Райком просуществовал не долго, оказалось, что это было ошибочное решение при проведении административной реформы в республике.

После ликвидации района поселок остается в составе Илукстского района. Петр Петрович трудится на различных должностях: в местной МТС заместителем начальника по политмассовой работе, возглавляет дорожный участок, затем с начала 1954 года и до ухода на пенсию в начале шестидесятых работает председателем Акнистского поселкового совета.

Мне, автору этих строк, трудно давать оценки Петру Петровичу, моему отцу, не боясь быть обвиненным в предвзятости. К счастью, мне пришлось познакомиться и даже работать рядом с теми людьми, с которыми Петр Петрович трудился в те далекие годы. Один из них, Феликс Петрович Бабиц, в мое время жил в Риге, был помощником второго секретаря ЦК Компартии Латвии, второй – В. Моисеев руководил предприятием системы коммунального хозяйства в Октябрьском районе города Риги. Так вот, Ф. Бабиц работал вместе с Петром Петровичем в Акнистском райкоме партии, а Моисеев был первым секретарем этого райкома. Оба они с теплотой говорили о Петре Петровиче как о хорошем организаторе, спокойным и уверенным в правоте своего дела, никогда не теряющего чувство юмора. Характеризуя его как принципиального коммуниста, не сговариваясь, они особо отмечали два качества Петра Петровича: он никогда свои личные интересы не ставил выше общественных, не дай бог что-то незаконное сделать для себя, своей семьи, что-то положить себе в карман. В этой связи мне вспоминаются недовольное бурчание его жены, моей мамы, по поводу каких-то продуктов, которые «все уже давно приобрели, а он совсем не думает о своих детях, которым есть нечего». И второе – в любых условиях стараться находить возможность сделать полезное для людей, для населения поселка. Сам Петр Петрович, позднее, с гордостью рассказывал, как удалось

заложить и взрастить в Акнистах два новых парка, один из них, скорее сквер, в центре поселка на месте бывшего рынка, а второй – на левом берегу местной речушки Сусея внизу у моста. Много лет спустя, когда мне снова удалось побывать там, я убедился, что это действительно замечательно, и Петру Петровичу было чем гордиться.

Не случайно, как вспоминала мама, в то время, а также позднее, когда он уже был на пенсии, к нему приезжали и приходили люди из окрестных селений, чтобы посоветоваться по возникающим проблемам, часто связанными с взаимоотношениями с представителями органов власти. И никому он не мог отказать, не посоветовать.

О лучших человеческих качествах Петра Петровича в период его работы председателем колхоза в военные годы красноречиво говорят письма бывшего секретаря комсомольской организации этого колхоза Павла Ивановича Жидомирова. Эти письма я получил уже после того, как стал первым секретарем Рижского городского комитета Компартии Латвии, и мое имя стало мелькать на страницах центральных газет. Привожу их в сокращенном виде.

«... в моей памяти сохранились хорошие чувства о Ваших родителях. Петр Петрович во всей моей сознательной жизни был примером настоящего коммуниста, скромного человека высокой эрудиции, прекрасного семьянина, большого трудолюбия и человечности. Наверное, я стал коммунистом потому, что он был для меня образцом, по которому сравниваю себя.

Впервые я встретился с Петром Петровичем в годы войны в 1942 году. Он работал председателем колхоза в моей родной деревне Красново. Я вернулся в свою деревню из госпиталя после ранения на фронте. Меленковский райвоенкомат назначил меня начальником учебного пункта по допризывной подготовке в село Девятино (это рядом с Красновом). Райком комсомола назначил меня комсоргом в свой колхоз, где председателем был Петр Петрович. Одновременно райком комсомола рекомендовал меня учителем начальных классов в Девятинскую школу. Днем приходилось работать в школе, а вечером заниматься комсомольскими делами и заниматься с допризывниками.

В первые дни работы нас с Петром Петровичем вызывали в райком партии на совещания. Накануне вечером я пришел к нему в правление колхоза и напомнил, что нам завтра надо ехать в райком. Он немного подумал и сказал, что «в райком не поедem, лошадь плохая, телега плохая, сбруя плохая. Я же не Ванька-сборка, как у вас у русских говорят, я же председатель колхоза. Пока все не сделаем, не поедem». Когда все сделали мы поехали в райком, хотя нас и не вызывали. Секретарь райкома нас отругал: почему не явились вовремя. Петр Петрович объяснил, что «лошадь плохая, телега плохая...» и т. д. Сказал, что «не обязательно быть на совещании, а какие ценные указания будут, мы с удовольствием с комсоргом выслушаем и примем к исполнению». Вопрос стоял о выполнении хлебозаготовок. Петр Петрович обещал выполнить хлебозаготовки в срок и в объеме полутораплана. Больше он сделать не может, надо кормить колхозников. «Ведь надо кормить колхозников, а то и плана не выполним». Вот этот эпизод я очень часто вспоминаю и рассказываю в кругу друзей.

Работая председателем колхоза, он очень широко применял материальную заинтересованность. Все работы выполняли колхозники на проценты. Скажем 80 процентов в колхоз, а остальные колхознику. Это очень простая истина. За это время значительно поднялась дисциплина среди работников колхоза, поднялись урожаи посевов, все убирали в срок и без потерь.

Петр Петрович был очень тактичен ко всем работникам, каждого называл по имени и отчеству. Внимательно отзывался на все нужды и запросы колхозников и жителей деревни. Удивительная скромность, честность, принципиальность, доступность для всех и трудолюбие. Таким он мне запомнился на всю жизнь. Редко встретишь таких руководителей».

Вот такие оценки человеческих качеств Петра Петровича, сделанные вполне зрелым человеком спустя почти 50 лет. Хочу подчеркнуть, что эти признания появились не по моей просьбе, а по инициативе самого П.И. Жидомирова. Можно сказать, что действительно, Петр

Петрович оставил неизгладимый след в душе этого человека, что и заставило его найти меня и написать эти теплые слова.

К этому можно добавить, что интерес представляет и жизненный путь самого П.И. Жидомирова. Он родился в 1923 году в той самой деревне Красново. В семье было шестеро братьев и одна сестра. Павел был самым младшим. Все шестеро братьев были на фронте, трое погибли, трое вернулись инвалидами. Сам Павел Иванович до войны закончил три курса индустриального техникума. В 1941 году в ноябре месяце, когда немцы были рядом с Москвой, его, 18-летнего мальчишку, призвали в армию. Сначала был направлен в пехотное училище, проучился там 3,5 месяца, и в звании младшего лейтенанта был направлен на Волховский фронт. В июне 1942 года был тяжело ранен, после госпиталя вернулся в родную деревню, где и пришлось поработать рядом с Петром Петровичем.

На этом фронтовые дороги для Павла Ивановича не закончились: в 1944 году он был снова призван в Красную Армию и направлен на фронт. Был назначен командиром стрелковой роты, участвовал в составе 1 Белорусского фронта в освобождении Белоруссии, Польши и в Берлинской операции. На подступах к Берлину был ранен, но легко. После Победы был комсоргом полка в чине старшего лейтенанта, затем работал по репатриации советских граждан из американской зоны, начальником сектора комендатуры г. Лейпцига. В конце 1945 г. демобилизован по указу о досрочной демобилизации учащихся и студентов, из-за войны не закончивших высшие и среднетехнические учебные заведения. По возвращению закончил техникум, затем заочный машиностроительный институт, почти 40 лет проработал преподавателем ремесленного училища и радиотехникума в г. Муроме.

Представляет интерес судьба руководителей колхоза в деревне Красново. После отъезда Петра Петровича председателем был избран брат Павла Ивановича Семен Иванович, незадолго до этого вернувшийся с фронта без руки и работавший в колхозе бригадиром. Он продолжал использовать в руководстве колхозом ту же экономическую и хозяйственную линию, что и Петр Петрович. Дела шли не плохо. Однако в конце 1949 года кто-то написал в обком партии письмо о том, что председатель нарушает колхозный устав - в хозяйстве работают не на трудодни, а на проценты. Приехала комиссия, проверила, факты подтвердились. Председателя колхоза сняли с работы, исключили из партии и отдали под суд. Правда, в тюрьму не посадили, помиловали как инвалида ВОВ. Председателем колхоза избрали учителя сельской школы, работа в колхозе стала строиться по трудодням. Как сообщил Павел Иванович, работать стали хуже, люди начали покидать деревню. В конечном итоге, судьба этого колхоза сложилась весьма печально: ели-ели сводили концы с концами, последовало объединение с рядом расположенными колхозами в совхоз, но и там положение не улучшалось. Деревня Красново попала в разряд «не перспективных», к началу 90-х годов половина домов было сломано, сельскую школу закрыли, церковь сломали и увезли в Муром как памятник старины, в деревне остались одни старики.

Это отступление от темы получилось несколько длинным, но я решил не сокращаться. И не только потому, что в этой истории можно проследить лучшие качества Петра Петровича как разумного хозяйственника и уважаемого гражданина, и человека, но и потому, что в этой истории просматривается сложная судьба страны, преодолевшая тяжелейшую войну. На других примерах, уже в Латвии, я неоднократно убеждался в том, что там, где во главе хозяйств, а это особо убедительно проявлялось на селе, стояли разумные руководители, успех был гарантирован. На память приходят колхозы «Накотне» в Рижском районе, «Лачплесис» в Огрском и многие другие.

И еще об одной детали отступления от основной темы. В характеристике Петру Петровичу, данной ему Павлом Ивановичем Жидомировым, говорится, что он был «настоящим коммунистом». И это подвинуло его, Павла Ивановича, тоже стать коммунистом. Высокая оценка. Сейчас, когда я пишу эти строки, новые политические руководители России, не говоря уже о Латвии, стараются все, что связано с советским, особенно - коммунистическим, представить в негативном плане. Так вот, я хочу, чтобы мои потомки знали, что это вранье, настоящий коммунист в наше время олицетворял человека, который на первый план ставил не

свои личные интересы, а интересы общества, коллектива, государства. Коммунист не имел право обогащаться за счет других, обманывать, вести себя недостойно как дома, так и в обществе. Не случайно, если коммунист, особенно руководитель, нарушал эти принципы, люди обращались в райком партии, и, если факты подтверждались – исключались из партии, летели с занимаемых постов.

В советской художественной литературе, как и в кино, немало произведений о настоящих коммунистах. Особо выделю из них книгу замечательного писателя, человека интереснейшей и сложной судьбы Николая Островского «Как закалялась сталь». Хочу пожелать своим потомкам: берите пример с Павла Корчагина – главного героя этой книги, в котором фактически отражена жизнь самого писателя.

Возвратимся к Петру Петровичу. Итак, как уже говорилось, трудовой путь он завершил в начале шестидесятых. При выходе на пенсию он стал персональным пенсионером союзного значения. Это не только повышенное денежное содержание, но и почетное звание, которое назначалось решением Центрального Комитета партии за особые заслуги коммунистов перед народом. Петр Петрович был награжден боевым орденом Красной Звезды, медалями, многочисленными почетными грамотами. Последние годы по мере возможности принимал участие в работе партийной организации, часто его приглашали в школы, где он рассказывал молодежи о трудном пути становления советской власти. До конца своей жизни Петр Петрович проявлял живой интерес ко всем событиям в общественной и политической жизни республики, страны, событиям в мире, сохранил ясность ума, трезвость в оценке деятельности настоящих и прошлых руководителей страны, КПСС. В повседневной жизни он был примером деловитости, собранности, спокойствия, умело пользовался юмором в сложных ситуациях.

Умер Петр Петрович 22 августа 1983 года в возрасте 86 лет, похоронен на Первом лесном кладбище города Риги.

Для того, чтобы завершить рассказ о жизни семьи Петра Петровича после перевода его на работу в пос. Акнисте, расскажу, как здесь сложилась судьба нас, его детей. Известно, что дети не выбирают своих родителей, как и жизненный путь, он, как правило, целиком зависит от главного члена семьи, которым для всех нас и был Петр Петрович.

Итак, мы с братом отучились два года в Вецумниекской средней школе, перешли в третий класс. После переезда семьи в Акнисте мы пошли в третий класс Акнистской средней школы. Школа была большая, трехэтажная кирпичная, расположена на самой высокой части поселка. Рассказывали, что в период правления в Латвии К. Ульманиса по его распоряжению на границе с Литвой были построены ряд таких школ, чтобы продемонстрировать перед иностранцами заботу государства о своих детях. Именно в этой школе мы с братом продолжили учебу в третьем классе латышской школы. В то же время, мама была обеспокоена низким уровнем знаний, который мы демонстрировали. При этом, и латышский язык, по ее оценки и мнению учителей, с которыми она консультировалась, был у нас весьма на примитивном уровне, так как дома мы общались исключительно на русском. В конечном итоге, она настояла на том, чтобы дальнейшее обучение проходило на русском языке. Этому способствовало то, что в Акнисте, наряду с латышской средней школой, была семилетняя с русским языком обучения, расположенная в том же здании. Таким образом, мы с Эдуардом с четвертого класса перешли в семилетку с русским языком обучения, которую и закончили в 1953 году.

Часть вторая

КЛАУЦЕН (СМИРНОВА) СОФЬЯ ДМИТРИЕВНА

Соня Смирнова, впоследствии – Клауцен Софья Дмитриевна, родилась 22 сентября 1905 года в старинном русском городе Иваново-Вознесенском (с 1932 года - город Иваново, областной центр) - текстильной столице России в семье рабочего. Отец – Дмитрий Федорович Смирнов, мать – Александра Михайловна Смирнова (девичья фамилия – Новикова).

Сохранилась архивная справка, выданная в 1932 году Смирновой Софье Дмитриевне Ивановским облархивом (на предмет поступления учиться в Музтехникум), о том, что ее отец *«Смирнов Дмитрий Федорович в алфавитах прядильной фабрики Т-ва Иваново-*

Вознесенской Ткацкой М-ры с 1906 по 6 октября 1911 г. значится планищик, ремонтниковщик, подмастерье». Что такое «планищик, ремонтниковщик» в ткацком производстве можно предположить, а вот «подмастерье» – это рабочая специальность высокой, можно сказать, наивысшей, квалификации. Теперь его бы отнесли к рабочему «в белом воротничке». Этому положения он добился самостоятельно благодаря незаурядным способностям, смекалке и золотым рукам, а также прилежностью и дисциплиной. Это была привилегированная и уважаемая часть рабочего класса, от которого зависела бесперебойная работа ткацкого оборудования - основы текстильной промышленности. Специальность высокооплачиваемая по сравнению с остальной частью рабочего пролетариата. Отсюда, жена, Александра Михайловна, могла не работать, воспитывать детей.

И еще одна особенность Дмитрия Федоровича – его компанейские качества: он всегда был заводилой в любой компании. Не случайно, как рассказывала Софья Дмитриевна, в историческом музее Иванова в разделе о событиях революционного 1905 года, среди прочих, была помещена фотография, на которой отображалась первомайская маевка рабочих ткацкого производства на реке Талка, в центре стоял ее отец с баяном в руках.

Дмитрий Федорович умер очень рано, в 1911 году, когда маленькой Соне исполнилось только шесть лет. Умер от чахотки, так тогда назывался туберкулез, болезнь по тем временам практически неизлечимая.

Эта болезнь оказалась роковой для семьи Смирновых: туберкулез стал причиной смерти в 1922 году Александры Михайловны, мамы Софьи Дмитриевны.

Александра Михайловна, судя по сохранившимся фотографиям, происходила из семьи служащего (может быть мещанского сословия) (нужно сказать, что эту сторону Софья Дмитриевна старательно обходила: в ее время не принято было выпячивать непролетарское происхождение). Это была стройная, красивая, интеллигентная женщина. Много читала, любила и разбиралась в музыке. В сложных условиях начала прошлого века сумела добиться, чтобы ее дочь Соня смогла получить более-менее приличное, по тем временам, образование, привила ей любовь к литературе, поэзии.

После смерти мамы Софья Дмитриевна жила в семье ее брата Константина Михайловича Новикова, который работал бухгалтером на одном из предприятий города Иванова. По ее воспоминаниям, это был тяжелый период ее жизни. Пришлось рано начать самостоятельную жизнь, много работать, в том числе и в семье дяди (жена Константина Михайловича оказалась суровой и безжалостной женщиной, в доме не было водопровода, нанести воды из уличной колонки для всей семьи стала обязанностью хрупкой девушки, от чего постоянно болели руки и все тело).

Чтобы больше не возвращаться к родственникам по этой линии, скажу, что Софья Дмитриевна после войны переписывалась с Константином Михайловичем и его сестрой Марией Михайловной. В конце сороковых, правда, по отдельности, они приезжали к нам в Акнисте. Их судьба сложилась трудно, особенно у Марии Михайловны, жизненный путь она закончила в одиночестве в городе Речицы в Белоруссии. Софья Дмитриевна по мере возможности помогала им материально, но теплоты в отношениях не было, обида за недоброе отношение к ней со стороны ближайших родственников после смерти ее мамы осталась до конца жизни. Видимо, по этой причине, не осталось связи с другими родственниками.

Соня Смирнова в июле 1923 года начинает работать, сначала рассыльной, затем - телефонистской в узле связи в городе Иваново. Одновременно учится на вечернем отделении Рабфака. По характеру общительная, активная в общественной жизни она не могла оставаться в стороне от бурных процессов, протекающих в молодом советском государстве. Является участником различных кружков рабочей молодежи, в сентябре 1925 года вступает в коммунистическую партию. Интересуется литературой, поэзией, музыкой.

Мне вспоминается милое стихотворение, написанное одним из поклонников в ее честь в виде сонаты (так, кажется, называется этот тип стихосложения), которое Софья Дмитриевна показала в один из редких моментов воспоминаний о своей юности. Каждая строка стихотворения начинается последовательно буквой, содержащейся в имени «Соня Смирнова»,

если его написать вертикально. Нужно сказать, что сама Софья Дмитриевна также обладала поэтическими способностями, в мои детские годы она показывала тетрадку со своими стихотворениями. К сожалению, тетрадь сохранить не удалось, осталось только стихотворение, написанное видимо в 1922 году по поводу смерти ее мамы Александры Михайловны. Кстати, увлечение поэзией в молодежной среде было характерным для большинства ее сверстников в тот период.

И еще об одном увлечении Софьи Дмитриевны – музыке. Музыкальные способности, скорее всего, достались ей от отца, Дмитрия Федоровича, который, как уже говорилось, не расставался с баяном до конца своей жизни. В памяти сохраняется цыганский романс под гитару в ее исполнении:

*Говорят, говорят,
Ну и пусть говорят.
У цыгана глаза изумрудом горят,
Говорят, говорят...*

Буквально брал за душу другой романс о трагической судьбе молодого мужчины в ее исполнении. Запомнились строки:

*Ах, васильки, васильки,
Много мелькало их в поле...
Помнишь, до самой реки
Мы их собирали для Оли.*

В то время я был уверен, что это романс на стихи Сергея Есенина. И только сейчас, во время изложения этих строк с помощью Татьяны Мороз, моей племянницы, первой из нас освоившей интернет, истина была восстановлена: это стихи поэта XIX века Алексея Апухтина, написанные в далеком 1890 году. В ноябре 2010 года А. Апухтину исполнилось 170 лет. До сих пор широко известны лирические песни на его слова – *«Ночи безумные, ночи бессонные»* или *«Пара гнедых, заряженных с зарею»* со строкой *«Были когда-то, и мы рысаками»*. Не случайно, великие композиторы Чайковский, Рахманинов, Глиэр охотно использовали стихи Апухтина в своих произведениях.

Кстати, само стихотворение, о котором я говорил выше, довольно большое, Софья Дмитриевна сохраняла в своей памяти. И не только этого автора, она могла читать наизусть и С. Есенина, А. Блока, Н. Асеева и других поэтов ее молодости. Можно только завидовать и восхищаться ее способностям.

Нужно сказать, что гитара почти всегда была в нашем доме. Перенять музыкальные способности Софьи Дмитриевны из ее детей смогла лишь ее дочь, наша младшая сестра Алла Петровна. Она окончила музыкальное училище по классу аккордеона, долгие годы работала преподавателем в музыкальных школах.

Еще одним проявлением музыкальных наклонностей Софьи Дмитриевны стала ее инициатива по организации русского хора в Акнисте. Чтобы понять логику этого шага, я должен коротко рассказать о характерной особенности латышского народа, хорошо известной всем – это хоровое пение. Кстати, эта особенность относится и к другим народам Прибалтики – эстонцам и литовцам. В Латвии праздники песни и танца – это действительно всенародное событие. Они проводятся, как правило, один раз в три-пять лет. Им предшествуют городские и районные праздники песни и в них участвуют сотни и тысячи коллективов. В ходе городских и районных праздников выявляются лучшие коллективы, которые в дальнейшем участвуют в республиканском Празднике песни в Риге. Неизгладимое впечатление оставляет шествие коллективов художественной самодеятельности в разнообразных национальных костюмах по улицам Риги, заканчивающимся большим концертом на Большой эстраде в Межапарке, в котором выступает сводный хор из несколько тысяч участников. В советские времена в республиканском празднике принимали участие коллективы из других союзных республик, так что это становилось действительно всенародным праздником не только на уровне республики.

Так вот, увидев все это в натуре, Софья Дмитриевна загорелась идеей организовать русский хор. Руководство поселкового дома культуры, который находился недалеко от нашего

дома, идею поддержало, нашли дирижера, собрали желающих, правда, в большинстве, лиц женского пола. С энтузиазмом под ее руководством пошили костюмы в русском стиле, стали репетировать. Состоялось несколько концертов, приуроченных к официальным мероприятиям. Хор просуществовал, к сожалению, весьма недолго: молодежь не откликнулась, а участники старшего возраста оказались в большинстве без нужного «вокала», либо – с «вокалом», как им представлялось, но без должного слуха. В результате эта часть очень старалась, а другой - не было слышно вовсе. Пришлось самоликвидироваться.

Возвращаюсь к 30-м годам прошлого столетия. Соня Смирнова первый раз выходит замуж. Вскоре ее муж Алеша (так она продолжала называть его и позднее) попадает в неприятную историю, и за участие (или организацию) в деятельности какого-то религиозного кружка его арестовывают, идет следствие, затем суд. Во время следствия, С. Смирнова старается доказать абсурдность обвинения, и когда это не удается в качестве протеста кладет свой партийный билет на стол следователя. Не помогает, в результате – Алеша получает 10 лет поселения в Сибири. Жена, будучи к этому времени в положении, едет за мужем на место ссылки. Однако жить с мужем ей не разрешают, она снимает жилье в Иркутске, ищет работу. В это время рождается двойня, к несчастью, оба ребенка вскоре умирают (малышей пришлось отдать в дет.ясли, заболели, спасти не удалось).

Что происходит дальше – остается для нас за семью печатями, об этом периоде своей жизни Софья Дмитриевна рассказывала очень мало. Во всяком случае, дальнейшие события открыли новую эпоху, содержание которой я излагаю на этих страницах: в конце 1933 или в начале 1934 года в Иркутске она встречает симпатичного стройного молодого человека с нерусской фамилией и приятным иностранным акцентом. Он оказался очень настойчивым, в итоге, 31 декабря 1934 года Клауцен Петр Петрович и Смирнова Софья Дмитриевна вступают в законный брак, что подтверждается соответствующим свидетельством за № 2180. Замечу, что для Петра Петровича это тоже был второй брак. Первая его жена Мария, полька по национальности. И это единственное, что до нас дошло, плюс ее фотография вместе с Петром Петровичем.

Кстати, обвинения против Алеши в действительности оказались абсурдными, через два года судебное решение пересматривается, его реабилитируют. Он возвращается в Иваново, но уже без жены.

Стал ли счастливым новый союз обычной русской девушки Сони Смирновой с латышским парнем из далекого прибалтийского хутора? Скорее, да. Петр Петрович оказался заботливым мужем, хорошим семьянином. Любовь и взаимную привязанность они сохранили до конца жизни.

Остается бесспорным то, что Софья Дмитриевна полностью посвятила себя мужу и его делу, а в последствие – детям. В семье родилось четверо детей – три сына и дочь. Младший сын, Славик, умер в возрасте четырех лет. Остальные выросли, после учебы стали работать, образовали семьи, как говорится, пустили корни.

За, почти, 50-летней период совместной жизни пришлось неоднократно менять место жительства, в большинстве кардинальным образом: из Сибири в центральную часть России, затем – в Латвию. В жизни нашей семьи сказались все трудности, выпавшие на тяжелейший период советского государства. Все тяготы военных и послевоенных лет достались нам в полном объеме. Я не могу сказать, что мы голодали. Но жили скромно, чаще на грани бедности, чем не отличались от других. Хотя наш отец в то время занимал по нынешним временам достаточно высокие должности. На моей памяти детская радость от ощущений вкуса, впервые съеденных макарон, белый хлеб появился в семье где-то в конце сороковых годов. Не случайно, наверное, у меня осталась на всю жизнь странная для непосвященных привычка: не оставлять во время еды на тарелке ни кусочка поданного блюда, каким бы невкусным оно не оказалось.

Софье Дмитриевне, в общем-то, городской жительницы, пришлось осваивать все премудрости сельской жизни. Свое подсобное хозяйство включало, как правило, корову, поросенка (временами два), кроликов, кур. Ну и сад – огород: картошка и все прочее, что

можно было вырастить самостоятельно. Соления, варенья, соки, компоты наряду с прекрасной выпечкой, на которую Софья Дмитриевна была большим мастером, составляли основу праздничного стола семьи. Поездка с отцом на мельницу со своим зерном, чтобы получить муку, заготовка сена на отдаленной лесной делянке обязательно с ночевкой, ежедневные утренние походы с канной для сдачи на молкомбинат надоенной от своей коровы молоком в обмен на сливочное масло – все это осталось неизгладимо в моей памяти. Ну а рубец от ножевого ранения в основании большого пальца левой руки, полученный где-то в начале пятидесятых годов по неосторожности во время заготовки веников для корма скота по заданию поселкового совета остался на всю жизнь.

Отдельно необходимо отметить еще одну особенность в облике Софьи Дмитриевны – хранительнице домашнего очага – это швейная машинка. Сейчас, когда я смотрю на семейные фотографии сороковых и пятидесятых годов, вспоминаю, что почти вся одежда на нас – рубашечки, кофты, курточки, пошиты руками нашей мамы. Купить готовую одежду практически не было возможности, да и не за что. Единственно, что удавалось «достать», так это кусок какой-либо мануфактуры. Но чаще всего приходилось перешивать одежду со старшего на младшего. Вспоминаю грустную историю, когда я отказывался идти на выпускной вечер в школу по случаю окончания семилетки из-за того, что в брюках, которые я донашивал после старшего брата, на самом интересном месте сзади образовалась дырка. Мама ее, естественно, зашила и все в один голос заверяли, что ничего не заметно. В конечном счете, уговорили, предложив надеть дополнительно мамин пиджак, но вечер был испорчен, мне все равно казалось, что все только и делают, что смотрят на мои брюки сзади.

Можно сказать, что Софья Дмитриевна, в совершенстве владея швейной машинкой, нередко обшивая также соседей и знакомых. Кроме того, она прекрасно вышивала, вязала, в семье долго сохранялись изготовленные ее руками скатерти, накидки и другие домашние поделки.

Мне вспоминается одна из таких поделок – небольшой настенный коврик с вышитым на нем портретом И.В. Сталина. И это тоже дело рук Софьи Дмитриевны. Здесь я хочу еще раз вернуться к сегодняшним дням. В это время, когда пишутся эти строки, в обществе развернулась, порой яростная, дискуссия о роли Сталина в советской истории. С одной стороны, официальные средства массовой информации стремятся представить его как тирана, кровожадного палача народов, виновного в гибели десятков миллионов советских людей. С другой стороны – народ защищает его, вспоминает прошлое с ностальгией о том периоде, когда страна за короткое время превратилась из «страны с сохой» в одного из мировых лидеров, победила в жесточайшей схватке страшный фашизм. Медицина, образование были бесплатные и доступны каждому. Без проблем практически каждому рабочему ежегодно можно было провести отпуск на юге в санатории, не зависимо от того, где ты живешь – на Дальнем Востоке или на Севере, детей отправить в пионерский лагерь. Преступность, безработица – эти понятия, как правило, были не для нас, никто не боялся о будущем своих детей и внуков – все решало государство. И это связывается в народной памяти с именем Сталина, с тем, что главной задачей власти в то время была забота о стране, росте благосостояния ее народа. Жестко преследовались факты воровства, стремление руководителей к обогащению, кумовство, коррупция.

При новых властях в стране за короткое время десятки и сотни предприятий были разорены, их имущество разворовали, зато появились десятки сверх богатых людей – олигархов, позволяющих себе покупать сверхроскошные яхты, футбольные клубы, старинные дворцы на лазурных берегах южных морей. Новоявленные российские предприниматели и чиновники скупили квартиры и дома буквально целыми кварталами в Лондоне, в курортных районах Франции, Швейцарии, Австрии, Испании, добрались даже до Нью-Йорка и других штатов США. Основная же масса населения вынуждена жить, еле-еле сводя концы с концами. Медицина все больше становится платной, как и образование. Ликвидированы бесплатные спортивные кружки и секции для детворы, летние загородные лагеря. Вместо прекрасно оборудованных пионерских лагерей, разрушенных из-за ненужности, строятся коттеджи и

дворцы для богатеньких. Коррупция пронизала буквально все уровни власти – продаются и покупаются посты министров, депутатов, других чиновников, право на предпринимательскую деятельность, право на выполнение заказов на обеспечение государственных нужд. Чтобы добиться справедливости люди вынуждены объявлять голодовки, забастовки, в страну вернулась массовая безработица, появились беспризорники, бомжи и прочие «прелести» капитализма. Люди невольно сравнивают это с тем, что было и задают вопрос, так кто же виноват в произошедшем?

Я вспоминаю слезы моей матери после сообщения о смерти Сталина в марте 1953 года. Мне представляется, что и коврик с портретом И.В. Сталина, и ее слезы, как слезы и тысяч советских людей, были искренними. Народ оценивал дела своего вождя.

Тогда возникает вопрос о репрессиях, разве их не было и разве не Сталин несет ответственность за них? В нашей истории, как собственно и в истории любой страны, все было, и руководитель страны в ответе за то, что происходит в ней. Только судить по прошествии десятилетий о виновности того или иного деятеля в отрыве от оценки исторического периода, в котором происходили события, в угоду сегодняшней власти, я уверен, нельзя. А боятся они, наши современные руководители, которые и инициируют сегодня хулу всего советского, нападки на Сталина, того, что народ, вдруг, вернется к тем требованиям к руководителям, которые определяли жизнь страны при Сталине. И тогда придется ответить за развал производства, за разграбленное народное достояние, за обвал престижа страны и т.д. и т.п. Ну а подпевал власть имущим, тех, кто усердствовал, чтобы угодить власти, как при Сталине, так и теперь, у нас предостаточно. Именно их усилиями зачастую, к сожалению, определяется обстановка в обществе, но это отдельная тема.

Вернемся, все же, к моим Запискам. Для нашей семьи характерным было во все времена наличие солидной домашней библиотеки. Об этом, в частности, свидетельствует ранее уже упоминавшийся П.И. Жидомиров в своих воспоминаниях о периоде жизни в годы войны в деревне Красново Владимирской области. Он пишет: *«Софья Дмитриевна была очень обаятельной женщиной, большинство занималась по дому и семьей. В доме всегда был порядок, хотя жили очень скромно. Была большим книголюбом, много читала. Когда приходилось с ней встречаться, то больше вели разговор о книгах. Я тоже любитель книги, и много читал. Находясь в госпитале после ранения около пяти месяцев, представилась возможность читать книги «запоем». Так что с Софьей Дмитриевной мы были хорошие собеседники».*

Вспоминается такой случай. Как я уже отмечал, у нас в семье всегда была неплохая библиотека, знакомые, друзья с интересом смотрели на ее, частенько просили взять с собой что-либо домой «почитать». И, чего греха таить, нередко «забывали» вернуть взятые книги. Учета отданных таким образом книг, конечно, не было. Глядя на редеющие ряды книг расстроенная Софья Дмитриевна, в конце концов, пишет что-то вроде предупреждения и помещает его на видном месте среди рядов книг: *«Не глядите жадным взглядом, /Здесь не даются книги на дом».*

Софья Дмитриевна по теперешним понятиям имела незаконченное среднее образование, училась в музыкальном техникуме, но по причинам, изложенным выше, не закончила его. В то же время, сохранившиеся письма, копии обращений в официальные инстанции, которые Софья Дмитриевна впоследствии готовила под руководством своего мужа по многочисленным просьбам знакомых и незнакомых людей, свидетельствуют, что она обладала прекрасным литературным языком. А по грамотности и стилю изложения, пожалуй, она могла заменить преподавателя русского языка, в чем неоднократно приходилось убеждаться на собственном примере. Эти качества, судя по рассказам, нередко помогали Петру Петровичу в его служебной деятельности, когда требовалось подготовить грамотное обращение. В этом случае Софья Дмитриевна выступала в качестве нештатного сотрудника соответствующего учреждения.

Заканчивая рассказ о Софье Дмитриевне, я должен особо отметить, что она была главным действующим лицом в семье, особенно в вопросах воспитания детей, формировании их

человеческих качеств. По характеру общительная, это была мудрая женщина. Приходится и сегодня удивляться ее проницательности, когда где-то в конце семидесятых, когда стабильности советского общества, казалось, еще ничто не угрожало, она вдруг заявляет, что не надейтесь, латыши не успокоятся, пока не добьются выхода из состава Советского Союза. Что в конечном случае и произошло.

Умерла Софья Дмитриевна 21 мая 1981 года в возрасте 75 лет на два года опередив Петра Петровича. Похоронена на Первом лесном кладбище города Риги рядом со своим мужем.

Часть третья.

БРАТ И СЕСТРА

Эдуард - старший из детей в нашей семье, родился 31 мая 1935 года в городе Иркутске. 18 лет спустя после окончания Акнистской семилетки он, вместе со всеми парнями нашего класса, кроме автора этих строк, десантом высадились в Риге с благородной целью поступить на учебу в Рижское мореходное училище. К сожалению, приемная комиссия этого порыва не поняла, а может быть, просто испугалась столь дерзкого намерения ребят из доселе неизвестного сухопутного поселка, и всему десанту дала отбой. Ребята были вынуждены вернуться и уже в индивидуальном порядке определять свое будущее.

Эдуард без долгих раздумий и сомнений принимает решение посвятить себя делу рабочего класса и поступает учеником токаря в механические мастерские, располагавшиеся в помещениях бывшего МТС здесь же в поселке. Продиктовано это было и тем, что, исходя из возраста ему, как и всем юношам страны, предстояла служба в Советской Армии, что, однако, не вызывало отрицательных эмоций ни у родителей, ни у самих призывников. Вскоре это и происходит. Попадает на воинскую службу он аж на Дальний Восток, сначала в школу сержантов, затем в действующую часть. Дослужился Эдуард до старшего сержанта. Служба удалась, об этом можно судить хотя бы по тому, что даже после возвращения домой после трех лет службы, он получал письма от рядовых солдат, бывших сослуживцев, в которых они делятся со своим командиром новостями, спрашивают совет. Скажем откровенно, не столь уж частое явление, о многом говорящее.

После возвращения продолжает работать токарем в тех же мастерских. Ходить в холостяках вскоре надоедает, а просто так гулять - не то воспитание и не тот характер. Невеста нашлась здесь же рядом - Катя Соколова, знакомы были еще по школе. Дом Алексея Соколова, ее отца, располагался не далеко от нашего дома, тоже на берегу реки Суся.

Свадьбу сыграли в 1958 году, семья получилась крепкая, практически на всю жизнь. Вскоре появляется первенец, правда, единственный. Костя вырос, закончил среднюю школу, затем Рижский политехнический институт по специальности инженер-строителя.

В Акнисте Соколовы оказались не по своей воле - во время Великой Отечественной войны немцы насильственно перемещали население из оккупированных республик Советского Союза на запад в качестве дешевой рабочей силы, как правило, в Германию. В данном случае, до неметчины не доехали, остановились в Латвии. Объяснение простое – переселение производили по команде Ваффен-эссэсовцев из латышского легиона СС, подразделения которого зверствовали во время войны вместе с гитлеровцами в районах Белоруссии. Батраки требовались и на хуторах в Латвии. Кстати, правительство послевоенной Германии признало факт насильственного переселения и уже в наше время в начале нового столетия выплатило перемещенным частичную компенсацию. Компенсация, конечно, не могла восполнить фактические потери людей, большинство из которых, как например родители Е. Соколовой, не дожили до этого момента, она скорее носила моральный характер. Было бы неплохо, чтобы бывшие легионеры СС с фашистскими наградами на груди из латышских команд Ваффен-эссэсовцев, гордо марширующие ежегодно 16 марта по улицам Риги, или их потомки, тоже хотя бы

частично компенсировали понесенные этими людьми потери, признав тем самым свою вину. Однако, правящие сегодня в Латвии политики далеки от этого.

После возвращения из Армии и женитьбы Эдуарда вместе со своей семьей переезжает в Илуксте, что расположен на юго-востоке Латвии. Работает в мастерских районной сельхозтехники, фактически единственное место работы по его прежней специальности - токаря, теперь уже высшей квалификации. Здесь семье выделяют двухкомнатную квартиру во вновь построенном многоквартирном кирпичном доме. Нужно сказать, что в отличие от МТС, о которой рассказано в первой части, районная сельхозтехника обеспечивала на плановой основе ремонт сельскохозяйственной техники, находящейся в собственности колхозов и совхозов, это государственное предприятие, которое централизованно обеспечивалось всеми необходимыми материально-техническими ресурсами. Конечно, крепкие сельхозпредприятия - колхозы и совхозы - имели свои мастерские, но и они серьезный ремонт техники осуществляли через эту систему. Здесь же в Илуксте Эдуард заканчивает вечернюю среднюю школу. Отдельно следует остановиться на Эдуарде Петровиче как токаре высшей квалификации. Эту специальность он освоил в совершенстве, ему поручались самые ответственные и сложные работы. Высокое качество, быстрота и ответственное отношение к самым срочным заказам сыскали ему авторитет во многих хозяйствах. Там знали, если нужно срочно изготовить какую-то сложную деталь, из-за которой срываются работы, надо обращаться непосредственно к Эдуарду, зачастую через голову начальства. Уважительное и доброе отношение сложилось у него не только с руководством мастерских, но и в среде всего рабочего коллектива.

Илуксте — это небольшой провинциальный городок в 25 км от Даугавпилса. Население – около 4-х тысяч человек, 60 % из них – латыши. В городе четыре церкви – католическая, лютеранская, православная и старообрядческая. Город расположен на обоих берегах одноименной реки, притока Даугавы. В центре - дамба, образующая водоем, и турбины, вырабатывавшие электричество. Уже в постсоветское время турбины были заменены и выработка электроэнергии возобновлена (малая Илукстская ГЭС). Рассказываю об этом и для того, чтобы сказать, что илукстские водные прелести кроме внешнего вида несут с собой другие приятные ценности - рыбалку. К этому можно добавить, что в Акнисте тоже была небольшая речушка - Сусея, которая охватывала поселок по его северной части. Извилистая река в течение веков образовала пойму с многочисленными изгибами, заводьями и прочими водными причудами. У местных пацанов здесь были свои места для купаний, запретные водовороты, которые по преданию затащили в свои глубины не одного утопленника, и мы их боялись. Ну и конечно, многочисленные места, где можно было порыбачить, а то и поставить рамки на речных раков. Кстати, старожилы рассказывали, что именно из этих мест в прежние годы свежельвовленные раки в больших количествах отправлялись в рижские рестораны. Здесь я применил слово "было" потому, что все это действительно было в годы нашего детства, а уже позднее, в 80-ые годы, когда мне снова удалось посетить эти места, удивил унылый вид прежнего русла реки Сусея - по плану мелиорации какому-то чудаку пришла в голову идея выправить русло реки, что и было сделано. И одним этим действием были ликвидированы прекрасные природные места и виды, сама река превратилась в унылую канаву, в которой не то что порыбачить или искупаться уже нельзя, но и просто смотреть на это рукотворное чудо не хотелось.

Обо всем этом я вспоминаю лишь потому, что именно эти естественные природные особенности способствовали тому, что Эдуард с детских лет буквально заразился рыболовством, что, в конечном счете, сделало его настоящим рыбаком. Где бы он не находился всюду у него под рукой появлялись рыболовные снасти, какие-то крючки, лески, подкормка, которыми он с удовольствием и с большим умением пользовался. Кто-то из его друзей сказал, что если даже его высадить в пустыне, то и там, через пару дней, он принесет улов рыбы. Этому способствовало и то, что кроме названных водных

артерий, в той части Латвии, где жила семья, были разбросаны многочисленные озера, прекраснее один другого.

К сожалению, именно эта страсть стала для Эдуарда трагической. Поздним летним вечером 21 августа 2000 года, возвращаясь на велосипеде с рыбалки с одного из таких озер, в полукилометре от своего дома его сбивает легковая автомашина. Удар был таким, что шансов уцелеть не осталось. Эдуарду только что исполнилось 65 лет.

Алла - младшая из детей в нашей семье. Родилась 4 мая 1944 года в городе Меленки Владимирской области. Мне вспоминается первый эпизод, когда маленькая Аллочка оказала серьезную помощь семье. Произошло это при переселении нашей семьи из Владимирской области в Латвию, куда отец был направлен на работу. Представьте себе осень 1945 года, страна только что завершила тяжелейшую войну, народное хозяйство, в том числе и транспорт, переживают нелегкий период, не хватает всего. Отец с матерью, тремя малыми детьми и небольшим личным скарбом на Рижском вокзале готовятся сесть в вагон поезда Москва - Рига. Таких как мы, наверное, несколько тысяч, места в вагонах, естественно, берутся приступом, неважно, что билеты оформлены на всех членов семьи. Для посадки был разработан специальный план, в котором самому маленькому члену семьи отводилась специальная миссия. Пока отец пробивается после подачи состава в вагон, кто-то из сопровождающих нас берет малышку на руки и через открытое окно прямо с перрона сажает ее на подвернувшуюся верхнюю полку одного из купе вагона. Она, естественно, ничего не понимает и орет благим голосом, одновременно сопровождающий, стоя на перроне тоже во все горло кричит вбегающим в вагон, что это место занято, и так до тех пор, пока не появляется отец. Затем таким же образом через окно подаются вещи, следом появляются и остальные члены семьи. В итоге - в тесноте, но не в обиде, мы добираемся до места назначения.

Дальнейшая судьба Аллы, естественно, связана с жизнью всей семьи. Учиться она поступает в ту же Акнистскую семилетку, которую успешно заканчивает. Дальнейшее среднее образование продолжает уже в городе Екабпилсе, транспортное сообщение с которым было весьма удобным - автобусом без пересадок. Выбор сделан и исходя из того, что здесь раньше уже учились наши акнистские, в частности, Галя Соколова, сестра Екатерины, будущей жены Эдуарда. Иногородние учащиеся размещались в школьном интернате, быт в котором был организован на весьма приличном уровне и включал трехразовое питание. Государство обеспечивало все это бесплатно. Здесь Алла успешно заканчивает десятый класс.

Дальнейшую учебу по настоятельной рекомендации мамы решила продолжить на заочном отделении музыкального училища в Даугавпилсе по курсу аккордеона. Освоение музыкальной грамоты диктовало необходимость перехода на работу по специальности, а такой возможности в Акнисте не было. По рекомендации училища Алла устраивается на работу в музыкальную школу в городе Карсава – районном центре на границе с Россией в 250 км от Риги с населением около трех тысяч человек. Там она вместе с такими же молодыми специалистами снимает квартиру. Работа и самостоятельная жизнь в Карсаве стали хорошей жизненной школой для молодого специалиста. Осваивая премудрости игры на аккордеоне одновременно пришлось в совершенстве выучить и латышский язык. Дело в том, учеба в русской школе давала возможность владеть латышским весьма посредственно, но здесь в Карсаве он был родным для большей части ее учеников. Самостоятельная работа и жизнь продолжалась до тех пор, когда родители приобрели в Риге кооперативную квартиру, куда вслед за ними перебирается и их дочь Алла.

Ритм и образ жизни в большом городе существенно отличались от провинциальной, но воспользоваться полной свободой ей пришлось сравнительно недолго. Виной тому молодой офицер Советской Армии майор Мороз, воинская служба которого к этому времени также проходила в столице этой союзной республики. Михаил не только очаровал молодую учительницу музыки, но и предложил ей связать жизнь

семейными узами. Свадьба состоялась в середине 1969 года. Вскоре родилась, как оказалось впоследствии, их единственная дочь, Татьяна.

Жизнь семьи текла своим чередом, у мужа - служба, у жены работа и забота о семейном очаге. Вскоре Михаил, как офицер, получает квартиру в новом микрорайоне Риги. Затем командировка за границу, Венгрия, Будапешт вместе с семьей. После возвращения в Ригу в звании подполковника Советской Армии Михаил Николаевич Мороз уходит в отставку. Казалось, можно успокоиться, заняться семьей, огородом, садом, растить дочь. Однако наступившие перестроечные годы, обретение Латвией независимости ломают эти мирные планы. Михаил не смог смириться с тем, что на офицеров Советской Армии здесь стали смотреть как на оккупантов. В протестном порыве принимается решение - фактически все бросить и переехать в Россию. Так и происходит: обосновались в Московской области в совхозе Ожерельевский Каширского района. В до перестроечных времен это было крепкое хозяйство, пожалуй, одно из сильнейших в районе, да и в Подмосковье. И это во многом благодаря его многолетнему руководителю талантливому хозяйственнику Захарову Ивану Ивановичу. Совхоз специализировался на выращивании племенных бычков для других хозяйств области, располагал крупной зверофермой с соответствующими обрабатывающими цехами пушнины ценных пород, дойным стадом и многим другим. Запроектировали и начали строить свой микрорайон со всей социальной инфраструктурой в деревне Кокино, что рядом с крупной железнодорожной станцией Ожерелье. Совхоз закупил небольшое количество индивидуальных домов из промышленных сборных конструкций местного домостроительного комбината для своих и приглашаемых специалистов. В общем, планировали с размахом на перспективу, экономическое положение хозяйства позволяло это делать.

Михаил с семьей в качестве вынужденных переселенцев сначала живут в общежитии в Ожерелье. Алла нашла работу в местном железнодорожном техникуме, а Михаил - в совхозе. Своим отношением к порученному участку Михаил весьма скоро завоевал авторитет у руководства. Ему, а также еще небольшой группе переселенцев, выделили участки и недостроенные жилые дома из тех же приобретенных совхозом сборных конструкций. В начальный период совхоз финансировал работы по достройке и подключению домов к инженерным сетям поселка. К сожалению, совхоз, как и другие коллективные сельскохозяйственные предприятия в России в ходе десоветизации и капитализации экономики развалился, наиболее ценные основные средства, как водится, были растащены и разворованы. Переселенцы, в том числе и Михаил, были вынуждены искать работу в других местах, что оказалось весьма проблематично. Михаил стал работать заместителем директора местной школы, а затем ушел на пенсию. Работы по завершению строительства своего жилого дома, коттеджа, как теперь принято называть, пришлось завершать самому и за свои скромные накопления.

Здесь на примере семьи Мороз я рассказываю о судьбе вынужденных переселенцев, каковыми в результате перестройки, затеянной М. Горбачевым и его идеологами, оказались многие русские жители Советской Латвии. Судьба, скажем так, сравнительно благополучная. Чего нельзя сказать о тысячах и миллионах советских людей в результате развала СССР, вынужденных покинуть родные места и искать возможности начать жизнь на новых местах. Искать там, где их никто не ждал, устраиваться среди тех, кто сами в результате развала экономики оказались в трудном экономическом положении. Я сам волею судеб оказался в гуще этих событий. Ниже я более подробно остановлюсь на этих сложных и, зачастую, трагических страницах жизни людей.

В настоящее время, когда пишутся эти строки, Алла и Михаил живут в своем коттедже в деревне Кокино, центре бывшего совхоза Ожерельевский. Вместе с ними их дочь Татьяна, все вместе воспитывают новое поколение россиян Диму и Артема. Там же посадили и взрастили прекрасный сад, огород обеспечивает семью практически всем, что можно вырастить самим. В общем, жить бы и не тужить, вот только далеко от своих родных,

разбросала судьба по разным углам, встречаться приходится совсем редко. Да о такой ли судьбе мечтали Алла и Михаил в прежние годы, создавая семью в далекой теперь от них Риге?

В целом же вся прежде компактно располагавшаяся семья Клауцен с конца 90-х оказалась разъединенной, разорванной по разным частям. Разъединенной не только километрами, но пограничными шлагбаумами разных государств. В Латвии, в Илуксте после смерти моего брата Эдуарда осталась его вдова Екатерина Алексеевна, в Риге - их сын Константин с женой Ольгой, детьми Эдуардом и Маришкой. У них тоже свои семьи, дети, внуки Константина и Ольги, Алена, Таисия Лева. В Риге, кажется, окончательно закрепилась моя старшая дочь Илона с мужем Александром. Моя младшая дочь Ирена вместе со мной и моей женой переезжает в Москву, впоследствии и она создает свою семью и вместе с супругом Вадимом поселяются рядом с нами в подмосковном Королеве.

Рассказ о своей семье я начну с моей супруги.

Часть четвертая.

АННА МАКСИМОВНА

Моя супруга Анна Максимовна, девичья фамилия – Чубенко, родилась весной 1941 года в самом центре Украины – селе Ново-Николаевка Машевского района Полтавской области. Это совсем рядом с Полтавой, недалеко от знаменитого поля, где состоялась историческая битва боевых дружин Петра I с войсками шведов под командованием Карла XII. Во всяком случае, добираться до Ново-Николаевки из Полтавы на автобусе в свое время мне пришлось около часа.

Пополнение в семье Чубенко произошло перед самым началом Великой Отечественной войны, самой жестокой и кровопролитной в истории нашей страны. Время было тревожное, может быть поэтому, или по какой-то другой причине, её отец, Максим Федорович, при регистрации в районном центре новорожденной, четвертой дочери в семье, не был достаточно внимателен. В результате, в свидетельстве о рождении были внесены неточные данные, оставившие след на всю последующую жизнь нового члена семьи. Мама новорожденной Татьяна Андреевна и все остальные члены семьи нарекли ее Аллой, а при регистрации, оказалась она Анной, родилась она 5 апреля 1941 года, а в свидетельстве о рождении записано - 6 мая того же года, то есть, дата регистрации. Второй раз добираться до районного центра - просто не было времени. С тех пор так и живет она под двойным именем – домашние зовут Алла, а официально – Анна, день рождения отмечает дважды, один - в апреле, другой официальный - в мае. Это, однако, никак не помешало ей быть последовательно приятной и обворожительной девочкой, девушкой, женой, а затем и бабушкой, надеюсь, в дальнейшем, и прабабушкой.

Максим Федорович родился в 1898 году в обычной на Полтавщине крестьянской семье Федора и Елены (Олена) Чубенко. Семья, как это было принято в то время, была многодетной, Максим был четвертым ребенком. После него к трем предыдущим парням – Яков, Микита и Василий добавился еще один мальчик – Степан. Девчонок в семью не допускали. Самому младшему Степану выпала участь бороться с фашистскими захватчиками в Великой Отечественной войне. С войны он не вернулся, «пал смертью храбрых», как значилось в полученной похоронке.

Свою супругу Татьяну Максим присмотрел в семье Андрея и Евдокии Бескровные, что проживала в деревне Ладижино соседнего Полтавского района, тоже многодетной. В этой семье было шестеро детей, но только один из них, Петр – мужского рода, остальные Евдокия, Ефросинья, Александра, Татьяна и Галина – будущие невесты на выданье. Из разговоров среди взрослых, которые сохранились в памяти моей супруги, следует, что фамилия Бескровный в начале XIX века была хорошо известна на Полтавщине. Это был выходец из запорожских казаков, по всей видимости, владелец большой усадьбы, богатый землевладелец. В грозные дни 1905

года восставшие крестьяне разграбили и сожгли усадьбу, восстановить ее впоследствии хозяину не удалось. Позднее, младшие из семьи Чубенко на месте усадьбы смогли обнаружить лишь остатки фундаментов и заросли кустарника. Татьяна Андреевна, мама моей супруги, всегда, когда появлялись дети, решительно прекращала все разговоры на тему своих предков. В то же время, в доме Чубенко на чердаке почему-то тайно от посторонних хранились остатки библиотеки, в которой были книги в богатых кожаных переплетах, а также несколько красивых в дорогом обрамлении икон. Эти книги и иконы по рассказам взрослых членов семьи во время войны прятались в подвале, часть из них в специальных тайниках были закопаны на огороде. Анна и ее сестры тайком от родителей вытаскивали отдельные книги и запоем читали их, в том числе и летом, когда приходилось пасти домашний скот. На первых порах привлекали сказки, стихотворения, а затем и более серьезные произведения. В основном это были сочинения классиков русской литературы А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Ф.М. Достоевского, Леонида Леонова, Н.В. Гоголя, других авторов. Запомнилась фамилия польской писательницы Элизы Оржешко. Книги были в основном на русском языке, напечатаны старославянским алфавитом с использованием твердого знака «Ъ». Благодаря этим книгам девочки с раннего детства хорошо освоили русский язык, а также смогли приобщиться к истокам русской и украинской литературы.

О причинах таинственности, с которой связана история этой библиотеки, в некоторой мере, свидетельствует случай, произошедший в детские годы Анны Максимовны. Одна из прочитанных книг (название и автор, к сожалению, не остались в ее памяти) настолько понравилась ей, что она осмелилась дать прочитать её своей школьной подруге. На беду, отец подруги оказался завучем школы, он обнаружил постороннюю книгу у своей дочери и изъял ее. На очередном родительском собрании завуч отозвал Татьяну Андреевну в сторонку и тихим голосом отчитал, сказав, что за хранение таких книг могут быть большие неприятности. На вопрос, где же эта изъятая книга, он ответил, что он ее сжег. Сегодня Анна Максимовна сожалеет, что ни она, ни ее сестры и братья в свое время не предприняли усилий, чтобы сохранить хотя бы часть этой библиотеки, сегодня не имевшей бы цены.

Хозяин усадьбы, о которой речь шла выше, Андрей Бескровный (по другим данным – Андриан), после бурных событий 1905 года долго не продержался, вскоре умер. Через несколько лет умерла и его жена – тяжело переживала за случившееся, не смогла жить без любимого человека. Заботу о детях пришлось брать на себя единственному сыну – Петру. Петр Андреевич, судя по сохранившимся фотографиям, был офицером царской армии. В революционных событиях 1917 года, как и в гражданской войне ни на той, ни на другой стороне участия не принимал, а вместе со своей супругой Мокрыной посвятил себя воспитанию и поддержке членов семьи своего отца. Все сестры получили образование (как минимум, на уровне церковно-приходской школы), последовательно вышли замуж, как говорится, встали на ноги.

После успешного сватовства Татьяна и Максим осенью 1924 года сыграли свадьбу. Молодая семья сначала жила в семье родителей жениха, со временем общим миром справили отдельную хату, что на краю деревни Ново-Николаевка. Деревня сравнительно небольшая два – три десятка домов. В те годы здесь располагалась колхозная бригада, были конюшня, зерновой ток и ветряная мельница. Электричество, правда, появилось только спустя 15 лет после окончания войны. Основные социальные и колхозные постройки – школа, магазин, другие общественные и административные здания находились в соседней деревне – Старицковке, между которыми – степь и бескрайние поля, на которых собирались богатые урожаи пшеницы, подсолнечника, помидоров, арбузов и других культур, характерных для Украины. Расстояние между деревнями не более двух километров, преодолеть которое, казалось, не составляло труда, но в ненастные осенние и холодные зимние дни для школьников, особенно начальных классов, оно превращалось в труднопреодолимую трассу. По другую

сторону родной хаты поле упиралось в овраги, в которых во время половодья с ужасающим шумом бушевали весенние воды.

В доме семьи Чубенко мне удалось быть где-то в конце 60-х годов прошлого столетия. Это настоящая украинская хата, довольно обширная – 4-5 комнат, кухня, веранда с непривычными для горожанина низкими потолками. Кстати, по рассказам ее обитателей, строились такие дома исключительно из местных материалов – глины и соломы, из которых делались глинобитные стены. Стены возводились методом скользящей опалубки: каждая захватка по высоте выбранной опалубки наполнялась с тщательным утрамбовыванием (поэтому глинобитные), следующий этап производился после затвердения предыдущего. Поэтому этот процесс был довольно длительным. Дерево при строительстве использовалось весьма экономно – для степной части Украины, к которой относилась Полтавская область, это был большой дефицит. Кровля, как правило, в таких домах делалась из соломенных матов. Дома получались теплыми. Солома и ее отходы использовались также для отопления помещений вместо привычных для нас дров. Для этого в каждом доме летом из соломы (измельченные после молотбы остатки соломы) и убираемого из-под домашних животных навоза изготавливались небольшие блоки («кирпичи», так их называли домашние). В заранее подготовленные формы попеременно набивалась смесь, тщательно перемешивалась и уплотнялась обутыми в резиновые сапоги ногами. После чего изготовленные таким образом «кирпичи» выставлялись для просушки на солнце, по мере высыхания они несколько раз переставлялись до тех пор, пока не становились абсолютно сухими. Хранились под навесом. Разжигались они не сразу, зато горели долго и долго отдавали тепло. Работа это была сезонная, к ней привлекались все свободные от других работ, а также – дети, в том числе и девочки. Приглашались на «толоку» и соседи, что обязывало к обратному – приходиться к ним с такой же миссией.

Татьяна Андреевна перед праздниками организовывала своих девочек на общую уборку хаты: стены мазались глиной, красились раствором извести и мела, тщательно вымывались полы, вычищались все закоулки. А когда хозяйка испекала пироги и дом наполнялся все поглощающими аппетитными запахами – наступал настоящий праздник.

Кроме жилого дома были и другие строения – под склады, мастерские и для домашнего скота, сооружаемые, как правило, таким же способом. Чтобы прокормить такую большую семью необходимо было, как минимум, содержать корову, а то и две, с приплодами, несколько коз, свиней, разнообразную птицу. Земля размером 50 – 60 соток для личного пользования, выделяемая колхозом, позволяла обеспечить потребность семьи самыми необходимыми продуктами, в том числе и зерном для корма скота. Ну и, конечно, большой сад с огромными вишнями, сливами, яблонями. Большим подспорьем для семьи стала пасека, которую Максим Федорович завел после войны. В ней было до 10 ульев, а, учитывая окружающие огромные колхозные поля, засеянные различными злаками и травами, пасека не только обеспечивала семью медом, но и давала возможность заработать деньги, остро необходимые для того, чтобы одеть детей, обеспечить их всем необходимым для учебы. В детские годы моя супруга единственная из детей активно помогала отцу в работе на пасеке, что, спустя много лет, когда мы стали жить в Подмосковье, сказалось на жизни уже нашей семьи.

Татьяна Андреевна и Максим Федорович, следуя традициям своих предков, также настроились на создание многодетной семьи. В 1927 году родилась первая дочь Ольга, через пару лет – сын Николай, затем еще три дочери – Женя, Анна и Антонина, и, наконец, еще сын – Виктор. Всех вырастили, дали возможность получить образование. Все дети закончили, как минимум, семилетнюю или среднюю школу, а трое из них – техникум или институт. Нужно сказать, что жизнь семьи Чубенко сложилась нелегкой, как и во всей стране. Максим Федорович всю жизнь проработал в колхозе, пришлось трудиться и в полеводстве, и в животноводстве, некоторое время – бригадиром,

помощником ветеринара. Татьяна Андреевна славилась как отличная кухарка. Колхозники в период массовых полевых работ (посевная, уборка урожая), когда питание обеспечивалось выездной полевой кухней, требовали от колхозных бригадиров, чтобы хлеб пекла только баба Таня, что она и делала, пока хватало сил. На ее плечи, естественно, легли все основные заботы по ведению приусадебного хозяйства, воспитанию детей. Дети с самых малых лет приобщались к труду не только на своем участке, но, нередко, и на колхозных полях. На заработанные трудодни в колхозе выдавали в основном продукты питания, поэтому с большой радостью была воспринята выплата пенсии родителям, когда руководителем страны стал Н.С. Хрущев. Размер пенсий был исключительно малым (в первые годы 12 – 20 рублей в месяц), но это был постоянный заработок, который позволял как-то планировать расходы семьи.

Как уже отмечалось, жизнь семьи была нелегкой, конечно, были и свои радости, удачные дела, праздники. Особенно трудными были военные годы. Максим Федорович по состоянию здоровья не был призван на службу в Красную Армию, однако, как и многие другие, привлекался для работы на трудовом фронте. Полтавская область, как и большая часть Украины, оказалась в тылу у немцев. Оккупанты не стеснялись максимально поживиться всем, что можно было использовать «на благо немецкого народа и для победы над большевиками». Были изъяты и вывезены в Германию из оккупированных территорий техника, промышленное оборудование, запасы зерна, скот, культурные и художественные ценности (даже из церквей), у населения изымались подряд все, вплоть до куриц и яиц. Доходило до курьезов – позарились на землю, эшелонами стали вывозить в Германию чернозем.

Огромные трудности пришлось преодолеть родителям, чтобы не только прокормить, но и уберечь членов семьи. Старшие из детей – Ольга и Николай к началу войны были уже сравнительно большими (Ольге в 1941 году исполнилось 14 лет, а Николаю – 12). Дело в том, что за несколько месяцев до освобождения оккупированных районов Красной Армией немцы в массовом порядке вывозили в Германию молодежь для работы на своих оборонных предприятиях и в сельском хозяйстве. Были вывезены десятки тысяч советских людей. Ольгу и Николая пришлось прятать у родственников где-то в городе. К счастью, не нашлось предателей среди односельчан, да и староста в их деревне оказался своим. Здесь я хочу напомнить судьбу семьи Соколовых, о которой я рассказал выше в разделе о моем брате Эдуарде. Им меньше повезло.

Трудными для жителей Украины, как, впрочем, и для всей страны, стали первые послевоенные годы, особенно, так называемые «голодные», когда почти все сельскохозяйственные регионы страны охватила засуха. Проблема обеспечения населения продовольствием стала актуальной даже для такого региона, как Полтавская область, всегда считавшаяся житницей страны. В памяти моей супруги Анны Максимовны сохранился случай, произошедший, по всей видимости, где-то летом 1947 года, когда основной урожай зерновых был уже собран. Поля, где была пшеница, по решению руководства колхоза охранял конный патруль. Делалось это для того, чтобы предотвратить самовольный сбор колосьев, оставшихся на поле после уборки зерновых механизированным способом. Сбор колосьев проводился организованно школьниками, для чего для них были пошиты длинные холщовые сумки, которые на бретельках вешались на шею. Так вот, не дожидаясь общего сбора, маленькая Аллочка договорилась с такой же соседской подружкой, надев на шею описанные выше холщовые сумки, заимствованные у своих сестер, отправились без разрешения старших, на поле за колосками. Все шло хорошо, сумки постепенно наполнялись, пока вдали вдруг не показался конный охранник, заметивший их. Девчонки испугались, бросились бежать, вблизи оказалось подсолнечное поле, которое в итоге и спасло их. Жители средней полосы России поле подсолнухов, скорее всего, представляют по картинкам из кинофильмов – красиво! На самом деле это трудно преодолимый массив

из большущих метров 2 -3 высотой растений с желтым цветом в виде шапки на конце, в котором можно легко спрятаться не только человеку, но и всаднику на коне, если в этом есть необходимость. Вот в таком поле оказались наши беглецы. Сначала они бежали без оглядки, потом, когда опомнились и остановились, поняли, что заблудились. В какую сторону идти, определить было невозможно, из-за высоченных подсолнечников можно было видеть лишь частицу неба. И только к вечеру их, зареванных, с израненными голыми ногами (тапки потерялись во время бегства), но с наполненными на половину сумками на противоположном конце поля нашли старшие сестры. Дальше в памяти остались лишь приятные воспоминания: члены семьи сидят за столом, и кушают манную кашу, которую старшая сестра приготовила из собранных Аллой колосков, предварительно выбрав зерна и перемолов их на домашних ручных жерновах. Алла с забинтованными ногами гордо сидит в центре стола и слушает похвалу из уст старших. Эта картина осталась в памяти ярче, чем все остальное, даже страх от погони конного охранника.

Этот рассказ напомнил мне подобную же историю с колосьями, случившуюся со мной и моим братом в далеком 1943 или 1944 году. Произошло это в другом конце страны, в деревне Красново Меленковского района Владимирской области, где во время войны жила наша семья. По рассказу моей мамы, в том году после уборки зерновых школьники организованно собирали колосья на освободившемся поле. Для того чтобы стимулировать труд помощников колхозный бригадир объявил, что по итогам работы каждому будет выдаваться мед, но в зависимости от количества собранных колосьев. Конечно, все старались, чтобы стакан у каждого был наполнен как можно больше. В итоге мы с братом с гордостью принесли домой мед в двух стаканах, причем у брата, который был на два года старше, естественно, его было чуть побольше. За обеденным столом каждый из нас приготовился кушать мед из своего стакана. Но, после того, как мама сказала, что они с папой тоже будут есть то, что каждый принесет, мы с братом после некоторого замешательства оставили себе мой стакан, а стакан брата передали родителям. Не забудем, что наш отец был председателем этого колхоза.

Следует сказать, что голодные годы со всеми проистекающими страшными для населения последствиями для страны были не столь уж редким событием. Особенно губительными они становились в дореволюционные годы, в нашей исторической и художественной литературе тому немало свидетельств. Наиболее образно, на мой взгляд, они описаны, в частности, Андреем Платоновым в романе «Чевенгур». Приведу короткий эпизод из книги, в котором рассказывается, как в неурожайный год украинское село наполовину уходило в шахты, а наполовину в леса. Но уж если *«...засуха повторялась и в следующем году ... деревня заперла свои хаты и вышла двумя отрядами на большак – один отряд пошел побираться к Киеву, другой – на Луганск на заработки, некоторые же повернули в лес в заросшие балки, стали есть сырую траву, глину и кору и одичали. Ушли почти все взрослые – дети сами заранее умерли либо разбежались нищенствовать. Грудных же постепенно затомили сами матери-кормилицы, не давая досыта сосать»*. Была в деревне одна старуха, которая за старую бабью юбку или платок *«давала малолеткам грибной настойки пополам со сладкой травой, и дети мирно затихали с сухой пеной на губах»*. Такова суровая правда.

В Советском Союзе последняя с наиболее трагическими последствиями засуха была отмечена в 1933 – 1934 годах, когда от голода погибло несколько миллионов человек в основном жителей сельской местности на Украине, в Поволжье, Сибири и некоторых других областях. Уже в наши дни новые руководители независимой Украины объявили эти события Голодомором, обвинив во всем случившемся Сталина. Указом Президента Украины день Голодомора объявлен обще украинским днем траура, в Киеве создан музей Голодомора, в котором собраны материалы, якобы свидетельствующие о преднамеренных действиях Сталина по уничтожению

украинского народа. Можно только предположить, что следующим шагом украинских националистов станет утверждение, что виновниками жертв голода в Украине в дореволюционные годы были русские цари от Петра I до последнего Николая II.

Голодные послевоенные годы стали, пожалуй, наиболее тяжелым испытанием для советских людей. В том числе и для семьи Чубенко, что продолжала жить и взрослеть на краю деревни Ново-Николаевка. В конечном счете, труд и упорство, прежде всего, родителей помогли преодолеть все трудности и дали возможность всем членам семьи начать самостоятельную жизнь.

Татьяна Андреевна и Максим Федорович прожили вместе рука об руку почти полвека, помогая и выручая друг друга, отдавая все самое лучшее своим детям. Необходимость выполнять ежедневные задания в колхозе и одновременно содержать в порядке свой приусадебный участок, без которого невозможно было прокормить семью, были суровым условием их повседневной жизни. Все это требовало огромных физических и моральных сил, и не могло не сказаться на здоровье. Болезни обострялись, возможности медицинской помощи в то время было мало, а временами ее и совсем не было. Когда дети встали на ноги и могли бы помочь родителям, было уже поздно. Максим Федорович умер в 1971 году в возрасте 73-х лет, Татьяна Андреевна – четыре года спустя в 1975, в возрасте 70 лет. Оба нашли упокоение на сельском кладбище в той же Ново-Николаевке.

По-разному сложилась судьба сестер и братьев Анны Максимовны. **Старшая сестра Ольга** после окончания семилетки поступила и успешно окончила железнодорожный техникум в Полтаве. Так как техникум находился в подчинения Министерства путей сообщения СССР, то его выпускники направлялись на работу в те регионы, которые в текущий момент наиболее остро нуждались в кадрах. Отработать было необходимо не менее трех лет, а затем можно было возвращаться в свои края. На практике это не происходило, как правило, выпускники закреплялись там, куда их посылали. Руководство соответствующих железнодорожных предприятий стремилось закрепить молодые кадры. Ольга получила направление на работу на Прибалтийскую железную дорогу, которая объединяла железные дороги трех Прибалтийских республик – Латвии, Литвы и Эстонии. Непродолжительное время она работала в Риге, затем ее перевели в Вильнюс, который и стал, в конечном счете, ее вторым родным домом. Здесь она обустроилась, вышла замуж за своего земляка Григория Щербаня, родила двух сыновей – Виктора и Бориса, здесь же завершила свой трудовой путь, здесь же окончился ее земной путь. Для ее сыновей Литва и Вильнюс навсегда стали родными, у каждого из них по четверке детей. У Виктора три сына - Андриан, Виктор, Марк и дочь Вильня, у Бориса – дочь Алена и сыновья Максим, Игорь и Эрик. На момент изложения этих строк жизнь этих наших родственников продолжается в Литве, правда, теперь уже в новой независимой стране.

Старший брат Николай - второй **ребенок** в семье Чубенко. Война не позволила ему вовремя закончить школу, зато служба в рядах Советской Армии растянулась аж на 7 лет – таков был срок службы призывников первые годы после окончания Великой Отечественной войны для тех, кто попадал на службу в Военно-морской флот. Николаю пришлось служить на Дальнем Востоке. После демобилизации он вернулся в родные края, но воинская служба втянула его, вся дальнейшая жизнь была связана с воинской частью, расположенной недалеко от деревни Ново-Николаевка. Здесь он жил и работал в качестве вольнонаемного, освоив несколько рабочих специальностей, связанных с техникой, в том числе киномехаником, дозиметристом. Вместе с супругой Нилой воспитали дочь Татьяну. Умер Николай в 1996 году, немного не дотянув до 70 лет.

Еще одна **старшая сестра Женя**, 1932 года рождения в отличие от Ольги после школы не захотела учиться в техникуме, а поступила и окончила ремесленное училище, получив специальность швеи – мотористки. Дальнейшая ее жизнь связана с крупным

промышленным центром - городом Запорожье. Здесь она встретила своего верного спутника жизни Ивана Гавриловича Хархутина, сибиряка по рождению, всю жизнь проработавшего на Запорожском заводе авиационных моторов. Я дважды был в гостях у Хархутных в Запорожье. Первый раз вместе с моей супругой в середине 80-х годов. Жили они тогда на окраине города в рабочем поселке, застроенном одноэтажными домами, рядом с заводом. Поражал сад, окружавший все дома в поселке. Деревья абрикосов, сплошь усыпанные спелыми плодами, росли прямо под окнами, что было для нас в диковинку. Второй раз я был у Хархутиных в начале 90-х уже после развала Союза. К этому времени они переехали на квартиру, расположенную в многоэтажном доме возле заводского дома культуры. Запомнились мешки с семечками подсолнуха, которые Иван Гаврилович сушил на своем балконе. Подсолнухи он выращивал у себя на огороде, а потом сдавал их в обмен на подсолнечное масло. По рассказам Жени огород почти полностью обеспечивал семью овощами, фруктами и прочей растительной живностью, что было нужно для семьи. В семье Хархутиных выросли двое детей – дочь Людмила и сын Виктор. У Людмилы семейная жизнь не сложилась, одна воспитывает дочь Аллу, которая уже выросла и, как и ее мама, работает в системе торговли. Виктор создал семью, родилась дочь Юля, но семейные отношения также не сложились. К этому добавились трудности с работой, за короткое время пришлось сменить несколько видов деятельности, несколько лет был безработным. В результате, организм не выдержал, Виктор ушел из жизни, в возрасте 45 лет.

Самая младшая из сестер **Антонина**, на два года моложе Аллы, окончила среднюю школу в районном центре. Еще в школьные годы зарекомендовала себя как активная комсомолка, в результате после окончания школы ее пригласили поработать в райком комсомола. Получилось, заметили, работу продолжила уже в областном комитете комсомола. Одновременно стала учиться на экономическом факультете Харьковского института народного хозяйства, который успешно закончила. После комсомола перешла на работу в органы налоговой службы в Полтаве. Своего суженного Анатолия Чучко встретила в соседней деревне, в семье родились две чудесные девочки – Вита и Олеся. Еще в советские годы получили благоустроенную квартиру практически в центре Полтавы. Казалось, семейному счастью ничто не угрожало, однако на работе у мужа нашлась коварная сводница, которая увела Толика из семьи. Антонине пришлось одной растить и воспитывать детей. Дети выросли, успешно окончили среднюю школу, институт. Неурядицы семейной жизни, плюс, видимо, проблемы с работой, подорвали здоровье Антонины, сердце не выдержало, она умерла в 1995 г. У Виты и Олеси свои семьи, растут дети – Саша (высоченного роста, увлекается баскетболом) и Настя.

Самый младший в семье **Чубенко Виктор** родился в 1945 году. К этому времени старшие дети уже подросли и вновь появившийся братишка становится всеобщим любимцем. А это связано не только с положительными эмоциями, но и с излишними побрякками. Видимо, это, в конечном счете, отрицательно сказалось не только на характере Виктора, но на его судьбе в целом. После окончания средней школы он, отслужив положенных три года в рядах Советской Армии. После демобилизации вернулся в родные края, стал учиться в музыкальном училище. Однако, не закончил. Работал шофером, затем сварщиком на стройке. Женился, вместе с женой Верой жил у ее родителей в соседнем районе. К сожалению, после воинской службы все больше стали проявляться его негативные качества - неуживчивость, частая смена работы. Жизнь Виктора трагически оборвалась в 1986 году.

На этом я закончу краткую экскурсию в историю семьи Чубенко и перейду к рассказу об еще одном члене этой семьи - Анне Чубенко, моей будущей супруги. Как и все ее сестры и братья, она училась в той же Ново-Николаевской школе, добираться до которой не зависимо от времени года приходилось пешком: вприпрыжку, если лето и хорошая погода, или закутанной в большой мамин платок только щелочки для глаз,

если зима, ветер и кусачий холод. Учеба давалась Анне легко, даже играючи. Помогали старшие сестры и книги, которые научилась читать еще до школы. После семилетки поступила в строительный техникум системы транспортного строительства. Техникум находился в Полтаве, было место в общежитии, а так летом чаще всего добиралась до техникума и обратно домой на автобусе и на попутных колхозных машинах, которые буквально сновали в город и обратно. Стоило это копейки, а чаще всего подвозили просто так, без оплаты. А вот о безопасности даже не задумывались, никому и в голову не приходило, что что-то может с девчонкой случиться, обстановка была такой (в отличие от нашего времени). Техникум закончила в 1959 году и как молодой специалист техник-строитель получила направление на работу в Ворошиловский ОРС (Отдел рабочего снабжения) Луганской железной дороги. Однако, на этом распределение не завершилось, примерно через год пришло направление на работу на Прибалтийскую железную дорогу, думается не без участия старшей сестры Ольги, которая к этому времени уже закрепилась там. В вызове было обозначено место работы: Шкиротавский стройучасток треста Дорстрой в городе Риге. Так начинался новый этап трудовой деятельности молодого специалиста, заложивший основу всего дальнейшего жизненного пути Анны Максимовны.

Во главе этой строительной организации оказался опытный строитель Михаил Александрович Рыбин, который по-отечески относился к молодым специалистам, помогая им, и в тоже время строго спрашивая за упущения в работе. При нем молодым специалистам создавали хорошие бытовые условия, поощряли их дальнейшую учебу. По прибытию в Ригу Анне предоставили сначала место в общежитии, а затем выделили комнату в семейном общежитии, что располагалось на улице Вийциема недалеко от завода ВЭФ. Это по внешнему виду обычный жилой дом, состоящий из коммунальных квартир, в каждой из которых - пять-шесть комнат размером от 8 до 20 квадратных метров, одна кухня, площадью около 15 квадратных метров, общие туалет и душ.

Комната в этом общежитии для молодого специалиста А. Чубенко, естественно, оказалась самой маленькой, площадью около восьми квадратных метров. Анна постаралась максимально рационально использовать ее: возле окошка встал стол, по правую сторону от него вдоль стены разместился диван, за ним вплотную к входной двери – двухстворчатый шкаф. Вдоль противоположной стены уместился комод-книжная полка, возле стола – венский стул. Свободной оставался проход между диваном и книжной полкой шириной 0,6 - 0,7 метра. Гостей она могла принимать количеством не более двух, которые могли сесть на диван, ну а стул оставался для хозяйки (эти детали навсегда остались в моей памяти потому, что впоследствии эта комната была для нас с Анной первой совместной жилой площадью. А мебель, в качестве приданного А.М., перекочевала в нашу первую двухкомнатную квартиру). Из этой комнаты сентябрьской ночью 1968 года я пешим порядком доставил Анну в родильное отделение железнодорожной больницы, что была недалеко от этой квартиры в районе кинотеатра Тейка. Сюда же привезли из родильного дома нашу первую дочь Илону. Так что улица Вийциема нашей семье напоминает о многом.

Остальные комнаты общежития занимали семейные пары: Арвид и Антонина с сынишкой и Коля и Инна Макаренко с дочерью Нелли. Еще в одной комнате поселилась более солидная пара Юзеф и Клава. Юзеф и Арвид были страстными рыбаками, каждый выходной они стремились вырваться на рыбалку, и, как правило, возвращались с уловом. Их жены не любили готовить, так что улов доставался соседям, в большинстве случаев Анне. Анна же умела готовить из этой рыбы вполне съедобные и вкусные блюда. Нужно сказать, что жизнь в этой коммунальной квартире, несмотря на скученность, особенно в утренние часы в местах общего пользования и на кухне, проходила дружно, без ссор и обид. Конечно, у каждой семьи были свои проблемы, свои внутренние разборки, но решались они локально. Следует добавить еще один важный момент: никаких межнациональных трений и разногласий среди жильцов здесь

никогда не было, несмотря на то, что среди проживающих были латыши, литовцы, русские, украинцы.

Впервые в этой квартире в гостях у Анны Чубенко я побывал вместе Сашей Макеевым где-то осенью 1963 года. К этому времени я и Саша, как и Анна, были студентами 3 курса вечернего отделения строительного факультета РПИ. В эту группу я перевелся из дневного отделения, куда был принят после армейской службы. Жили мы с Сашей в общежитии строителей на улице Маяковского, что располагалось на левом берегу Даугавы сзади сегодняшней гостиницы «Даугава». Саша работал в тресте Промтехмонтаж, в составе которого был и завод «Монтажник», на котором я работал в то время. Анна после техникума поступила на заочное отделение строительного факультет Политехнического института в городе Коммунарске. В 1963 году она перевелась в Рижский политехнический институт, где мы и встретились впервые на очередных занятиях. Повод для посещения двумя парнями студентки вечернего отделения Анны Чубенко, конечно, был благородный. Нам с Сашей, как бы, «трудно давались» то ли сопромат, то ли начертательная геометрия, теперь я уже точно не помню, что именно. Анна эти предметы давались легко. Чтобы помочь однокурсникам и не снижать успеваемость группы, сознательная студентка и согласилась на этот визит, не идти же ей в мужское общежитие! Инициировал посещение, конечно, я: с самой первой встречи в мою душу основательно запала эта чернобровая хохлушка, а договаривался, конечно, Саша. Что было на душе у Анны – осталось до сих пор тайной. Во всяком случае, на улице Вийциема вместе с Сашей мы были, наверное, еще только раз или два. Зато мне эти занятия понравились, притом, настолько, что заканчивались они чаще всего далеко за полночь, когда ни трамваи, ни троллейбусы уже не ходили, а добираться пешком через весь город на другой берег Даугавы до улицы Маяковского было ох как не просто! Встречи переросли в постоянные контакты, совместно проводимые праздники, ну и, бесспорно, лыжные прогулки. Свадьбу сыграли 12 марта 1966 года в квартире моих родителей на улице Горького, в которую они перебрались к этому времени из Акнисте.

В этом же 1966 году завершилась наша учеба в Рижском политехническом, и мы получили дипломы инженера-строителя. Вскоре после рождения Илоны мне на работе выделили квартиру на улице Мاستу в районе Рижского морского торгового порта. Это была 2-х комнатная квартира с небольшим балконом. Конечно, подниматься с коляской и маленьким ребенком по лестнице на пятый этаж было нелегко, но мы были очень рады такому решению. Нашими соседями по лестничной клетке были Дмитрий Александрович и Мария Григорьевна Верховцы, с которыми у нас установились хорошие отношения, сохранившиеся долгие годы. Д.А. Верховец - старый большевик из числа незаслуженно осужденных в годы репрессий, впоследствии был реабилитирован, восстановлен в партии и во всех правах. Несмотря на это, он не изменил свои убеждения, до конца своей жизни остался верен коммунистическим идеям, и всегда был готов драться за них.

Я продолжал работать в партийных органах, о чем я более подробно расскажу ниже. Трудовые будни моей супруги Анны Максимовны, строились теперь уже с учетом ситуации в нашей семье. Первое время она продолжала работать там же в Шкиротавском строй участке. Затем перешла в трест «Оргтехстрой», расположенный на улице Ганибу Дамбис в нескольких трамвайных остановках от нашего дома. Это не обычный строительный трест, я бы назвал его научно-исследовательски-внедренческим подразделением в системе Министерства строительства республики. В его функции входили задачи поиска, исследования и внедрения в строительную практику передовых технологий производства и изготовления строительных материалов и изделий, передового опыта организации строительства, строительных работ и технологий. Работы треста финансировались Министерством, однако основные средства трест должен был зарабатывать сам, заключая соответствующие договора. Анна попала на

работу в отдел оснований и фундаментов. Повезло, так как там трудились опытные специалисты, творческие работники. Мне запомнились два интересных проекта, в которых приняла участие Анна Максимовна. Первый из них касался жилого дома в Пролетарском районе, фундаменты под которыми вдруг перестали нести нагрузку, здание стало оседать. Предстояло после проведенных раскопок дать заключение о причинах этого и предложить комплекс работ, чтобы стабилизировать обстановку. Если решение не будет найдено, дом придется сносить, а это огромные затраты. В итоге, решение было найдено, средства сэкономлены, а сотрудники получили премию, в том числе и моя супруга. Премия легла в основу первой крупной покупки в нашей семье – холодильника. Второй пример творческой работы этого подразделения – отработка предложений по уплотнению грунта под строящиеся объекты. Известны несколько способов уплотнения грунтов для того, чтобы он мог нести большие нагрузки. Наиболее простой из них – это нагрузить площадку, на которой предполагается разместить объект, посторонним грунтом (например, песком). Может быть, вы заметили, как кое-где на пустой площадке вдруг вырастает огромная куча песка. Через определенное время куча исчезает и начинается строительство. Это значит, что за время нагрузки грунт уплотнился и стал способен нести большую нагрузку, что позволяло проектировщику уменьшить площадь фундаментов под здание. За счет этого достигалась экономия. Все это определяется расчетом, сравнением вариантов. Другой способ преодолеть слабые грунты – это устройство свайного основания. Каждый из нас видел и слышал, как забиваются железобетонные сваи при строительстве жилых домов, например. Есть еще так называемые буронабивные сваи, когда в грунте бурится скважина диаметром 20-30 и более сантиметров, внутри которой естественный грунт изымается, а вместо него «набивается» другой более плотный или смесь кирпичного боя и цемента. В данном случае я хочу рассказать о той работе, которую проделали специалисты московского НИИ оснований и подземных сооружений и треста Оргтехстроя по освоению новой для республики, да и страны японской технологии уплотнения грунта с использованием картонных дрен. Нужно сказать, что союзный Минстрой закупил в Японии соответствующее оборудование, а технологию производства работ, ради экономии средств, «забыл». Трест Оргтехстрой на земельном участке, где теперь стоит памятник Освободителям в Риге образовал экспериментальную площадку, на которой испытывали и сравнивали различные способы уплотнения грунта, в том числе и те, о которых я рассказал выше. Эта работа была очень интересной, Анна Максимовна посвящала ей много времени и сил. Нужно сказать, что работа в отделе оснований и фундаментов и полученные знания неоднократно находили применение в ее дальнейшей работе.

Следующим местом работы Анны Максимовны стал проектный институт «Латгипропром», который занимался проектированием объектов промышленного и коммунального назначения. Здесь был собран опытный коллектив проектировщиков, благодаря чему институт пользовался авторитетом и не только в республике. Нередко институт разрабатывал проекты объектов, которые впоследствии становились типовыми для страны. Так произошло, например, с котельной жилого микрорайона Иманта в Риге. Котельная построена в 80-х годах и теперь красуется недалеко от домов, в которых живут многие наши знакомые. Впечатляет какая-то особая стройность ее высоченной трубы. Проект котельной был выдвинут на всесоюзный конкурс, в результате которого он был признан лучшим, а коллектив удостоен премии Совета Министров СССР. Таким образом, Анна Максимовна стала лауреатом премии Правительства страны. Это очень почетная награда. Можно вспомнить и другие объекты, в проектировании которых приняла участие Анна Максимовна – административный корпус объединения «Сарканайс квадратс» на улице Маскавас в Риге, завод РАФ в Елгаве.

Проектирование само по себе представляет весьма сложный процесс, в котором задействованы разные специалисты – инженеры, технологи, архитекторы, геологи, чертежники, сметчики т.д. На каждый объект назначаются ГИПы, ГАПы (главный инженер проекта, главный архитектор проекта), которые вместе с соответствующими специалистами ведут проектирование: выбор площадки, размещение объектов, подборка оборудования, организация строительства и т.д. Однако, основа проектирования было и останется - расчет конструкций, узлов, устойчивости зданий. От того, правильно ли подобрано сечение балки или колонны, увязаны ли конструктивно элементы зданий, учтены ли максимальные ветровые и снежные нагрузки, преобладающие в данном регионе, зависит устойчивость и надежность проектируемых зданий и сооружений. С другой стороны, избыточное увлечение тяжелыми конструкциями ведет к удорожанию объекта. Для того, чтобы вести расчеты надо хорошо знать сопромат, механику, начертательную геометрию и многое другое. Специалисты, обладающие такими знаниями, составляют основу проектного дела. Именно к таким специалистам относилась Анна Максимовна, поэтому ее ценили и уважали в институте, ей доверялись наиболее сложные объекты.

По моим наблюдениям, работа в Латгипропроме была по душе Анне Максимовне, ее привлекал творческий характер труда, дружеская атмосфера в коллективе. О всех деталях взаимоотношений я, бесспорно, не могу рассказать, но знаю, что Анна Максимовна любила во время обеденных перерывах вместе с Галиной Соловьевой, Кларой Горбачевой, другими коллегами забежать на чашечку кофе в так называемый «подлунник». Латгипропром располагался в самом центре Риги, недалеко от памятника Свободы, рядом с колоннадой с надписью «Лайма», гостиницей Рига, кинотеатрами Айна и Комсомолец. Он занимал помещения дома № 15 по улице Ленина (сегодня улица Бривибас). Ранее, в годы моей учебы, это были учебные классы Рижского строительного техникума. В этом же здании, но вход с бульвара Падомью, находился знаменитый в наше время кафе-ресторан «Луна», а на первом этаже под ним располагался кафетерий, называемый в народе «подлунник». Известно оно тем, что там всегда были прекрасные разнообразные свежие булочки и фирменный кофе. Такой же кофе можно было заказать в расположенном поблизости в старой Риге тоже знаменитом кафе «Вецрига» с еще более знаменитыми пирожными и булочками. В этом кафе почти всегда можно было встретить местных чопорных дам, ведущих за чашкой кофе неспешный разговор.

Хочу рассказать еще об одной особенности этого института, которая мне представляется характерной для того времени. Коллектив института, как, впрочем, и в большинстве подобных учреждений в Риге, был по своему составу интернациональным. Здесь трудились и латыши, и русские, евреи, украинцы и специалисты других национальностей. Каких-либо конфликтов по национальному признаку не возникало, по крайней мере, видимых. В то же время, они существовали. И вот как это проявилось. К очередному «мужскому» празднику, дню Советской Армии и Военно-морского флота 23 февраля женщины как, это было принято, стали готовиться заранее. И тут выясняется, что группа мужчин отдела, не проявляют интереса к этому мероприятию, даже больше – не хотят участвовать. Знающие люди пояснили, что во время Великой Отечественной войны эти парни сотрудничали с немецкими оккупантами, более того, часть из них служили в латвийских дивизиях СС, сформированных командованием Вермахта, т.е., фактически воевали против Красной Армии. После войны все они были арестованы, осуждены, отсидели положенный срок в местах не столь отдаленных, после освобождения, однако, закончили советский ВУЗ, а теперь работают здесь. Естественно, отмечать день Советской Армии и ВМФ им как бы несподручно. Тут Анна Максимовна вспомнила, что в первое время ее работы в этом коллективе именно эти ребята не всегда дружелюбно относились к ней. Тогда такое отношение к себе она объяснила просто обычным проявлением симпатий или

антипатий, когда встречаешься с новыми людьми. Постепенно, по мере роста деловых контактов, взаимоотношения нормализовались и стали такими же, как и с другими членами коллектива. Скорее всего, они улучшились тогда, когда убедились в профессиональных качествах нового сотрудника. Много лет спустя, когда в республике победила «песенная революция» и была восстановлена Сатверсме (Конституция) буржуазной Латвии, действовавшая до 1940 года, советская власть была объявлена «оккупационной». Все, что было создано в советское время, оказалось не нужным. Был ликвидирован и институт Латгипропром и около тысячи его сотрудников остались без работы. Вот тогда один из этой группы «бывших» по фамилии Круминьш в беседе с сотрудницей, хорошо знавшей мою супругу, вдруг сказал, что если бы он знал, что все так закончится, то вступил бы в КПСС, чтобы не допустить того, что произошло. Вот такой финал, жаль, что поздно.

Мне осталось рассказать еще об одном повороте в трудовой биографии Анны Максимовны, свидетельствующий о ее незаурядных способностях и умении сосредоточиться, добиваться поставленных целей. Я имею в виду работу преподавателем специальных дисциплин в Рижском политехническом институте. Преподавательская деятельность, видимо, влекла Анну Максимовну, неслучайно еще в 1978 году она пробовала свои силы в Рижском строительном техникуме, читая там курс начертательной геометрии (скажем прямо, самый сложный и нудный для большинства предмет). Позднее, когда меня судьба забросила в Лиепая и куда вслед за мной перебралась вся семья, работу для Анны Максимовны найти было непросто. Поэтому, когда появилась возможность устроиться преподавателем в Лиепайский филиал Рижского политехнического института, она без колебаний согласилась. Позднее, после возвращения в Ригу ее переход на работу на строительный факультет РПИ стал как бы естественным. И во всем этом, конечно, нет ничего необычного, героического. Трудности и необычное для обычного времени начались в конце 80-х, когда в республике пошел процесс латышизации, т.е. перевод на латышский язык обучения учебных заведений, прежде всего ВУЗов. Процесс пошел как бы снизу, местная национальная интеллигенция, доказывая свою приверженность процессу национального обновления, начала подталкивать руководство ВУЗов к тому, чтобы латышский язык был единственным для получения высшего образования. Ну а с победой Народного фронта Латвии на выборах Верховного Совета республики в 1989 году, когда Правительство Латвии стало национальным, процесс пошел лавинообразно. Вопрос встал практически так: либо бросать институт и искать новую работу, или учиться латышскому языку и на нем вести преподавание. По моему мнению, в то время освоить латышский язык в такой степени, чтобы, во-первых, сдать экзамен специально назначенной комиссии, у части членов которой одно упоминание фамилии Клауцен вызывало аллергию, было почти невозможно. Во-вторых, вести специальный предмет на латышском языке, по которому все учебники на русском, было очень и очень сложно. Мало того, что надо было освоить специальную терминологию так, чтобы свободно владеть ею, все конспекты занятий предстояло перевести на латышский язык. К этому надо добавить, что Анна Максимовна живет в республике сравнительно недавно, работа до последнего времени проходила в основном среди русскоязычных коллективов, да и в семье общаемся на русском. И я был почти уверен, что придется Анне Максимовне искать другую работу. У нее, однако, было другое мнение. В короткие сроки она преодолела все трудности и препятствия и стала вести занятия на латышском языке. Но на этом проблемы в РПИ не закончились. Через некоторое время предстояло пройти переаттестацию на профильной кафедре. По итогам аттестации решение принимается голосованием членов комиссии. Накануне принятия решения Анне Максимовне стало известно, что группа особо национально озабоченных членов комиссии намеревается голосовать против нее, Причина: не может быть лояльной к проходящему в республике процессу национального возрождения жена одного из

руководителей города, поддерживающего «Интерфронт». В результате обсуждения взяли верх доводы заведующего кафедрой, доказывавшего, что обсуждаются не политические вопросы, а деловые и профессиональные качества претендента, по которым она соответствует занимаемой должности. Помогли результаты опроса студентов, показавшие, что старший преподаватель А.М. Клауцена пользуется наибольшей поддержкой в сравнении с другими преподавателями.

Анна Максимовна работала в Рижском политехническом институте вплоть до принятия окончательного решения о возможности переезда семьи по новому месту дислокации. Уволилась она в 1993 году в связи с переездом в Москву.

Я рассказал о трудовых перипетиях в жизни моей супруги, упуская то, что параллельно на ее плечи легли основные заботы о семейном быте, воспитании детей. Через семь лет после рождения в 1968 году нашей старшей дочери Илоны, Анна Максимовна в мой день рождения преподнесла мне подарок – вторую дочь Ирену. Воспитывали их мы самостоятельно: мои родители не могли нам помочь по состоянию здоровья, ее – слишком далеки были. Обе дочери у нас прошли через детские ясли и детские садики. Пробовали нанимать няню, но после первых проб – отказались. В конечном счете, вся нагрузка по воспитанию детей, на всех этапах включая их школьные годы, досталась супруге. Оглядываясь на прошедшие годы и наблюдая сегодня за жизнью наших девочек, я могу с чистой совестью сказать, что мы вырастили и воспитали достойную себе смену. Обе дочери с хорошими оценками закончили одну и ту же 13 рижскую среднюю школу, без излишних понуканий и опеки поступили и закончили высшие учебные заведения: Илона – Рижский политехнический институт по специальности информатика и вычислительная техника, Ирена – один год отучилась в РКИИГА (Рижский краснознаменный институт инженеров гражданской авиации), затем перевелась в знаменитый МАИ (Московский авиационный институт) и закончила его по специальности экономика производства. В свое время каждая из них нашла свою половинку, создали свои семьи, нарожали детей, наших внуков. Во всем том, что наши дети выросли стали такими, как и требуется, прежде всего, огромная заслуга моей супруги, Анны Максимовны. Она и сейчас не отказывает в помощи в воспитании внуков. Больше всего сумела уделить внимание первенцу – Павлуше, поменьше второму сыну Илоны - Демиду. Ну а третьему внуку, первенцу Ирены - Демьяну и, пока, единственной девочке - внучке Алисе эту помощь и внимание делит со второй бабушкой, Людмилой Николаевной.

Еще хочу рассказать о том, как лучшие качества Анны Максимовны, настойчивость, целеустремленность, проявляются сейчас, когда оба мы уже пенсионеры, как говорится, на заслуженном отдыхе. Пенсии, вроде и не большие, но при желании и при определенном режиме, вполне достаточные для проживания. Однако, Анна Максимовна настояла, в очередной раз, чтобы у нас был свой кусок земли, свой сад, свой огород. Видимо, крестьянские корни глубоко засели в ее бытии. Почему, в очередной раз? Да потому, что где бы мы ни жили – в Риге, Лиенае и опять в Риге, она всегда стремилась иметь возможность хотя бы на служебной даче, которую мне выделяли, посадить цветы, вырастить свою зелень, свои огурчики. Вот и сейчас у нас свой приусадебный участок, на котором уже вырос сад, небольшая часть его отведена под огород. Есть и приличная зеленая лужайка, газон, как сейчас принято называть – чтобы было, где побегать и порезвиться внукам, когда все они собираются летом. Несколько лет назад завели пчел, сейчас у нас своя небольшая пасека – сказала давняя мечта Анны Максимовны, о чем я уже упоминал. Результат – полностью обеспечиваем себя картошкой, капустой, летом - огурцами, помидорами и многим чем другим. Вдоволь заготавливаем всякие соленья, компоты, соки. С недавних пор своими яблоками угощаем родных и знакомых вплоть до нового года. А цветы – это отдельная песня! Кому, когда цвести, какой окраски будут ромашки, которые должны заменить отцветшие тюльпаны или петунии, куда разместить флоксы

и сентябрики, в какое время пора сеять дельфиниум, чтобы поздней осенью цветочная клумба не оказалась голой. Какими удобрениями следует поддержать то или иное растение и десятки других секретов все в голове у Анны Максимовны. Ну а название цветов, для меня, например, чтобы их запомнить - все равно, что иностранный выучить. А она, то с одним, то с другим внуком каждый год проводит уроки ботаники, рассказывая им подробно о каждом растении. В надежде, что любовь к природе сделает их богаче и добрее. Лишь изредка упрекая себя в том, что не сумела привить любовь к сельскому труду своим дочерям.

И еще об одном увлечении, что позволяет нам постоянно быть в форме, которое Анна Максимовна настойчиво стремится поддерживать. Я имею в виду активный образ жизни. Она всегда была инициатором любых спортивных занятий, которые были бы доступны для нас. Когда летом мы жили на Рижском взморье, то утренняя пробежка по пляжу и купание в морской воде практически в любую погоду были в нашей семье обязательными. В городских условиях Риги такой привычкой стала зарядка и бег по дорожкам парка Петра, что рядом с улицей Аусекля. Зимой в выходные мы с детьми с лыжами и санками выезжали за город. Освоили в свое время склоны холмов и горок в Шмерли, позднее, в полном объеме - Межапарк, включая озеро и все его окрестности. Сохранилось фото, на котором наша семья запечатлена на прогулке: Анна Максимовна, я и Илона на лыжах, а маленькая Ирена - на санках, которые я тащу, нацепив веревку за свои плечи. Такие выезды всегда делались без автомашины, благо рядом с нашим домом проходил маршрут трамвая № 5, который доставлял нас прямо в тыл Межапарка. В этой связи мне вспоминается один случай, который подтверждает спортивную активность нашей семьи. Зимой 1990 или 1991 года в Риге проходили Дни канадского города Ванкувер, посвященные зимним видам спорта. Оргкомитет проводил много мероприятий, направленный на пропаганду спорта, здорового образа жизни. В том числе был объявлен конкурс на самую активную спортивную семью. В городской газете «Ригас балсс» было опубликовано обращение принять участие в конкурсе и направить в оргкомитет по установленной форме данные о том, как семья проводит свободное время в течение конкретной недели. Нужно было указать, сколько времени ежедневно отводиться зарядке, утренней и вечерней прогулкам и пробежкам в парках, катании на лыжах и коньках, а также о других спортивно-оздоровительных семейных мероприятиях. Условие – обязательно отразить активность детей. Кто-то из девчат предложил ради забавы заполнить эту анкету и отправить адресату. Заполнили, отправили и забыли. Какое же было наше удивление, когда через довольно продолжительное время пришло письмо, в котором от имени Оргкомитета извещалось, что наша семья признана одной из самых активных спортивных семей города.

Эту привычку к активному образу жизни Анна Максимовна поддерживает и здесь, в Королеве. Зимой мы становимся на лыжи, что позволяет нам не только поддерживать здоровье, но и наслаждаться разнообразными зимними видами Лосино-Островского заповедника, прилегающего к Королеву, и неповторяемыми пейзажами окутанных снежными одеялами лесных полян с огромными столетними елями, рядом с нашим загородным домом в Мамонтовке.

Такая вот Анна Максимовна, моя супруга, верный товарищ и друг.

Часть пятая. **ВЫБОР ПУТИ.**

Рижский строительный техникум. Рассказывая в предыдущей главе о своем брате, я упоминал, что все ребята выпускного класса Акнистской 7-летней школы в 1953 году попытались связать свое будущее с морским делом. Но приемная комиссия Рижского мореходного училища, куда они обратились, не поддержала их благородное стремление. Я же, единственный из этого выпуска, выбрал другое направление своего будущего – строительство. Почему именно это направление, ведь никто из наших близких и знакомых не были строителями? Да и я сам, признаться, довольно плохо представлял свою будущую специальность. Решение созрело под влиянием подвернувшейся под руку статьи о строительстве высотных зданий, башен, мостов, эстакад с использованием металлических элементов. Поражало, как из заготовленных на заводах элементов собираются диковинные сооружения. Это казалось очень знакомым, детский конструктор - моя любимая игрушка, позволял также просто и быстро из отдельных деталей с помощью винтиков и гаек собирать самые разные механизмы и сооружения. В это время неожиданно я и прочитал, что среди направлений, по которым предлагалось учиться в Рижском строительном техникуме, была специальность "изготовление и монтаж стальных конструкций". Так и произошел этот выбор. Правда программа учебы в техникуме оказалась намного шире, чем значилось в названии отделения, и после ее завершения я получил специальность техника-строителя промышленно-гражданского строительства. И все же признаюсь, что чувство восхищения и удивления при виде высотных зданий, ажурных мостовых сооружений, огромных промышленных цехов, «собираемых» из отдельных металлических элементов - балок, уголков, швеллеров, способных нести многотысячные нагрузки не покидали меня и в дальнейшем будь то студенческая практика или работа на производстве.

Таким образом, в неполные 16 лет от роду, и началась моя самостоятельная жизнь. Самостоятельная потому, что жить пришлось без повседневной заботы и опеки со стороны родителей, первые 10 – 12 лет в общежитиях, студенческих, потом – солдатских казармах, и в завершении – в рабочих. Во время учебы в техникуме домой, в Акнисте удавалось навещать только во время каникул (более 200 км от Риги, на автобусе около пяти часов). Денежной помощи ждать тоже не приходилось, иногда попутным транспортом родителям из дома удавалось подбросить мешок картошки и какие-либо овощи. Но все это очень быстро проедалось: проживали мы в общежитии на улице Гайзиня, что вплотную к знаменитому Рижскому рынку, в комнатах по 10 - 12 человек. Большинство из ребят приехали из других регионов страны: Григорий Головин, Семен Стоянов – детдомовцы из Украины, Михаил Кот, Иосиф Никритин – из Белоруссии, ожидать подобных передач им не приходилось.

Надо помнить, что это было непростое время для советской страны, после войны не прошло и десяти лет. Хотя самое худшее было позади, и с каждым годом жизнь улучшалась, все же нам, студентам, приходилось с трудом сводить концы с концами. Основная пища состояла из батона белого хлеба, маргарина, чая, причем вместо сахара (его просто не было) покупали конфеты-подушечки с наполнением из варенья. Выручала дешевая селедка, кефир, горячие пирожки с ливером с избытком продававшиеся здесь же рядом на колхозном рынке. Трудно приходилось всем.

Чтобы выжить, приходилось подрабатывать, как правило, в выходные и в ночное время. Я одно время работал ночами в цехе гальваники мотозавода "Саркана звайзгне", располагавшемся на улице Ленина напротив ВЭФа. Кто-то из ребят трудился на пивоваренном заводе в Московском районе, Рижской табачной фабрике, других предприятиях. При этом, пивзавод прельщал не пивом, никто не увлекался, а возможностью сдать пустые бутылки, которые образовывались после того, как общими усилиями их опустошали. Ценилась валовая работа в порту и на железной дороге, на

разгрузке вагонов, трюмов судов - можно было за одну ночь заработать неплохие денежки.

Ну и конечно, нередко подрабатывали на стройках - на земляных, бетонных работах. Иногда попадались серьезные объекты, когда мы были уже на старших курсах. Запомнилось возведение железнодорожного моста из металлоконструкций через реку Югла для доставки вагонов с торфом на Рижскую ТЭЦ.

Расскажу об одном случае, который в некоторой степени характеризует обстановку в тот период. Я, как и многие мои однокурсники, кроме учебы, занимался спортом, благо для этого в техникуме были созданы неплохие условия. Мне нравилась гимнастика, кроме этого увлекался легкой атлетикой (бег на средние дистанции) и лыжным спортом. Где-то зимой на втором или третьем курсе в составе команды техникума я участвовал в лыжных гонках на 10 км, соревнования проходили в Межапарке. Отказаться было неудобно, все же честь техникума, ну а силенок из-за постоянного недоедания было маловато. В результате, ближе к финишу прямо на трассе потерял сознание. Очнулся в скорой, там долго не задержали, привели в чувство, сказали, что истощение организма.

В техникуме учились ребята примерно одного со мной возраста. В то же время были и намного старше по возрасту, среди них и участники Великой Отечественной войны. Последние в большинстве - семейные, жить на две семьи было трудно, поэтому почти все они вскоре были вынуждены прервать учебу и разъехались по домам. Местных, рижан и жителей республики, как я, было немного — это Егор Васильев, Роальд Романов, Игорь Кашинцев, Саша Кацен. В группе были в основном парни, девчат было считанные единицы, все они местные, рижане. Со многими сокурсниками после окончания учебы я неоднократно встречался, переписывался. Е. Васильев позднее уже после моей службы в Армии «перетащил» меня на завод Монтажник, где он работал старшим мастером. С Р. Романовым, бывшим партизаном из Белоруссии, сыном полка, мы до сих пор дружим, поддерживаем самые тесные контакты, он обосновался в Москве намного раньше меня.

Рижский строительный техникум в годы моей учебы входил в состав союзного Министерства строительства, поэтому его выпускники направлялись на работу в другие регионы страны. Так в 1957 году я оказался на Урале в городе Свердловске.

Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Переезд на новое место жительства совпал со знаменательным событием в жизни СССР, открытием Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве. Именно в этот день я стал свидетелем того, как москвичи и гости столицы встречали участников фестиваля. Утром 28 июля, по прибытию поезда из Риги, я забросил свой скромный багаж в камеру хранения Казанского вокзала и оказался в толпе, встречающих участников фестиваля на Садовом кольце. Нужно сказать, что атмосфера всеобщего ликования, праздника, единения молодежи, дружбы охватила огромную массу людей, заполнившую все улицы и площади по пути следования колонны автомашин с участниками фестиваля. Люди стояли не только на всех балконах, лоджиях, у настежь открытых окон жилых домов, но и на крышах зданий и строительных лесах, где это было возможно. Я видел, как толпа смяла шеренги милиционеров, пытавшихся образовать коридор для проезда колонны, и каждая автомашина оказалась в окружении людей, медленно продвигаясь по направлению к стадиону. Всюду звучали приветствия, музыка, песни, встречающие старались пожать руки делегатам фестиваля. В этом проявились искренние и дружественные чувства советских людей к молодежи всех стран, стремление жить в мире со всеми странами и народами. Эти чувства невольно охватили и меня, казалось бы, случайно оказавшегося в этом месте. Как на другой день сообщили газеты, из-за столь горячего проявления дружественных чувств москвичей официальное открытие фестиваля на стадионе Лужники началось с задержкой в несколько часов. Никто,

однако, по этому поводу не высказывал возмущения. Таким образом и мне удалось прикоснуться к этому замечательному событию. Московский фестиваль – первое после тяжелой войны столь массовое мероприятие, оставил глубокий след в сердцах молодежи нашей страны, показал всему миру дружелюбие и мирный настрой советских людей. Любимые песни фестиваля «Если бы парни всей земли...», «Подмосковные вечера» стали своеобразным символом Москвы и советских людей.

Начало трудовой деятельности. В Свердловске в тресте «Стальмонтаж-5», куда я получил направление после окончания техникума, меня определили на работу мастером строительного участка на Уралмашзаводе. Трест проводил работы по реконструкции цехов этого промышленного гиганта, которые, кстати, там никогда и не прекращались.

Работа в тресте запомнилась мне процедурой самостоятельного закрытия нарядов бригаде монтажников по итогам работы за месяц. Действуя в соответствии с приобретенными во время учебы знаниями, я замерил объем выполненных работ (воздвигался металлический забор вокруг литейного цеха), выбрал по ЕНИРу расценки, умножив их на объем, получил искомый заработок бригады. Пригласил бригадира для согласования. Тот, молча, взял наряды и ушел. Совсем скоро возвращается в прорабскую вместе с двумя, весьма внушительного вида парнями, один из которых почему-то держал в руках увесистую кувалду, и говорит примерно следующее: «ты чего, молокосос этакий, тут выпендриваешься? Ты закрыл нам по три рубля за час на члена бригады, а самый маленький заработок у нас до сих пор был 5,50. Понимаешь ли ты, чем это может для тебя кончиться»? Бросил наряды на стол, и они с шумом удалились. Я остался в недоумении, ведь не спорят об объемах, не оспаривают расценки. Мою растерянность заметил прораб, появившийся вскоре в прорабской. Выслушав меня, он сказал, что бригадир прав и надо закрыть им по 5,60 рублей за час на члена бригады. На мой вопрос, как же это сделать, он достал из шкафа кипу нарядов, наверное, за весь предыдущий год, и сказал: «смотри и делай». В итоге, получилось по 5,60, бригада была удовлетворена. Я же понял, что стальной лист, прежде чем его приварить к столбикам, нужно править вручную с помощью кувалды, что эти тонны металла, прежде чем они станут забором, члены бригады должны таскать, и тоже вручную, по всей площадке, что перед сваркой стык листов надо тщательно обработать, и тоже вручную и многие другие премудрости строительных технологий.

Стройбат. Продолжить строительно-производственные университеты мне пришлось уже в другом месте и совсем в других условиях. Осенью этого же года меня призвали на действительную военную службу в ряды Советской Армии. Волею судеб я оказался в стройбате, здесь же, недалеко от Свердловска. Дело в том, что рядом с областным сборным пунктом в городе Реж, в котором концентрировались призывники после отбора их военкоматами, располагался 35 Военно-строительный отряд. Командир этого отряда, подполковник Круглов, «используя свое служебное и территориальное положение» имел доступ к картотеке прибывших на сборный пункт будущих солдат. В результате, видимо, по согласованию с областным военкомом, он отбирал для своей части призывников нужных специальностей. Таким образом я, как оказалось и еще несколько молодых техников-строителей, среди которых Юрий Зубарев из уральского города Нижние Серьги, оказались военными строителями. И вместо ожидаемого длительного путешествия в Забайкалье (почти на мою родину!), как мне об этом было сообщено на призывной комиссии, мне пришлось поздним вечером шагать по уже заснеженной земле до места своей солдатской службы.

Стройбаты в те времена, как, впрочем, и всегда, отличались низким образовательным и интеллектуальным уровнем призывников, то есть туда отправляли тех, кого нельзя было использовать в других видах вооруженных сил. Так получилось и в данном случае: мне пришлось служить вместе с ребятами, которым не нашлось места

в других воинских частях. Зато часть из них хорошо владели строительными специальностями, ну а большинство в короткие сроки осваивали их. К этому следует добавить и то, что в год моего призыва из-за дефицита призывного контингента мобилизованными оказались те, кто имел отсрочки от призыва по различным причинам, в том числе, имевшие судимости в подростковом возрасте за ранее совершенные преступления. И такие ребята, как правило, оказывались в стройбатах. Короче говоря, воинская служба получилась веселой: пришлось столкнуться и с грубостью, дерзостью, хулиганством, граничащим зачастую с преступностью. Усугублялось положение крайне слабым, как мне представляется, кадровым обеспечением этой воинской службы. Командование ротой, в которой мне пришлось служить все три года, состояла из одного офицера (командир капитан Жуманов), сверхсрочников в звании старший сержант – командиров взводов, и старшины роты (старшина Анисимов). Политическую и воспитательную работу обеспечивал заместитель командира батальона в звании майор. Производство обеспечивали мастера и прорабы из гражданских лиц.

Особо следует сказать о старшине Анисимове. Это был старый вояка, участник Великой Отечественной войны, в 1944 году при освобождении Риги он в составе спецподразделения наводил понтонный мост через Даугаву в центре города, который успешно прослужил многие годы. В роте он был фактическим хозяином в хорошем смысле, заботливым отцом, воспитателем и требовательным командиром. Мне казалось, что у него своей личной жизни и не было, так много внимания он уделял службе. Умел быть жестким, требовательным и, в тоже время, заботливым.

И все же, годы службы оставили у меня в целом больше позитивного. Навсегда запомнились чувства товарищества, взаимовыручки, коллективизма и готовности вместе со всеми преодолевать возникающие трудности. А с такими явлениями, как дедовщина, за все годы службы мне не приходилось встречаться.

35 Военно-строительный отряд, кроме специальных объектов, возводил жилые дома, школы и другие здания социального назначения недалеко от города Реж Свердловской области, а также в городах Березники и Соликамске Пермской области. За годы службы мне удалось освоить азы основных строительных работ, с которыми исходя из специализации отделения, на котором я учился в техникуме, нас не знакомили – это штукатурные, отделочные работы, кирпичная кладка, сантехника, электрика и все остальное, из чего, в конечном счете, состоит стройка. Хотя по итогам службы мне присвоили почетное звание «Отличник военного строительства», я не могу сказать, что мой труд внес заметный вклад в развитие строительного дела в Уральском военном округе. В то же время, бесполезными для военно-строительного дела эти три года, добровольно-принудительно отданные мною, я не могу назвать. А полученные знания мне пригодились во всей последующей жизни. Одновременно здесь я приобрел по-настоящему первый опыт общественной работы и прочувствовал полезность и нужность ее. Остановлюсь подробнее на этом.

Дела комсомольские. Как я уже отмечал, в батальоне для столь сложного призывного контингента явно недостаточен был офицерский командный состав как по численности, так и, откровенно говоря, по качеству их подготовке. Поэтому, совершенно оправданным, как мне представляется, стала опора на комсомольскую составляющую воспитательной работы. Комсомолу, в тех довольно серых и нелегких казарменных условиях солдатской жизни, была предоставлена полная и широкая самостоятельность, а организовывали и проводили ее как раз те молодые техники-строители, которых подполковник Круглов «выудил» на областном сборном пункте призывников.

В ротах и отряде в целом организовывались мероприятия, которые должны были охватить всех военнослужащих, максимально заполняя у них все свободное время. Это, прежде всего, спортивные занятия – легкая атлетика летом, лыжи зимой, сдача норм

ГТО («готов к труду и обороне» - комплекс спортивных норм, достижение определенного уровня оценивалась соответствующим удостоверением и нагрудным значком). Летом - футбол и волейбол, настольный теннис. Нужно сказать, что условия для спортивной работы были довольно примитивны, оборудованного спортзала не было. Все строилось на энтузиазме организаторов и поддержке командования. Я также был активным участником многих спортивных мероприятий, более того, неоднократно награждался дипломами за завоеванные призовые места. Запомнилось последнее из них. Это было 2 мая 1960 года в городе Березники, что в Пермской области - городская легкоатлетическая эстафета по улицам города. Так как эстафета была смешанная – мужская и женская, мы выступали в одной команде с девчатами из швейной фабрики. Я бежал первый этап и к своему удивлению пришел одним из первых. В итоге, наша команда заняла почетное третье место.

Кроме спортивных мероприятий большое внимание уделялось выпуску стенгазет, листовок, оформлению различных стендов, отображающих солдатскую жизнь и события в стране. Все это размещалось в ленинских комнатах в каждой роте. Чтобы все это делать привлекался всякий, имеющий соответствующие способности. Была предоставлена возможность учиться, посещать городскую вечернюю школу рабочей молодежи, чем я также воспользовался и получил аттестата зрелости в дополнении к уже имевшемуся диплому техника-строителя, что оказалось весьма полезным при последующем поступлении в институт.

Всеобщее внимание привлекали общеотрядовские выпуски спецгазеты «Комсомольский вездеход» (своего рода комсомольский прожектор) и радиогазеты. Идея заключалась в том, что назначенные в каждой роте члены редколлегии представляли материалы, касающиеся работы и жизни личного состава своего подразделения. На их основе редколлегия отбирала представленные материалы и оформляла специальные выпуски в виде огромной стенгазеты (специальный стенд размером примерно два метра на метр в застекленной витрине на столбиках, высотой тоже около метра, перед входом в столовую). Одновременно по этим и другим материалам готовились выпуски радиогазеты. Каждый номер «Комсомольского вездехода» и радиогазеты встречался с огромным интересом и долго обсуждался среди военнослужащих. Естественно, в них доставалось прогульщикам, лодырям, бракоделам, отмечались также и передовики. Критические материалы могли касаться не только рядовых и сержантского состава, но и командиров-офицеров.

Вспоминается такой случай. В третьей роте (механизаторы, шофера, крановщики) не были своевременно приобретены специальные защитные средства от комаров (на Урале гористая местность, в тоже время, здесь много болот, отсюда в летние месяцы засилье комаров). На страницах радиогазеты прозвучало юмористическое открытое письмо командиру роты капитану Комарову, в котором местные режевские комары благодарят его за заботу о своем существовании. Выпуск сыграл свою роль, на следующий день личный состав был обеспечен соответствующим защитным препаратом, никаких замечаний от командования мы в редколлегии не получили. Зато при очередной проверке состояния политико-воспитательной работы Политуправлением Уральского ВО этот момент был отмечен и замполиту Отряда было сделано суровое предупреждение о недопустимости впредь критических выступлений рядовых, какими были члены редколлегии, по отношению к командному составу.

Юрий Зубарев, Олег Мусатов и другие. Рассказывая об этом, я с особой теплотой вспоминаю ребят, с которыми связала судьба и с которыми мы делили тяготы солдатской службы, стремились сделать что-то интересное и неординарное в стройбатовских условиях: Олег Мусатов, Виктор Петрушкин, Владимир Гачегов. Особое место среди них занимал Юрий Зубарев из уральского города Нижние Серьги. Он попал в 35 ВСО тем же путем, что и я. По внешнему виду это был неуклюжий

«очкарик» («Wana Priil» как его окрестили эстонские однополчане, служившие с ним в одной роте), совершенно не строевого вида, за которым скрывался неординарный, талантливый человек. Его интересы и возможности распространялись в таких сферах, как живопись, поэзия, музыка, журналистика, фотография. Теперь я уже не помню, почему он избрал для учебы строительный техникум. Обладая отличной памятью, он несколько часов подряд мог читать наизусть стихи Маяковского, Есенина, Пушкина, Некрасова, Фета, Багрицкого, Шекспира, многих других поэтов прошлого и настоящего, сопровождая чтение игрой на баяне. Литературные вечера в исполнении Ю. Зубарева собирали сотни слушателей не только в нашем солдатском клубе, но и в городском доме культуры, недалеко от которого размещалась наша часть. Сам писал, и, на мой взгляд, был совсем неплохим поэтом. Вот, например, образные строки из его поэмы о родном городе Нижние Серьги:

*Кварталы зданий, переулки, / Наш небольшой уютный сад,
Как в малахитовой шкатулке, / Среди зеленых гор стоят.*

Об этом его таланте хочу рассказать более подробно, вспоминая довольно курьезный случай, произошедший с ним. В один из обычных сентябрьских дней во время утренней пробежки Юра отозвал меня в сторонку и взволнованным голосом сказал, что вечером после отбоя, когда он возвращался из барака, в котором проживали семьи сверхсрочников сержантского состава, его «застукали». Юрий успел еще сказать, что утром его вызывает командир отряда.

Вскоре выяснилось, что действительно, в тот вечер, когда он возвращался после встречи с молодой женщиной (жена старшего сержанта, уехавшего по каким-то причинам в это время домой) он столкнулся с дежурным по отряду. Нужно сказать, что благодаря упомянутым литературным вечерам, он пользовался популярностью, в том числе и членов семей командного состава, и, особенно, среди лиц женского рода. Налицо явное ЧП, скандал на весь отряд!

Выручили литературные способности Юрия, а именно: поэма «...о тяжелой солдатской службе в глухом уральском лесу, красивых женщинах, любящих стихи, и увлечение, которое не позволило солдату вовремя вернуться в казарму», написанная в форме «Объяснительной записки на имя командира 35 ВСО подполковника Круглов от рядового Зубарева». Родилось это стихотворное произведение на наших глазах после того, как следующим утром, взлохмаченный и покрасневший в ходе разносного разговора, Юрий выскочил из кабинета командира и вбежал в находившийся рядом комитет комсомола. Ничего не объясняя, он попросил бумагу и карандаш и, оперившись на подоконник, стоя стал что-то быстро писать. Через каких-то 15 – 20 минут с исписанными листами вернулся в кабинет Круглова.

Раздался характерный громкий командирский голос, вперемежку с не совсем литературными выражениями, потом установилась тишина, и Юрка опять выскочил из кабинета: «Ну все, кажется, пронесло», заявил он. С его слов, Круглов, сначала возмутился, но вчитавшись, понял, что на самом деле это стихи, и отпустил Зубарева. Позднее рассказывали, что Круглов при встрече с другими командирами не раз говорил, «...вот какие у меня солдаты, объяснительные пишут в стихах».

Зная о предстоящем разбирательстве у командира отряда, мы, ближайшие друзья Зубарева «оказались» в комитете комсомола у секретаря комитета Олега Мусатова. А комитет комсомола, как уже отмечалось, располагался рядом, через стенку с кабинетом командира отряда. Барак сборно-разборный деревянный, слышимость отличная, что и позволила нам стать свидетелями разговора, который происходил у подполковника Круглова с рядовым Ю. Зубаревым. Ну а саму «объяснительную записку» Юра дал мне прочитать перед тем, как вернулся в кабинет Круглова.

С литературными творениями Юрия после этого случая мне пришлось столкнуться не единожды и вот как это было.

Последний третий год службы мы с Зубаревым оказались в разных подразделениях 35 ВСО: он остался в городе Реж, я в составе своей роты – в Березниках. Вот одно из первых его писем:

Ich sage dich/Du ist mein Gold/Тебе мой стих/ Пишу, Арнольд!

И далее в ответ на мое письмо:

***Пусть он сейчас/ Живет совсем не плохо -/Мне все известно/ это по письму../
Березовских улиц /Суматоха/Пускай во всем/Сопутствуют ему./
Пусть старшина/ Анисимов порою /К нему придирчив/
И чрезмерно строг/ Но «ХВАКТ»/ Он за него стоит/Горю./
Ведь без него б/ Работать он/ Не смог//***

О своих делах:

***А здесь в Реже -/Обыденно и плоско/Течет последних / Месяцев черед./
Да! Вот недавно/Где-то у Свердловска/ Американский/ Сбит был самолет/
И, поборов башки своей / Круженье, /В казарме я увидел/ Чрез окно,
Как сверху, с неба, /К нам, в расположенье/На парашюте/Падало...говно///
Вот, сволочь, /Добились, /Что взорвались. /Так вам и надо/Знайτε наперед, /
Коль вы сейчас/ Так жидко/Обосрались/То впредь не суйте нос/Не зная брод!***

Нужно сказать, что Юра, как и многие другие, в том числе знаменитые, одаренные этим божеским даром, авторы, довольно обильно в своих стихах, правда, чаще частных, не публичных, пользовался нелитературной (нецензурной) лексикой. По этой причине, в частности, далее я не осмелюсь цитировать его.

Через год или два после демобилизации уже из Свердловска, когда у Юрия возникли какие-то жизненные трудности, в письме ко мне он жалуется, что, «как поэт я умер». Однако, буквально через несколько строк с воспоминаниями о прежней солдатской службе, его вдруг прорвало и стихи опять рождаются из-под его пера:

***...разбить сомненья вековые/ И выпив чьи-то там духи/
Я за три месяца впервые/ Пишу Арнольд, тебе стихи
Перевернуть благую память/Не зная, что тебе писать
Я б с тукнул оба мира лбами/ Чтоб жизни суть у них узнать***

И дальше, уже в прозе, философские размышления о смысле жизни каждого из нас в условиях «суетливой кутерьмы». Замечу попутно, что упоминание о «выпитых чьих-то там духов» носит исключительно случайный характер. Могу свидетельствовать, что в нашем солдатском бытии никакие спиртные или даже их экзотические заменители никогда не играли никакой сколь бы то ни было значимой роли.

Позднее Ю. Зубарев учится на факультете журналистики Свердловского Гос. Университета, одновременно сотрудничает в газетах «Красный боец» и «Уральский рабочий». В эти годы мы довольно часто переписываемся, он по-прежнему обращаясь ко мне дружественно-ласково «Арнольдушка», пересылает вырезки из газет с его произведениями. Среди них - поэма «Любовь моя» (венок сонетов), «Из огня и пламя» (музыкально-драматическая композиция), «Песни лыжни», «Перекур» - в основном это лирико-патриотические произведения о солдатской доле, Родине, Отчизне. В одном из писем радостно сообщает, что вышел первый сборник его стихов.

С годами наша переписка стала затухать, заели проблемы как у него, так и у меня, хотя он даже обещал приехать в Ригу. Последнее письмо от Зубарева я получил где-то в конце восьмидесятых. На фотографии он в форме полковника, а на обороте:

«Я лыс и сед, и безобразен. Но жив! И этим я прекрасен».

После учебы в Университете его пригласили на работу (и службу) в редакцию окружной газеты «Красный боец», где он быстро пошел по служебной лестнице. В дальнейшем служба продолжалась на севере, где возглавлял окружную газету. После 1990 года связь прервалась, а мои попытки разыскать его не увенчались успехом. Не

смог его найти и Олег Мусатов, с которым мы встречаемся и по сей день. Олег живет в Ростове-на-Дону, работает главным инженером одного из оборонных НИИ.

Что касается способности Ю. Зубарева в живописи, то, как мне помнится, все расположенные в Реже и в ближайшем окружении дома культуры, другие аналогичные учреждения, в конечном счете, оказались украшенными портретами В.И. Ленина, других вождей, написанные его кистью, не говоря уже о наглядной агитации в нашем отряде.

Мне повезло встретиться с Юрием Зубаревым. Общение и дружба с ним оказала на меня очень большое влияние. По-новому я стал смотреть на литературу, прежде всего – на поэзию. Совершенно в ином свете предстал перед мной Сергей Есенин, я полюбил Маяковского, Роберта Рождественского, с интересом и заинтересованностью стал следить за творчеством других поэтов-шестидесятников Евгения Евтушенко, Андрея Вознесенского. Его рассказы о великих русских художниках, их творчестве настолько сильно повлияли на меня, что после демобилизации, возвращаясь домой из Березников в Акнисте, я специально сделал остановку в Ленинграде, чтобы там побродить по залам художественных музеев. В течение следующего дня с карандашом и небольшой записной книжкой я ходил из музея в музей, подолгу останавливаясь у картин известных художников, что-то записывая в ней. Тогда же я купил массу книг и брошюр об истории живописи, жизни и творчестве великих русских художников. Эти издания и сегодня, в век интернета, оказавшись в квартире среди многочисленных книг становятся полезными для моих потомков.

Возвращаясь к своей воинской службе в 35 ВСО могу сказать (без ложной скромности), что в своей части, особенно, в роте я пользовался авторитетом и особым расположением командиров - старшины роты Анисимова и командира роты капитана Жуманова. Объяснить такое отношение я, скорее всего, могу тем, что мне было поручено исполнять в какой-то степени обязанности ротного политработника, своего рода замполита. Судя по всему, личный состав роты воспринимал это положительно. При том кадровом обеспечении, которое в то время сложилось в нашей части, это было объяснимо.

Расскажу об одном эпизоде, случившемся со мной где-то в конце 1959 года. К этому времени большая часть нашей роты была передислоцирована в город Березники Пермской области, где принимала участие в строительстве объектов в этом городе, а также в городе Соликамске, расположенном значительно севернее. Штаб части, его финансовое подразделение находилось на старом месте в городе Реж. Мне было поручено доставить в Березники очередную зарплату и денежное довольствие командному составу. Надлежало на поезде добраться до Свердловска, там пересест на поезд до Перми, а затем тоже поездом – до Березников. На ту беду одновременно этим же поездом из нашей части выезжал демобилизованный в связи с отъездом в Польшу - на родину своих предков, рядовой Эдуард Базилевич (его родители несколько лет добивалась этого). По прибытию в Свердловск до отхода наших поездов оставалось несколько часов и мы, естественно, оказались в привокзальном ресторане, где не только закусили, но и приняли ... «на долгую память!» Успели сфотографироваться и получить фотографии.

Здесь я должен пояснить, что Эдуард отбывал из части, имея в кармане довольно солидную по тем временам сумму. Дело в том, что военные строители за свой труд получали определенную часть заработной платы. Это, конечно, была не вся сумма, причитающаяся за проделанную работу, но все же... Заработанные деньги в течение службы на руки не выдавались, а зачислялись на лицевой счет каждого военнослужащего и выдавались при демобилизации. При этом, чем выше квалификация была у военного рабочего, тем больше он мог заработать за время службы. Эдуард был бригадиром, хорошим специалистом, чему соответствовала

полученная сумма. Замечу, что и я при демобилизации получил определенную сумму, что помогло мне не только приодеться, но и безбедно прожить первое время.

Возвращаюсь к тому злополучному дню. После фотографирования я посадил Эдуарда на его литерный и пожелал ему счастливого пути. Сам вернулся в зал ожидания, где был замечен дежурившим здесь же воинским патрулем: наверное, мой вид свидетельствовал о заведении, в котором мы с другом так приятно провели время. Последовавший после этого более детальный разбор показал, что задержанный действительно был, мягко говоря, не совсем трезв. Ну а наличие в моих карманах довольно крупных денежных сумм явно выбили дежурного офицера из нормального состояния. Выручило наличие поименных ведомостей на выдачу заработной платы и денежного довольствия командному составу командированных в Березники, а также, видимо, мой убедительный рассказ о произошедшем. Спасибо, поверили, продержали несколько часов, затем все вернули и посадили на поезд для дальнейшего следования. На мой вопрос, что же дальше будет со мной, дежурный пояснил, что это будет решать командир моей части, которому будет послано письменное уведомление. После возвращения в часть и прежде чем идти к командиру я рассказал о случившемся друзьям. В результате коллективного и детального рассмотрения и, учитывая, что все основанные должности в штабе отряда занимали свои ребята, было принято решение не спешить с докладом командиру, а дожидаться письменного сообщения из военной комендатуры Свердловска. Примерно через месяц это сообщение было получено, но почему-то оно вдруг исчезло из почты. Вот такой грех лежит на моей совести, правда, выводы с моей стороны для всей последующей жизни были сделаны.

Воинскую службу я закончил в июле 1960 года. Приказом командира части «за добросовестную службу и достигнутые успехи в военном строительстве» меня досрочно демобилизовали для поступления на учебу в институт (так и было записано в приказе командира части). Я был единственным, удостоенным такой чести, и, наверное, поэтому при отъезде из расположения на вокзал в Березниках меня провожали чуть ли не всем личным составом роты (на двух грузовиках), чем наделали большой шум и за что на следующий день, как мне потом написали ребята, влетело командиру роты. Это были незабываемые моменты в моей жизни.

Завершая рассказ о своем армейском периоде, я должен сказать, что не все было гладко и безоблачно. Те особенности в комплектовании призывников в строительные части Советской Армии, о которых я говорил в начале этого раздела, безусловно, негативно отразились в повседневной жизни воинской части. Вспоминается дикий случай, когда солдат по фамилии Гальт (призывник из поволжских немцев) был застрелен из охотничьего ружья через закрытую дверь хозяином дома, в который тот, будучи в самоволке, в пьяном виде ночью ломился, требуя несуществующую там Машу. В другом случае, тоже в пьяном виде, рядовой, весьма крупный по габаритам парень откусил часть уха у старшины, пытавшего его утихомирить. Случались негативные события и другого рода. Молодой парень по фамилии Каменев, призывник из Перми, долго отказывался выполнять какие-либо работы по службе, в конечном счете, нанес себе увечье левой руки, после чего был комиссован. Другой военнотруженик, призывник из Эстонии, в знак несогласия с командиром, объявил голодовку, старшине роты пришлось кормить его перед строем в приказном порядке. Можно вспомнить и другие негативные моменты. Но, повторюсь, в целом солдатская служба оставила у меня больше положительных эмоций. Ну а трудности ... Сошлюсь еще раз на Юру Зубарева:

*Кто был солдатом,
тот об этом знает,
Кто не был им,
тому и жить трудней.*

Рижский политехнический институт, завод «Монтажник». После демобилизации, я успешно сдал вступительные экзамены в Рижский политехнический институт на факультет ПГС (Промышленное и гражданское строительство). Зачислен я был по моей просьбе, в группу абитуриентов, не имевших стажа работы. Дело в том, что по действовавшим в тот период правилам, такие студенты первый год учебы должны были учиться по вечерам, а в дневное время - работать по своей будущей специальности. Это меня и устраивало, так как средства на существование я должен был зарабатывать сам. И еще: зачисление в институт в эту группу почти автоматически давало возможность получить место в студенческом общежитии, что было в тех условиях обязательным условием для меня.

Первый год учебы я одновременно работал в лаборатории строительных материалов своего факультета. Затем, приглядевшись, перешел на работу на завод Монтажник. Завод размещался на улице Ганибу Дамбис, где был сосредоточен мощный промышленный узел Октябрьского района: заводы Латвэнерго, Дизелестроительный, РЭЗ, ДОЗ, мебельная фирма Рига, комбинат Большевичка, АТП-32. На завод меня затащил, как я уже отмечал, Жора Васильев, мой однокашник по техникуму, он работал там старшим мастером. Завод входил в состав треста Промтехмонтаж Минстроя республики и обеспечивал стройки стальными конструкциями и изделиями, что собственно соответствовало моей специальности по техникуму. Работал сначала слесарем-монтажником, затем - бригадиром.

При строительстве и реконструкции кинотеатров, торговых центров, многих других общественных зданий, а также промышленных предприятий не обходилось без изделий небольшого, но весьма специфического завода «Монтажник». В прежние, советские годы, проезжая или проходя мимо таких объектов в Риге и, практически, во всех промышленных центрах Латвии я всегда вспоминал свою работу на этом заводе и внутренне испытывал гордость от того, что в них остался и мой труд. В последующие, после перестроечных годов, уже совсем другие чувства возникали при виде тех же объектов - сожаление и удивление, с какой легкостью и беспечностью были ликвидированы и, в конечном счете, разрушены такие крупные предприятия как объединения ВЭФ, Альфа, Коммутатор, Радиотехника, сотни других заводов и фабрик, в создании которых был вложен гигантский интеллектуальный и физический труд тысяч тружеников республики и страны в целом. Сожаление не столько о собственном труде, сколько о потерянных рабочих местах, столь остро необходимых для развития и процветания сегодняшней Латвии.

Секретарь партийной организации. Возвращаясь в начало шестидесятых, в годы моего бытия на Монтажнике, я должен рассказать о том, как заводская жизнь привела меня к последующей партийной деятельности, ставшей, в конечном счете, главной в моей жизни. Директор завода, Каплан Исаак Рафаилович, опытный руководитель и «крепкий хозяйственник», решил, что моя кандидатура подходит для секретаря заводской партийной организации. Нужно сказать, что это сравнительно небольшая парторганизация насчитывала в своем составе несколько десятков коммунистов и секретарь там – не освобожденный. Другими словами – обязанности секретаря парторганизации в этом случае исполняются на «общественных началах» параллельно со своей основной работой. Несмотря на то, что мой партийный стаж к тому времени составлял чуть больше двух лет, коммунисты поддержали директора и, не смотря на мои стоические возражения, избрали секретарем. Кстати, не только по партийному стажу, но и по возрасту я скорее подходил для секретаря комсомольской организации, что вскоре стало видно и из следующего случая. Как-то меня попросили срочно подойти в отдел кадров завода, где со мной хочет побеседовать корреспондент газеты «Ригас балсс». Когда я в рабочей «рубке», да еще из-за которой выглядывает солдатская гимнастерка, предстал перед корреспондентом, у нее (это была женщина)

непроизвольно вырвалось, что она хотела побеседовать с секретарем партийной, а не комсомольской организации...

Может показаться, что меня попросту «спихнули» на пост секретаря парторганизации потому, что никто больше не хотел заниматься этими, довольно муторными и нелегкими делами (напомню, что партийная организация на заводе занималась всеми проблемами, которые имелись в коллективе – производственными, воспитательными, взаимоотношениями между руководителями и коллективом и т.д.). Далеко не так. Начальник отдела кадров О. О-а, которая до этого и была парторгом, отнюдь не возражала сохранить и дальше за собой этот пост (мне попалось на глаза ее личное дело, в котором в кадровой анкете в графе «специальность» она собственноручно написала «руководящий работник»). Как бы там ни было, а через год меня повторно избирают на эту же общественную должность. Закончилось все это тем, что, в райкоме партии обратили внимание на молодого секретаря партийной организации, да еще латыша по национальности, и стали привлекать к работе актива райкома и, наконец, последовало приглашение стать штатным сотрудником аппарата. Учитывая, что приближался завершающий этап учебы (к этому времени я перевелся на вечернее отделение РПИ), а работа в райкоме, как мне казалось, все же не будет требовать столько сил и времени, как на заводе, после совета и благословления директора завода, я перешел на работу в Октябрьский райком партии. Произошло это в 1965 году.

Часть шестая.

СЛУЖЕБНО-ПАРТИЙНЫЕ БУДНИ.

Азы партийной работы. Азы партийной работы я осваивал в Октябрьском райкоме партии, первым секретарем которого в то время был Рио Ивановича Калнмач. Это был, по-настоящему, партийный вожак, пользовавшийся большим авторитетом. О формах и методах партийной работы я остановлюсь чуть позднее, здесь же мне хочется рассказать, как я пришел к пониманию важности работы в партийных органах, убеждению полезности моего участия в ней. Эта убежденность, в конечном счете, стала решающей в определении моей последующей жизни.

Инструктору промышленно-транспортного отдела, с которой началась моя партийная карьера, было поручено курировать группу партийных организаций строительства, предприятий стройиндустрии и ремонтно-строительных организаций района. Всего около двух десятков партийных организаций, немногочисленных по своему составу, это означало, что секретари партийных организаций здесь были не освобожденные и исполняли эти обязанности на общественных началах (как и я в свое время). Работа партийных организаций оценивалась в первую очередь по тому, как коллективы организаций и предприятий выполняли плановые задания, прежде всего по сдаче объектов в эксплуатацию, завершению их строительства или реконструкции. В социалистическом соревновании предприятий района они были выделены в самостоятельную группу, итоги подводились с участием общественности, лучшему коллективу присуждалось переходящее Красное Знамя района. Нужно сказать, что соревнование не было формальным, коллективы реально боролись за призовые места, несмотря на то, что денежное вознаграждение победителям не предусматривалось, в основе были моральные стимулы. Кроме того, инструктор группы осуществлял контроль за вводом в эксплуатацию объектов, расположенных в районе, строительство которых не обязательно велось строительными организациями района.

Для того, чтобы оценивать работу строительных организаций, надо было проводить анализ их экономических показателей, выявлять узкие места, в случае необходимости, вырабатывать и предлагать рекомендации по улучшению производственной и экономической деятельности. Своих знаний, естественно, не хватало, надо было организовывать для этого группу специалистов из других организаций. Естественно, все это делалось привлекаемыми на общественных началах, без отрыва от исполнения своих

прямых обязанностей по основной работе. Учитывая авторитет райкома партии, подобное приглашение для участия в работе комиссий райкома, на предприятиях, как правило, воспринималось позитивно. Рекомендации и выводы комиссий обсуждались в первичных партийных организациях, высказывались руководителям и секретарям партийных организаций в отделе райкома или на заседании бюро райкома партии, доводились до вышестоящих хозяйственных органов. Не обходилось, при этом, и к принятию решения о вынесении руководителям организации или предприятия партийных взысканий за упущения в работе, или, даже, освобождении их от занимаемых должностей.

Инструктор райкома партии. Мария Яковлевна Бойко. Основным звеном в работе аппарата партийного комитета считался инструктор райкома (горкома). Исходя из собственного опыта, могу подтвердить это. Первейшая задача инструктора райкома – быть в курсе положения дел в курируемых коллективах. Это означает, что он должен хорошо знать кадры, состояние экономической работы в коллективе, объективно оценивать стиль и методы работы хозяйственных руководителей, их способность опереться на коммунистов. В то же время важно видеть, насколько партийная организация способна обеспечить авангардную роль членов КПСС, по-деловому решать возникающие проблемы. И еще с десяток других вопросов, которые должны быть в поле зрения инструктора райкома партии. Если в коллективе разброд и шатание, если руководители не обеспечивают социальные и материальные потребности своих работников, не заботятся о техническом прогрессе, процветает кумовство и другие негативные явления, значит партийная организация не на высоте. В конечном счете, от того как инструктор владеет обстановкой в курируемых организациях во многом зависел авторитет райкома партии, возможность влиять на положение дел в конкретном коллективе.

Прошло уже несколько десятилетий после того как я работал в Октябрьском райкоме партии. Но до сих пор перед моими глазами стоит образ одного из старейших сотрудников аппарата Марии Яковлевны Бойко - как образец партийного работника. Мария Яковлевна, инструктор организационного отдела, в райкоме работала больше десяти лет. За ней были закреплены несколько крупных партийных организаций. Чтобы понять ее роль, как куратора партийных организаций, более подробно остановлюсь на ее работе с партийной организацией объединения РЭЗ (Рижский электромашиностроительный завод) в период подготовки и проведения отчетно-выборной компании в партийных организациях. Объединение РЭЗ, предприятие союзного подчинения, – одно из старейших не только в районе, но и в городе. В рассматриваемый период в нем объединялось несколько как бы самостоятельных производств: электротехнического оборудования для электропоездов, стиральных машин, порошковой металлургии, несколько специализированных конструкторских бюро, позволявших обеспечивать своевременное проектирование и освоение новых видов выпускаемой на заводе продукции. Естественно, в составе объединения были специализированные цеха, обеспечивающие потребности всех производств, например, литейный цех. Всего на объединении работало более 7 тысяч человек, партийная организация насчитывала около 1,5 тысяч коммунистов. Многолетним руководителем объединения был опытный хозяйственник Михаил Тимофеевич Фесенко, авторитет которого, как внутри коллектива, так и вне его, был непререкаемым. Я говорю об этой особенности для того, чтобы более четко была понятна роль инструктора райкома, о которой идет речь. Отчетно-выборная компания для такой партийной организации, как РЭЗ, проводилась, как правило, через два-три года. И это был настоящий смотр не только работы партийной организации, ее парткома и секретаря, но и своеобразный экзамен для хозяйственных руководителей. Почему экзамен? Дело в том, что в соответствии с уставом КПСС, партийные организации имели право контроля деятельности администрации, выражающейся не только в определенном влиянии на

назначение руководителей, но и возможности давать оценку работе администрации и ее отдельных руководителей, как по направлениям производственной деятельности, так и по руководству коллектива цеха, производства, объединения в целом. Если возникающие проблемы во взаимоотношениях хозяйственных руководителей и партийных организаций не удавалось урегулировать в рабочем порядке, то в период отчетно-выборной кампании они обострялись и могли вылиться весьма негативно для того или иного руководителя. Например, при голосовании (тайном) состава парткома (бюро) коммунисты могли просто проголосовать против неугодного руководителя, тем самым выразив ему недоверие. Такой результат, как правило, означал освобождение от занимаемой должности, или существенный пересмотр стиля и методов работы такого руководителя. На отчетно-выборном собрании коммунисты нередко высказывали критические замечания в адрес руководителей как по их работе непосредственно, так и по проводимой технико-экономической политике. Это особенно серьезно звучало в присутствии на собрании представителей вышестоящих партийных органов, а нередко, и представителей министерств, также часто принимающих участие в работе таких собраний. М.Т. Фесенко считал для себя не приемлемым получение «против» при выборе состава парткома уже больше 10 – 20 голосов членов партийной конференции, участвующих в голосовании. Поэтому, он очень серьезно и ответственно относился к подготовке и участию в отчетно-выборных собраниях коммунистов объединения. И в этом, пожалуй, главная заслуга инструктора райкома М.Я. Бойко. Доверие со стороны директора завода к работе инструктора райкома не пришло, само собой. Мария Яковлевна в течение года активно участвовала в жизни партийной организации завода. Ее часто видели на собраниях коммунистов цеховых парторганизациях, партийных групп. Она была знакома со всеми начальниками цехов, большинством мастеров, владела их сильными и слабыми сторонами. Ее знали многие рабочие, они, не стесняясь, обращались к ней по своим проблемам, часто этого было достаточно, чтобы разрешить возникшие во взаимоотношениях на производстве конфликты. Благодаря этому, она, порой, больше чем секретарь парткома, владела оценками коммунистов деятельности руководителей завода, в том числе, безусловно, директора. М.Т. Фесенко имел возможность неоднократно убедиться в этом, только поэтому он доверял Марии Яковлевне, советовался с ней, она, как никто другой, в период подготовки отчетной партконференции в любое время могла беспрепятственно обратиться к директору завода. Информация, которую готовила М.Я. Бойко для райкома партии, и которой руководствовался секретарь райкома, принимавший участие в работе отчетной партконференции, носила объективный характер. Она давала возможность райкому партии обратить своевременное внимание на узкие места в работе руководителей завода, ошибки в кадровой политике, недостатки в работе партийного комитета и его секретаря. Все это, безусловно, способствовало авторитету райкома партии.

В круг обязанностей М.Я. Бойко входило курирование и других партийных организаций (Коммутатор, Рижский дизелестроительный, Электроламповый), по количеству это значительно меньше, чем у коллег, но все они были крупными, их работа имела определяющее значение для района. Мария Яковлевна по возрасту была значительно старше меня, это не мешало ей по-товарищески относиться ко мне, как и к другим, менее опытным коллегам, подсказывать, давать советы. За это я всегда был благодарен ей.

Секретарь райкома. В целом работа в райкоме мне нравилась, и я стал находить в ней удовлетворение. Судя по последующим событиям, моя работа также положительно оценивалась руководством райкома партии, так как я довольно быстро прошел путь от инструктора промышленно-транспортного отдела, заведующего этим отделом и до секретаря Октябрьского райкома партии, курирующего вопросы экономики. Запомнился август 1968 года, период известных событий в Чехословакии, когда по стечению

обстоятельств мне, только что занявшему пост секретаря райкома, пришлось остаться одному из трех секретарей (Р.И. Калнмач находился в заграникомандировке, а Б.Н. Лукстыня, второй секретарь – в отпуске), т.е. фактически исполнять обязанности первого секретаря. Ввод войск Организации Варшавского договора в Прагу, развернувшиеся там события и реакция на них в зарубежных странах вызвали многочисленные вопросы у коммунистов и жителей района. Партийные организации должны были оперативно разъяснять позицию советского руководства. После прошедшего оперативного совещания первых секретарей райкомов и горкомов республики в Центральном Комитете Компартии Латвии надо было собрать партийный и хозяйственный актив района, предоставить его участникам максимально полную информацию о событиях в Чехословакии. Принимая во внимание, что официальные средства массовой информации в этот период весьма скупо освещали происходящее, надо было оперативно подготовить группу пропагандистов, политинформаторов, агитаторов и направить их в рабочие коллективы. Нельзя было упустить и вопросы бдительности, обеспечения общественного порядка и безопасности как на предприятиях и в организациях, так и районе в целом. Все эти вопросы были проработаны в райкоме, определены исполнители, обеспечен контроль за реализацией намеченных мер. Конечно, при поддержке и помощи, как со стороны горкома, так и Центрального Комитета партии. И вот тут, наверное, впервые я почувствовал ту ответственность за положение дел в районе, которая ложится на секретаря райкома партии, ответственность, которую никому не передашь, от которой никуда не уйдешь, если взялся за эту работу. Руководители, да и рядовые коммунисты, обращаются к тебе, ждут решений, надеются и доверяют тебе.

Становление партийного работника, безусловно, не происходило само по себе. Кроме практической работы в партийных органах была создана и весьма активно осуществлялась система подготовки и обучения кадров, которую я в полной мере прошел. За время моей работы в Октябрьском райкоме, а затем и в Рижском горкоме партии почти ежегодно мне приходилось учиться на различных курсах, семинарах, как в республике, так и в других городах страны. Для нашего региона такая учеба ЦК КПСС организовывалась на базе Ленинградской и Вильнюсской высших партийных школ. Чаще всего мне приходилось бывать в Ленинграде. Высшая партийная школа там располагалась в знаменитом Таврическом дворце, занятия с нами проводили как преподаватели ВПШ, так и действующие партийные функционеры ЦК КПСС, партийных комитетов Ленинграда, других регионов страны. Программа курсов предусматривала углубленное освоение теории партийного строительства, вопросов идеологии, экономики. Много внимания уделялось политологии, психологии. Одновременно проходил обмен опытом партийной работы с коллегами из других республик и областей.

В полной мере использовались исторические и культурные возможности Ленинграда, проходившие в то время там различные мероприятия. Мне запомнился, например, состоявшийся в Таврическом дворце Международный космический форум, на котором с докладами выступили американские астронавты Нил Армстронг и Базза Олдрин, первые в истории человечества по программе Аполлон 11 в июле 1969 года, осуществившие высадку на Луну. В ходе их выступлений были показаны фильмы о подготовке и полете на Луну. В фойе зала заседания был выставлен оригинальный стенд, на котором можно было через систему линз познакомиться с образцами лунного грунта, доставленного американцами. Нам, слушателям партийных курсов, удалось получить пропуск для прохода в зал заседания форума и стать свидетелями этого необычного мероприятия.

Рижский горком партии – проверка возможностей. В Октябрьском райкоме я проработал пять с половиной лет. За это время я не только поднялся по служебной лестнице, но и успел обустроить свою личную жизнь: женился, в семье появилась первая дочь Илона, все вместе обосновались в собственной квартире. Не менее важно –

завершилась учеба в Рижском политехническом институте, я, как и моя супруга Анна Максимовна, получил диплом инженера-строителя по специальности ПГС (промышленное и гражданское строительство). И когда в конце 1970 года мне предложили перейти на работу в Рижский горком партии на должность заведующего отделом строительства и городского хозяйства, я без сомнений согласился: все же работа «почти» по моей прямой специальности.

Отдел строительства и городского хозяйства относился к отраслевым отделам партийного комитета. В отличие от традиционных подразделений партийных органов (организационно-партийной работы, пропаганды и агитации и т.п.) отраслевые подразделения опираются в своей работе не только на партийные органы и организации, а на министерства и ведомства, хозяйственных руководителей. Раскрою это на отдельных примерах из собственного опыта.

Одной из острых проблем для города в это время была ритмичность строительства. Каждый строительный год заканчивался штурмовщиной, строители прилагали «героические» усилия для выполнения плана сдачи объектов в эксплуатацию, прежде всего жилых домов, школ, детских садов. Страдало качество, объекты сдавались с большими недоделками, устранение которых затягивалось месяцами. В результате, в последнем квартале года (а то и месяца) вводилось в эксплуатацию до 70 процентов объектов годового задания. (Годовой план строительства в Риге в те годы составлял в среднем 300 тыс. квадратных метров жилых домов, 2 – 3 школы, несколько детских садов, торговых центров и других объектов соцкультбыта). Объяснялось это тем, что строительство этих объектов в городе вели несколько строительных организаций: тресты Крупнопанельного домостроения, «Ригастрой», специализированные строительные организации, выполняющие сантехнические, электромонтажные, и другие виды работ – все они входили в состав Минстроя республики. Сборные конструкции изготавливались на предприятиях как Минстроя, так и Минпромстроя республики. Кроме того, в строительстве участвовали подрядные организации других ведомств (благоустройство, дорожные и другие спецработы). Рижскому горисполкому, главному заказчику, не удавалось должным образом состыковать работу строителей, проектировщиков, подведомственных организаций по опережающей подготовке площадок, проектной документации.

В тоже время в стране имелся положительный опыт решения подобных проблем, в частности Орловский опыт организации непрерывного домостроения, так называемая «орловская непрерывка». Отдел строительства и городского хозяйства горкома выступил инициатором изучения рижанами этого опыта непосредственно в Орле. В результате были подготовлены необходимые рекомендации для всех участников строительного процесса – начиная от проектировщиков, производителей сборных конструкций, строителей и включая городские и районные службы местных органов власти. Эти рекомендации легли в основу постановления бюро горкома партии. Нужно сказать, что руководители указанных ведомств с большой ответственностью отнеслись к рекомендациям бюро горкома партии, в каждом из них были приняты необходимые хозяйственно-правовые акты, предписывающие по-новому организовать подготовку и организацию всего строительного конвейера. В результате, в сравнительно короткие сроки удалось поправить положение в этой важнейшей сфере городского хозяйства, добиться сравнительно ритмичного в течение года ввода объектов в эксплуатацию.

Еще один пример из работы отдела. Примерно в то же время среди строителей страны большой популярностью пользовался опыт работы бригады строителей из Москвы Николая Злобина, так называемый бригадный подряд. Суть его заключалась в том, что строительная бригада принимала на себя обязательства по строительству конкретных объектов на принципах хозяйственного расчета. Полученная при этом экономия за счет сокращения сроков строительства, рационального использования материалов, изделий и техники в заранее определенной пропорции оставалась в собственности членов бригады и

выплачивалась в качестве дополнительной заработной платы и премий. Это положительно сказывалось на всем цикле строительного производства. Наш отдел выступил инициатором внедрения опыта бригадного подряда среди строителей города. Для этого был разработан и утвержден в горкоме план поочередных действий, предусматривающий изучение и проведение соответствующих организационных и экономических мероприятий. Рекомендации относились не только в адрес хозяйственных руководителей и партийных организаций строительных организаций города, но и Министерства строительства республики (например, требовалось разработать конкретные положения по учету затрат, материальных ценностей в хозрасчетной бригаде, системы оплаты с учетом экономии, достигнутой в бригаде). Была подготовлена и проведена городская экономическая конференция строителей на эту тему, участником которой стал и Н. Злобин. Не сразу, но в течение нескольких лет опыт бригадного подряда нашел последователей среди рижских строителей.

Для того, чтобы более полно раскрыть принципы работы отраслевых отделов партийных комитетов, расскажу еще об одном примере из работы отдела легкой промышленности и товаров народного потребления ЦК Компартии Латвии, где мне пришлось позднее работать. Описываемые события происходили в первой половине 1985 года. Отделу было поручено подготовить для рассмотрения на бюро ЦК КП Латвии вопрос о качестве обуви, выпускаемой на предприятиях легкой промышленности республики. Проблема состояла в том, что обувь, выпускаемая там (объединениях «Рекорд», «1 Мая», Даугавпилском предприятии) по объемам покрывала потребности республики, но из-за низкого качества не пользовалась спросом у населения, залеживалась в магазинах. Надо было разобраться в причинах, выявить, в чем не дорабатывает Министерство, почему вяло осуществляется техническое перевооружение, разобраться с кадрами руководителей, дать оценку работе партийных организаций и партийных комитетов. Как видно, вроде бы вопросы в основном, хозяйственные. Но из-за того, что они плохо решаются, страдают коллективы, в них высокая текучесть кадров, да и престиж республики страдал. Отдел с помощью привлеченных специалистов провел анализ положения дел на этих предприятиях, подготовил соответствующие рекомендации. На бюро ЦК досталось министру за упущения в работе, в то же время бюро поддержало программу по техническому совершенствованию обувной отрасли, разработанной в ходе подготовке вопроса. Даны поручения Совету Министров и Госплану республики, сформулировано обращение в адрес союзного министерства легкой промышленности. Конкретные задачи поставлены партийным организациям, хозяйственным руководителям предприятий.

Рассказывая о моем продвижении по партийной линии, я, видимо, слишком много внимания уделил конкретным примерам работы отраслевых отделов партийных комитетов, в которых мне пришлось работать. Делаю это совершенно сознательно, так как хочу подчеркнуть, что мне как, впрочем, и абсолютному большинству партийных работников, в повседневной работе приходилось много внимания уделять вопросам конкретной экономики – промышленности, строительству, транспорту, городского хозяйства. С первого взгляда – эти вопросы должны решаться министерствами и ведомствами, исполнительными органами власти, а не партийными комитетами. Это так. Необходимо напомнить, что КПСС в соответствии с Конституцией СССР, являясь общественной организацией, была встроена в систему органов государственной власти (статья 6 Конституции СССР). Это позволяло партии, опираясь на ее многочисленных членов и немногочисленный аппарат, последовательно решать хозяйственные (экономические) задачи и проблемы. Решать последовательно и, когда требовалось, жестко и целенаправленно, особенно в период, когда страна переживала тяжелые времена, и только жесткий партийный контроль позволял решать зачастую невероятно сложные проблемы (создание промышленного потенциала страны, особенно в годы войны, атомная и водородная бомба, освоение космоса и т.д.). Вот поэтому в современной России в

соответствии с действующим законодательством период работы в партийных органах засчитывается в стаж государственной гражданской службы. Это впоследствии благоприятно отразилось и на моей пенсии.

Оглядываясь сегодня на прежнюю работу местных партийных органов, я прихожу к выводу, что многие вопросы тогда надо было смелее передавать в ведение исполнительных органов власти - горисполкома, райисполкомов, а партийным органам надо было больше внимания уделять вопросам идеологии, идейной закалке коммунистов, руководителей. Но таков был стиль работы партийных комитетов. Со временем стиль и методы партийной работы совершенствовались, но делалось это, как мне представляется, недостаточно энергично. А мы, партийные работники на местах, не смогли увидеть и оценить опасность в этих процессах.

Более подробно методы и стиль работы партийных органов я раскрою ниже, когда буду рассказывать о моей работе на последующих должностях партийной иерархии. Сейчас же я продолжу рассказ о моем продвижении по партийной линии после строительного отдела Рижского горкома партии.

Московский райком. Не скрою, мне очень нравилась работа в отделе строительства и городского хозяйства горкома партии, и крайне не хотелось куда-либо переходить. Однако, когда в середине 1973 года мне было предложено попробовать себя в должности первого секретаря Московского райкома партии Риги, мне было весьма трудно аргументировать свой отказ. Тем более, что подобные предложения даются не всем и не всегда. Во всяком случае, сомнений было много. На пленуме Московского райкома партии члены райкома к моему удивлению единодушно поддержали мою кандидатуру, и я становлюсь во главе этой крупной партийной организации. На этом посту я сменил Эрика Яновича Аушкапа, который накануне был избран первым секретарем Рижского горкома партии.

Московский район – один из шести районов столицы Латвии. По численности населения (более 200 тыс.) – самый большой. По промышленному потенциалу – третий после Пролетарского и Октябрьского районов Риги. В райкоме партии на учете были партийная организация Академии наук республики, Прибалтийская железная дорога и большая группа предприятий этой отрасли, группа предприятий Министерства Гражданской Авиации СССР включая крупнейший в стране институт инженеров гражданской авиации (РКИИГА) и Центральный научно-исследовательский институт АСУ ГА, группа крупных и средних промышленных предприятий, строительные организации и предприятия стройиндустрии и др. Соответственно населению – школы, детские сады, учреждения торговли, общественного питания, культуры и т.д.

Нужно сказать, что в предыдущий период району не везло, район в городском соревновании давно не выходил в число призеров. За последние 6 лет здесь сменился третий первый секретарь райкома партии.

Работа первого секретаря кардинально отличается от работы партийных функционеров на других должностях партийного комитета. В обиходе, особенно уже в наше время, благодаря некоторым представителям средств массовой информации, первый секретарь партийного комитета представляется как своего рода «хозяин» того или иного административного образования. Такой «хозяин» умело расставляет своих людей на нужных участках, решает судьбы людей, проблемы развития производства, территории, выступает как некий «монстр», определяющий кто, где и что было и будет. Возможно, что такое где-нибудь в стране и могло быть. Я же, основываясь на своем опыте и опыте своих коллег, с которыми мне пришлось вместе работать, могу свидетельствовать, что в нашей республике деятельность первого секретаря строго соответствовала установленными в партии нормам.

Приступая к исполнению обязанностей первого секретаря Московского райкома партии, мне не все было ясно и понятно. Но, со временем, выработались определенные

принципы и стиль работы, обеспечивающие, как мне представляется, главные направления в партийной работе. В дальнейшем, уже в Лиепе, затем и на посту первого секретаря Рижского горкома партии, я неизменно следовал им. Попробую коротко сформулировать наиболее важные из этих принципов.

Прежде всего – это коллективность в работе, опора на своих коллег – секретарей райкома, аппарат райкома. Максимально опора на партийный актив – райком партии, секретарей первичек, хозяйственных руководителей.

На второе место я бы поставил кадровую работу, заботу о том, чтобы на всех постах (партийной, советской, хозяйственной сферах района) были достойные, компетентные, авторитетные руководители. Это, пожалуй, самый важный и самый трудный элемент работы первого секретаря. Начиная работу в партийном комитете, первый секретарь стоит перед фактом, что все должности заполнены, все кадры расставлены. Очень важно, не спешить ломать сложившийся состав и, в тоже время, критически подойдя к оценке кадров, решительно принимать меры, там, где вопрос назрел. В Московском райкоме я постепенно отработал систему работы с кадрами, включающую ежегодное проведение кадровой комиссии с привлечением актива и специалистов. Комиссия вырабатывала рекомендации, высказывала замечания и пожелания, как в адрес работника, включенного в номенклатуру райкома, так и в адрес его вышестоящего руководителя, партийной организации. По результатам высказанные рекомендации и замечания доводились, в случае необходимости, до соответствующих руководителей, принимались решения по движению кадров номенклатуры. Одновременно рассматривался резерв кадров на данную должность, принимались решения по движению кадров, включенных в резерв. На практике работа с кадрами не всегда проходила гладко, без замечаний. Мне вспоминается случай, когда в самом начале работы в Московском райкоме, я получил серьезный нагоняй от второго секретаря ЦК Компартии Латвии Н. А. Белухи за, как он выразился, поспешное кадровое решение в аппарате. Суть вопроса состояла в том, что не сошлись характером две работницы, обе хорошие специалисты на своих участках. Попытки примирить не увенчались успехом. Ради оздоровления психологической обстановки в коллективе надо было развести их. Для этого мне пришлось предложить одной из них перейти на другую работу вне аппарата. Добровольно не получилось, возник конфликт уже между мной, как администратором, и работницей. Я не учел, что женский вопрос – дело тонкое, и ситуация каким-то образом дошла до второго секретаря ЦК. Правда, через некоторое время уже с помощью самого Николая Андреевича мне удалось эту перестановку осуществить.

Следующий принцип, имеющий решающее значение в жизни коллективов предприятий и организаций, обеспечение нормального делового взаимодействия хозяйственного руководителя с партийной организацией и ее секретарем. Не секрет, что некоторые руководители не прочь подмять под себя партийную организацию, подобрать «удобного» секретаря, дабы можно было делать то, что угодно руководителю. Такие примеры на практике, к сожалению, иногда имели место. Райком обязан знать это, принимать решительные меры по нормализации обстановки в коллективе. Путей здесь несколько: повышение авторитета партийной организации, поддержка и обучение секретарей парторганизаций, работа с хозяйственным руководителем (вплоть до выражения недоверия руководителю на бюро райкома партии, что означало снятие с работы). Разумный руководитель не допускает конфликта с партийной организацией. И если даже ему удастся подобрать удобного секретаря, в конечном счете, при обострении ситуации в коллективе, коммунисты не окажут ему доверие при избрании (тайным голосованием) в состав партийного бюро или парткома, а это также, как правило, сигнал райкому партии о необходимости принимать решение о соответствии занимаемой должности таким руководителем. Повторюсь, что этот участок партийной работы наиболее сложный, требующий повседневной работы, как руководства, так и всего аппарата райкома.

Рассказывая о работе первого секретаря райкома, я не ставлю цель раскрыть весь механизм, все секреты. Это, в конечном счете, целая наука. К сказанному добавлю лишь, что со временем у меня выработались определенные правила взаимодействия с коллективами и партийными организациями, партийным активом. К ним относятся ежемесячные совещания членов райкома, секретарей парторганизаций и хозяйственных руководителей, на которых обсуждались наиболее злободневные проблемы, доводились принятые райкомом и вышестоящими партийными органами решения, давались ответы на все, что волновало коллективы. Одновременно, я взял за правило, как минимум один раз в течение месяца (в период отчетно-выборных кампаний – практически еженедельно) посещать трудовой коллектив и выступить перед его членами. Выступление проходило чаще всего прямо в цеху. Это давало мне возможность требовать такой же активности от своих коллег по райкому партии. В конечном итоге, ежемесячно информация о подобных посещениях, задаваемых вопросах, настроениях в коллективах обобщалась, что давало возможности оперативно реагировать на возникающие проблемы, более целенаправленно строить всю партийную работу. Этим, конечно, не ограничивалась моя пропагандистская и организационная деятельность. Каждый год я выступал перед учителями на августовских педсоветах, не менее двух раз в год – перед ветеранами партии. Если сюда добавить различные семинары, совещания и собрания партийного, советского и хозяйственного актива, торжественные заседания, пленумы и конференции райкома, горкома и ЦК партии, где чаще всего также приходилось делать доклад или выступить – то станет ясным, что должность первого секретаря, отнюдь, не кабинетная. Она требовала каждодневной собранности, необходимость постоянно быть в курсе всех событий как у себя в районе, так и в городе, республике, страны, требовала поддерживать на должном уровне свой физический и моральный дух. Иначе тебе не будут верить, тебе не удастся вести за собой партийный актив. В этих условиях, конечно, страдает семья, дети, личная жизнь отходит на второй план. Я благодарен своей супруге Анне Максимовне, что она с пониманием относилась к такой ситуации, своим отношением в семье всячески помогала, способствовала моей служебной деятельности.

К сказанному о формах и методах работы добавлю, что все, что мы делали, не было самоцелью, активность ради активности. Главная цель – обеспечить успешную работу трудовых коллективов, а это означало – безусловное выполнение государственных плановых заданий, выполнение планов социального развития коллективов, своего района, города, планов жилищного строительства, строительства школ, детсадов и других объектов социального значения. Важнейшими критериями успеха был технический прогресс на производстве, выполнение планов перевооружения, снижения издержек производства, качества продукции. Здесь также в райкоме были свои подходы, свои методы работы. Но это уже отдельный разговор.

В то же время большое удовлетворение приносила работа по улучшению тех или иных сторон жизни жителей района, которую удавалось реализовать на инициативной основе. Расскажу о некоторых из этих проектов. Один из них - межшкольный учебно-производственный комбинат, который нам удалось создать на базе бывшей восьмилетней школы, закрытой из-за малого количества учащихся. Проект этот был реализован силами предприятий района, координацию работ осуществлял штаб во главе с первым секретарем райкома партии. Дело в том, что в середине семидесятых годов в стране система образования предусматривала для учеников старших классов прохождение до профессиональной трудовой подготовки. В учебных планах старших классов один день в неделю предусматривался для обучения основам конкретной рабочей специальности. При этом допускалось, что ученик может попробовать освоить азы нескольких специальностей, с тем, чтобы уже после окончания школы он мог осознанно выбрать себе рабочую специальность. Не менее важно то, что при желании учащийся мог по окончании обучения получить по конкретной рабочей специальности рабочий разряд. Создание учебно-производственного комбината осуществлялось силами тех предприятий, которые

были заинтересованы в привлечение новых рабочих рук. Ремонт и реконструкция восьмилетней школы были включены в план работы районного РСУ, а все остальное, что касалось оборудования учебных классов, оснащение их необходимыми станками и оборудованием, учебными материалами и мастерами производственного обучения – ложилось на плечи предприятий. В течение года были созданы и оборудованы прекрасные учебные цеха швейной фирмой «Латвия» - по подготовке швей-мотористок, объединением «Мара» - специалистов трикотажных изделий, Рижского ювелирного заводов – будущих ювелиров (кстати, ребята, показавшие свои возможности здесь, могли найти применение своим способностям в качестве художников и на Рижском фарфоровом заводе). Железнодорожники оборудовали макет вагонного купе, строители – участок по обучению монтажников-электросварщиков, объединение «Эра» - участок по подготовке судовых электромонтажников, объединения «Импульс» - ремонт ЭВМ и часов. Здесь можно было попробовать получить специальности торгового работника, приемщика пункта бытового обслуживания (с освоением основ бухгалтерского учета), чертежника, слесаря-теплотехника, токаря – всего 14 специальностей. Учащиеся района с энтузиазмом восприняли учебу в этом комбинате, положительные оценки давали учителя, родители. Подробный репортаж о нашем комбинате был опубликован в майском 1978 года номере общественно-политического журнала ЦК ВЛКСМ «Смена». К сожалению, школьные учебно-производственные комбинаты просуществовали недолго, через несколько лет эта система была признана излишней, что, мне представляется, было ошибкой.

И еще об одном инициативном мероприятии. Речь пойдет о детском учебном центре для юного авиатора, созданного на борту самолета ТУ 134. Как я уже отмечал, в Московском районе была сосредоточена большая группа предприятий и организаций гражданской авиации. Кроме того, до середины 70-х годов основными воздушными воротами республики был аэропорт Румбула, расположенный также в нашем районе. Все эти предприятия входили в состав Министерства Гражданской Авиации СССР, где собственно и решались все текущие и перспективные вопросы их развития, вопросы кадров. Случилось так, что на каком-то периоде обострились кадровые проблемы в Рижском институте инженеров гражданской авиации. В коллективе возникла оппозиция к ректору, в вышестоящие инстанции посыпались заявления и жалобы, в разбор которых были вовлечены партийные органы, вплоть до ЦК КПСС. К нам в Ригу зачастили различные комиссии, работа которых, как правило, проходила совместно с райкомом партии. Одну из таких комиссий возглавил заместитель Министра МГА, ведающий вопросами кадров, Новиков (если я правильно запомнил его фамилии). На встрече в райкоме в заключение одной из беседы я поинтересовался у заместителя Министра, как в некоторых городах страны удастся использовать в качестве объектов малой архитектуры или в учебных целях списанные авиалайнеры и нельзя ли получить такой подарок нам в Московский район. Новиков ответил, что это не простой вопрос, но пообещал рассмотреть его. Со временем я забыл об этом разговоре, но где-то через год – полтора в райисполком прибывает командир самолета ТУ 134 и докладывает, что он прибыл на лайнере, который налетал положенные годы и километры, по решению МГА списан с полетов и передается для пропаганды гражданской авиации в Московский район Риги. Командир попросил председателя райисполкома А.П. Дзениса подписать соответствующие документы о приеме самолета. Самолет, хотя и списан, но вполне пригоден для полета, в его баках оставалось некоторое количество топлива, он был оборудован по всем действующим нормам ГА. Остаточная стоимость самолета составляла несколько сотен тысяч рублей. Это смутило председателя райисполкома, и он всячески стал уваливать от этой процедуры. Рассерженный командир самолета обратился в райком партии ко второму секретарю райкома П.Ф. Нефедову. Я в это время находился в Москве на очередной сессии в Высшей партийной школе и после телефонного разговора со мной Петр Федорович подписал необходимые документы и поставил печать райкома партии.

После необходимых согласований самолет был перемещен на место стоянки на площадке возле Рижского спортивного манежа на улице Маскавас. Спортивный манеж — это современное спортивное сооружение, в котором в зимнее время проводились соревнования по легкой атлетике, волейболу, баскетболу, ручному мячу, другим видам спорта. Очень часто манеж использовался для проведения концертов, различных выставок, ярмарок и тому подобных городских и республиканских мероприятий. В нем могли разместиться до пяти тысяч зрителей. Отличительная особенность манежа — в качестве перекрытия в нем были использованы фермы, изготовленные из деревянных клееных конструкций, что встречалось довольно редко. Территория вокруг манежа представляла собой парковую зону, которая пользовалась популярностью, как жителей прилегающих домов, так и просто горожан. Именно здесь решено было установить на постоянное место ТУ 134. Операция по перемещению самолета на постоянное место стоянки также оказалась нелегкой: потребовалось на время перегона демонтировать (урезать) часть его крыльев, сам переезд осуществить в ночное время, предварительно отключив троллейбусную контактную сеть на всем протяжении пути следования, а это значительная часть центральной улицы района. Эта операция прошла настолько незаметно и бесшумно, что утром жители окружающих жилых домов, обнаружив под окнами самолет, стали звонить в городские службы с сообщением, что рядом с их домом упал самолет. Проблемы ТУ 134 на этом не закончились. Я уже отмечал, что Московский район — район авиаторов. Специалисты отрасли не только работали на предприятиях района, но здесь же, рядом со спортивным манежем, проживали. Кто-то из них, хорошо представляя внутреннее устройство самолета, и пользуясь тем, что первые дни его никто не охранял, основательно поработали внутри его. За одну ночь были похищены зеркала, ковры и другие элементы оборудования салона самолета. Утащили даже несколько кресел. После этого случая без охраны самолет не оставлялся. В конечном итоге, оборудованный в самолете учебный центр юного авиатора посетили тысячи детей, они с интересом знакомились с оборудованием авиалайнера, с удовольствием садились в кресла командира и его помощников, брали в руки штурвал, знакомились с многочисленными приборами управления самолетом. В салоне самолета можно было прослушать рассказ о лайнере, о гражданской авиации в целом. К сожалению, в новое время его содержание оказалось неподъемным для районных властей. По этой причине самолет передали в ведении администрации Центрального городского парка отдыха «Межапарк» (в переводе — «Лесной парк»), где вскоре списали и сдали на металлолом.

В круг обязанностей первого секретаря райкома входит не только обеспечение успешной работы предприятий и организаций района и их партийных организаций, но и забота о надлежащем содержании жилищно-коммунального хозяйства, выполнении планов жилищного строительства, развития торговли, бытового обслуживания, народного образования, детских дошкольных учреждений, всей социальной сферы района. Для Московского района особо острыми были вопросы обеспечения жильем граждан, состоящих на очереди в райисполкоме, особенно выселение и ликвидация аварийного фонда. Несмотря на то, что все эти вопросы находились непосредственно в ведении районного исполнительного комитета, их решение отнимало и у меня много сил и времени. И здесь очень важно было найти нужные взаимоотношения с руководством райисполкома и его председателем. Мне удалось с самого начала установить деловые отношения с председателем райисполкома Альбертом Петровичем Дзенисом, который и до моего прихода в райком занимал этот пост. Не командовать и поучать, а оказывать помощь и поддержку (в том числе и в вопросах взаимоотношения с горисполкомом, республиканскими министерствами и ведомствами) — такой стиль я избрал с самого начала совместной работы. В то же время, Альберт Петрович без обиды воспринимал критические замечания и рекомендации, высказываемые ему на бюро райкома, когда речь заходила о работе райисполкома.

Рассказ о работе первого секретаря райкома партии, я построил на основных, по моему мнению, главных направлениях его деятельности. Делаю это сознательно для того, чтобы можно было понять, что из себя представляет, так называемый, «хозяин» района. Вне этого рассказа остаются такие сферы, как идеологическая работа, работа административных органов (милиции, прокуратуры, суда) и весь комплекс обеспечения общественного порядка, работа с молодежными организациями, прежде всего комсомолом, исполнение депутатских обязанностей в районном Совете, городском или Верховном Советах, а также в вышестоящих выборных партийных органах партии. И многое еще другое. Несмотря на то, что кроме первого в райкоме были секретари райкома, в обязанности которых входили вопросы экономики и идеологии, все равно спрос за все, что происходит в районе или на отдельных предприятиях со стороны партийных органов всегда был с первого секретаря. Отчеты о работе по любому вопросу также входили в обязанности первого секретаря.

Одновременно, я прекрасно отдаю себе отчет, что все положительное, все достижения в работе были возможны, прежде всего, благодаря коллегам, с которыми мне пришлось познакомиться и работать. Приступая к работе в Московском райкоме, должного опыта организационно-партийной работы, которая требовалась первому секретарю, у меня не было. Неоценимую помощь, прежде всего, здесь мне оказала заведующая отделом организационно-партийной работы райкома Тамара Ивановна Ушнурцева. Это был настоящий клад знаний в этой области. Она давно работала в районе, хорошо знала партийный и хозяйственный актив, и в сочетании со спокойным и уравновешенным характером, была незаменимым помощником первого секретаря. К сожалению, неизлечимая болезнь не предоставила возможность длительной совместной работы с ней. Еще одна женщина – второй секретарь райкома Олеся Николаевна Костенко с первых дней оказывала мне всяческую помощь и поддержку. Второй секретарь ведала вопросами экономики, хорошо знала кадры руководителей и пользовалась у них большим авторитетом. Она помогла мне оперативно освоить особенности работы предприятий, в короткое время мы смогли выработать новые подходы партийного воздействия на работу предприятий, позволившие улучшить экономические результаты района. Вскоре Олеся Николаевна была приглашена на руководящую работу в одно из республиканских ведомств. Заменял ее на этой должности Нефедов П.Ф., с которым с самого начала у меня также установились деловые отношения, ставшими впоследствии дружескими, товарищескими. Петр Федорович – балагур и весельчак, заводила в любой компании, в то же время прекрасный организатор, умелый руководитель, для которого не было нерешаемых проблем. Впоследствии его выдвинули на должность заместителя председателя Рижского горисполкома, после чего он неожиданно для многих становится генеральным директором крупнейшего в республике объединения швейной фирмы «Латвия», где он проработал вплоть до 2000-х годов. Наша дружба распространилась на семьи и сохранилась вплоть до печальных дней распада страны. Забегая вперед, скажу, что Петр Федорович, в самые сложные для меня и моей семьи дни, не отвернулся, а поддержал не только морально, но и материально, что, к сожалению, не такое частое явление.

Успешной работе в Московском районе способствовала поддержка и помощь, которую оказали мне большинство руководителей предприятий района. Среди них хочу отметить бессменного члена бюро райкома директора Рижского фарфорового завода (бывший в царское время знаменитый завод Кузнецова) Федора Федоровича Юринова, директора Рижского ювелирного завода Виктора Алексеевича Максюкова, старейшего руководителя в районе, генерального директора объединения «Эра» Ивана Ивановича Миронова, руководителей объединений «Сарканайс квадратс» Владимира Сергеевича Токарева, «Латвия» Андрея Григорьевича Зацепина. Деловые отношения сложились у меня с руководством и партийной организацией Академии Наук республики, Прибалтийской железной дороги, другими научными и учебными организациями района.

Работа в Московском райкоме партии была хорошей школой общения с рабочими, партийным, хозяйственным активом. Одновременно, это был исключительно интересный, познавательный и продуктивный период моей трудовой деятельности. Сегодня, оглядываясь на прошлые годы работы в Московском районе, пускай это не покажется нескромно, мне представляется, что результаты были не плохие. Во всяком случае, уже через два года район стал входить в число победителей в городском соревновании. Практически не стало предприятий, систематически не выполняющих плановых заданий. Район успешно реализовывал планы своего развития, стабилизировались кадры.

Город под липами. Летом 1978 года после пяти с половиной лет работы в Московском райкоме, неожиданно для меня, я был приглашен на работу в Рижский горком партии на должность секретаря горкома, ведающего вопросами строительства и городского хозяйства. В Московском райкоме меня сменил Леонов Н. Н., работавший в аппарате Центрального Комитета КП Латвии. В партийные органы он перешел из комсомола, где несколько лет перед этим по направлению ЦК ВЛКСМ был вторым секретарем ЦК Комсомола республики. Нужно сказать, что с Николаем Николаевичем, его супругой Валентиной вскоре мы вплотную познакомились, когда оказались соседями в жилом доме на улице Аусекля. В их семье, как и у нас, было две девочки, все они учились в одной школе. Дружба и хорошие отношения мы сохранили до сих пор, когда оказались в Москве, далеко от Риги.

Как я уже отмечал, переход на работу в Рижский горком для меня был несколько неожиданным. В тоже время, у меня в памяти сохранились хорошие воспоминания о прежней работе здесь в должности заведующего отделом. Признаюсь, я надеялся, что мой путь в дальнейшем будет связан со строительной отраслью. Поэтому, этот переход я воспринял положительно. В тоже время, этот поворот вызывал определенную настороженность, и вот почему. Мой предшественник на посту секретаря горкома Гарольд Владимирович Багновец после непродолжительной работы, был направлен в город Даугавпилс и по рекомендации ЦК был избран там первым секретарем городского комитета партии.

Настороженность вскоре оправдалась: разработанная в организационном отделе Центрального Комитета партии схема кадровых перестановок привела меня в замечательный приморской город Лиепая. Формально, это не было повышением, Лиепая – это даже по населению в полтора раза меньше, чем Московский район Риги. Но, как меня старательно убеждали, это самостоятельный участок работы, здесь нет над тобой другого горкома, а Центральный Комитет – далеко. Так что сам все решаешь, сам делаешь на свой страх и риск, сам выстраиваешь взаимоотношения с городскими структурами, руководителями предприятий.

Были и другие сомнения. Члены городского комитета партии, которые должны были проголосовать за мое избрание, наверняка знали, что рекомендованный претендент на первого секретаря город не знает, был здесь пару раз и то мимоходом. Можно ли на него положиться?

Мои сомнения и волнения не подтвердились, единогласным решением членов Лиепайского горкома я был избран первым секретарем. Решающим здесь, конечно, была рекомендация ЦК Компартии Латвии. С другой стороны, немаловажным, на мой взгляд, было то, что мой предшественник на этой должности Озолс Эгилс Мартынович, мягко говоря, несколько «засиделся» на посту первого секретаря (в общей сложности в руководстве города он был более десяти лет). И хотя он пользовался большим авторитетом, как среди руководителей, так коммунистов и населения города, но, все же, народ чувствовал, что перемены назрели, нужны были новые идеи. Немаловажную роль сыграла позиция секретарей горкома Рудзите А.А. и Якутина А.Ф., которые наиболее остро видели необходимость изменения в руководстве и своим авторитетом способствовали этому. О них надо сказать отдельно.

Второй секретарь горкома Рудзите Аустра Адамовна вела вопросы идеологии. Это была незаурядная личность. Еще в юношеские годы, будучи активной комсомолкой, ей пришлось столкнуться с недобитыми фашистскими приспешниками, так называемыми, «лесными братьями», которые в послевоенные годы активно с оружием в руках боролись против советской власти. И только благодаря смелости, находчивости, даже дерзости, ей удалось избежать худшего и сохранить свою жизнь. Аустра Адамовна сумела сгруппировать при горкоме актив творческой интеллигенции, имевшей весьма существенное влияние на жизнь горожан. В Лиенае в то время было два профессиональных художественных театра – Латышский государственный и театр дважды Краснознаменного Балтийского флота, что для города с населением немногим более ста тысяч, весьма солидно. Не случайно нередко говорилось, что Лиена, чуть ли не самый театральный город в стране. Одновременно, второй секретарь горкома организовала и возглавляла активную работу по военно-патриотическому воспитанию населения, особенно молодежи, основываясь на героической обороне Лиенаи в начале Великой Отечественной войны, а также на примере своего земляка Героя Советского Союза партизана-подпольщика Иманта Судмалиса. Здесь сошлись интересы ученых-исследователей, в том числе Академии наук республики, энтузиастов из различных городских организаций и объединений, включившихся в эту работу, а также представителей воинских частей, расположенных в городе. Мнение второго секретаря для партийного и хозяйственного актива города, особенно в вопросе о руководителе городской партийной организации, имело исключительно важное значение.

Секретарь горкома Якутин Анатолий Федорович - выходец из завода «Лиенаймаш», яркого представителя «оборонки», специализировавшегося на выпуске систем связи для вооруженных сил. Это было сравнительно крупное предприятие, использующее в производстве новейшие технические и технологические разработки. Инженерно-технический персонал здесь отличался высоким уровнем профессионализма и творчества. Эти качества, плюс высокие организаторские способности, твердость и настойчивость при реализации принимаемых решений были характерны и для Якутина.

В 1980 году, когда я приступил к работе в качестве первого секретаря, город произвел на меня удручающее впечатление: в центре - обшарпанные, казалось, сто лет не отремонтированные, фасады зданий, чуть подальше от центра - дома обиты рубероидом (весьма редкое явление для других регионов Латвии), дабы защитить их от вечно дующего морского ветра. Проезжая часть улиц, тротуары – в сплошных выбоинах. Памятники, коих в городе было не мало, давно не ремонтировались. В общем, куда ни глянь, везде запущенность, неухоженность.

Лиена – мощный промышленный центр. Однако, прежде всего, это – крупнейшая на Балтике военно-морская база с большим отрядом подводного флота, самостоятельным военным городком, мощной судоремонтной базой. Последний фактор сыграл плохую услугу для развития города – долгие послевоенные годы город считался закрытой территорией, въезд и выезд в который строго регламентировались. А раз город закрытый, рассудили в плановых органах республики, зачем ему деньги на благоустройство, пусть занимается Министерство обороны страны. А там свои законы. Вот такой футбол. Добавим к этому некоторую инертность городских руководителей, и причина создавшегося положения становится понятной.

Для изменения отношения к вопросам его благоустройства, кардинального улучшения внешнего вида города, мы воспользовались приближающейся сороковой годовщиной героической обороны города в начале Великой Отечественной войны, о чем надо сказать отдельно.

Героическая оборона Лиенаи. В июне 1941 года воины гарнизона, пограничники, военные моряки, жители города в течение 7 дней оказали упорное сопротивление в несколько раз превосходящим гитлеровским ордам, тем самым разрушив их планы

молниеносного марша по советской земле, существенно затруднив последующий рывок фашистов на другие города и села страны, включая Ленинград. Организовывал оборону города командир 67-й стрелковой дивизии генерал-майор Дедаев Николай Алексеевич, в прошлом большевик-подпольщик, участник штурма Зимнего дворца и гражданской войны. В Лиепае, впервые в истории Великой Отечественной войны, было организовано народное ополчение. По решению горкома партии на крупных предприятиях были созданы рабочие отряды, которые обеспечивали порядок на территории города, а впоследствии вместе с военными моряками и воинами гарнизона встали на защиту родного города. В боях за город генерал Дедаев был смертельно ранен. Героизм и трагизм защитников города были раскрыты в послевоенные годы во многом благодаря усилиям известного советского писателя Сергея Сергеевича Смирнова. В августе 1977 года Указом Президиума Верховного Совета СССР город был награжден орденом Октябрьской революции.

Для того, чтобы достойно отметить приближающуюся годовщину надо было привести город в надлежащий вид. Первое, что мы сделали, получили поддержку руководства ЦК Компартии республики. Это помогло убедить Госплан в необходимости выделить дополнительные финансовые и материальные ресурсы. С такой же просьбой обратились к нашему депутату в Верховном Совете СССР Главкому ВМФ СССР С.Г. Горшкову и тоже получили поддержку в виде соответствующей директиве по Балтийскому флоту. Но и этого было недостаточно. Решением бюро горкома весь город был разбит на зоны, которые были закреплены за отдельными предприятиями, независимо от их ведомственного подчинения. Партийные организации должны были обеспечить участие тружеников предприятий в работах по благоустройству, как своих территорий, так и закрепленных. Все это делалось параллельно с усиленной работой городских служб.

Результат оказался поразительным, за короткий период город преобразился, даже стены расположенных в центре города универмага и педагогического института, отличавшиеся своим мрачным видом с сороковых годов, после их обработки пескоструйкой вдруг засветились светлыми красками. Сотни других объектов тоже стали радовать глаза жителей города. В общем, получилось и на радость горожан и на радость всем, кто своими руками способствовал новому облику нашего города. В праздновании годовщины героической обороны Лиепая приняли участие несколько сотен его участников, приехавших по нашему приглашению из других городов страны, среди которых был и сын генерала Дедаева майор Советской Армии Ю.Н. Дедаев. Состоялись многочисленные мероприятия в коллективах предприятий, в воинских частях, на кораблях ВМФ, на улицах и площадях города. Прошло торжественное заседание с участием представителей руководства республики, военных моряков, пограничников, представителей трудовых коллективов города. Праздник удался на славу.

Этот пример я привел не только для того, чтобы показать, как горком партии решал конкретные проблемы городского хозяйства, но и для того, чтобы напомнить о замечательных боевых заслугах воинов и жителей города. Лиепая (Либава, как именовался город в царской России) имела славные военно-морские и трудовые традиции. Здесь впервые в России были образованы Учебный отряд подводного плавания для всего военного подводного флота России, а немного позднее – первая морская авиастанция с 8 гидросамолетами. Здесь впервые в Прибалтике был пущен трамвай. Революционные заслуги пролетариата и революционных матросов Либавы неоднократно отмечались В.И. Лениным.

Город труженик. Основу экономики города, как уже отмечалось, составляли промышленные предприятия, многие из которых вели свой возраст с начала прошлого века. Их руководители вместе с партийными организациями постоянно заботились о техническом перевооружении производства, качестве выпускаемой продукции, что давало возможность успешно выполнять государственные плановые задания. В этом и состояла одна из основных задач горкома партии. Главное достояние, безусловно, составляли

кадры, прежде всего, руководители предприятий, большинство из которых возглавляли свои коллективы значительный период времени. Горком партии ценил это, старался избегать мелочной опеки, необоснованных придириков. В то же время, любые нарушения плановой дисциплины или случаи недостойного личного поведения не могли остаться незамеченными горкомом партии. Среди руководителей предприятий безусловным авторитетом в городе пользовался директор металлургического завода «Сарканайс металлургс» Н.Н. Голодов. Во многом благодаря его заботам на заводе постоянно осуществлялись меры по техническому совершенствованию производства, активно решались социальные проблемы коллектива. Расскажу о любопытном факте, связанным с Н.Н. Голодовым. Николай Никитович до того, как возглавить завод в Лиепе, работал начальником мартеновского цеха на крупном металлургическом предприятии в Днепропетровске. В 1983 году неожиданно для себя он вместе с большой группой работников Днепропетровского металлургического комбината становится лауреатом Государственной премии Союза ССР. Премия присуждена за разработку и освоение системы непрерывной разливки стали в мартеновском производстве. Оказывается, Н.Н. Голодов, работая начальником цеха в Днепропетровске, был одним из инициаторов внедрения новой технологии. И хотя с тех пор прошло больше 20 лет, бывшие коллеги не забыли своего начальника цеха, по достоинству оценив его вклад. И это говорит о многом.

Другим предприятием, переживавшим в те годы период активного технического перевооружения, был завод сельскохозяйственного машиностроения «Лиепайсельмаш», руководимый опытным хозяйственником Чиркшис Илмаром Андреевичем. Завод находился в подчинении союзного министерства, и все решения по его развитию приходилось, как говорится, «выбивать» в Москве. Завод обеспечивал гидроцилиндрами многие предприятия своей отрасли, расположенные в других регионах страны. А от качества этого механизма, в конечном счете, зависело и качество сельхозмашин, способность их конкурировать с аналогичными импортными машинами. Обладая квалифицированными рабочими кадрами, лиепайчане были способны обеспечить нужные параметры гидроцилиндров, но без замены оборудования, без перехода на новый уровень технологий, добиться этого было нельзя. Инженерные службы завода представили грамотные технико-экономические разработки, которые позволили руководству завода «пробить» в союзном министерстве решение о комплексном техническом перевооружении предприятия. В результате, к концу 80-х годов в цехах «Лиепайсельмаша» были установлены современные станки, оснащенные ЧПУ, рабочие прошли переподготовку, и завод стал поставлять комплектующие высшей категории качества. На техническое перевооружение были затрачены огромные средства. Все это, к сожалению, после провозглашения независимости новой Латвийской республики, оказалось никому не нужным, и все новое оборудование, как рассказали очевидцы, было варварским способом демонтировано и отправлено на переплавку, благо мартены завода «Сарканайс металлургс» располагались по соседству.

Лиепая, город не только моряков, но, прежде всего, город рыбаков. В начале главного городского бульвара, что начинается прямо на берегу Балтийского моря, на высоком постаменте воздвигнута скульптура молодой женщины, напряженно всматривающаяся в морскую даль в ожидании возвращения мужа (отца, сына, жениха), из далекого плавания. Памятник сооружен на средства, собранные горожанами, чья жизнь непосредственно связана с морем. А у моря, как известно, нрав крутой, и памятник напоминает об этом. На основании памятника небольшая доска, на которой выбита фраза на латышском и русском (так было в советское время): «На память о рыбаках и моряках, не вернувшихся из моря». Рассказывают, что во время проектирования, возник спор, кто должен быть первым в тексте – моряк или рыбак. Победила аргументация самой древней морской специальности – рыбака. «Рыбак - дважды моряк», ему приходится работать даже тогда, когда моряк в соответствии со своим уставом не выполняет никакие работы, кроме

обеспечения плавучести, а рыбак даже в условиях сильной волны должен успеть поднять снасти или закончить перегрузку улова на борт плавбазы.

Рыбная отрасль в Лиенае была представлена тремя государственными предприятиями - базой «Океанрыбфлот», Рыбным портом, рыбоконсервным заводом и рыболовецким колхозом «Большевик». Наиболее крупная - база «Океанрыбфлот» входила в состав республиканского объединения Латрыбпром. Ее современные рыбодобывающие и рыбоперерабатывающие корабли, вели промысел в традиционных для многих стран районах добычи Северного моря, на банке Джорджес у берегов Америки, у побережья Африки и других районах мирового океана. Коллектив базы во главе с опытным рыбаком Юрием Александровичем Кокаревым всегда отличался хорошими результатами своей работы.

Рыбный промысел издревле был характерен для латышей. До советской власти местные рыбаки вели добычу в основном в прибрежных водах Балтики. Улов состоял из салаки, лосося, угря, и других пород рыбы. О труде рыбаков, их сложной судьбе в буржуазной Латвии рассказывает известный латышский писатель Вилис Лацис в романе «Сын рыбака». После войны лиепайские рыбаки объединились и образовали рыболовецкий колхоз, дав ему громкое имя «Большевик». Нужно сказать, что в годы войны почти весь рыболовецкий флот здесь был уничтожен. Понимая это, государство оказало колхозу помощь, и уже в первые послевоенные годы были построены новые лодки, приобретены мощные моторы. В дальнейшем эта помощь усилилась и к концу семидесятых годов прошлого столетия колхоз «Большевик» превратился в современное рыбопромысловое предприятие, в состав которого кроме небольших кораблей для прибрежного лова, маленьких траулеров для круглогодичного лова в Балтийском море, вошли современные суда для экспедиционного лова в Атлантическом океане. Теперь лиепайские колхозные рыбаки могли вести промысел практически в тех же районах, где добычу вели государственный рыболовецкий флот. К этому времени было создано крепкое береговое хозяйство, включающее все необходимое для подготовки судов к выходу в море, их ремонту, мастерские орудий лова, а также рыбоперерабатывающие цеха, способные выпускать самые изысканные изделия из добытой рыбы. Для семей рыбаков созданы отличные условия для быта, отдыха, спорта, учебы, развлечения. Аналогичные рыболовецкие колхозы в республике были созданы по всему побережью Балтийского моря и все они стали колхозами-миллионерами. Работая в Риге, я подробно ознакомился еще с одним рыболовецким колхозом - «9 мая» (по секрету могу сказать, что один раз я даже имел возможность вместе с рыбаками выйти в Рижский залив на небольшом рыболовецком судне на лов лосося). Здесь, также, как и в лиепайском колхозе, была создана мощная береговая база, флот оснащен современными рыболовными кораблями, для семей рыбаков созданы такие условия для жизни, труда и отдыха, о которых большинство других коллективов предприятий города могли только мечтать.

Возглавлял рыбколхоз «Большевик» Владимир Мартынович Эниньш, которому колхозники оказывали доверие, избирая много лет председателем правления. Партийная организация, возглавляемая Язепом Андреевичем Понемецких, здесь была сильная, председатель правления умело опирался на нее и не только в вопросах хозяйственной деятельности. Одним таким испытанием и для руководителя, и для всего коллектива стали события осени 1983 года, когда Балтийское море показало свой суровый характер, напомнив в очередной раз, что только сильные личности в состоянии противостоять капризам природы. В тот злополучный день несколько небольших колхозных судов, команда которых состояла из шести рыбаков, вели добычу рыбы в прибрежных водах где-то между Клайпедой и Лиенаем. Совершенно неожиданно погода резко ухудшилась: подул холодный шквальный северный ветер, температура воздуха понизилась до отрицательной, одновременно стал идти сильный дождь временами со снегом. Такое сочетание сильного ветра, низкой температуры и осадков в виде дождя и снега стали причиной обледенения тех частей судна, что находились со стороны ветра. Специалисты

рассказывали, что обледенение настолько быстро поражало борта судна, что это грозило нарушить устойчивость корабля и могло привести к его гибели буквально в считанные минуты. Единственное средство спасти судно – срубить вручную налипающий лед. После получения сигнала тревоги большинство рыболовных судов успели укрыться в ближайшем порту. Однако двум кораблям пришлось встретить непогоду в открытом море и там вести нелегкую борьбу с непогодой. И вот как распорядилась судьба. Один капитан оказался требовательным и жестким руководителем. Он сам, стоя непрерывно у штурвала, ни на минуту не отпускал остальных членов команды от рубки мгновенно намерзающего льда. Второй капитан, сам также не отходил от штурвала, но периодически разрешал остальным членам команды спуститься в кубрик, чтобы отдохнуть и попить горячего чая. Итог борьбы, первое рыболовецкое судно выдержало, благополучно добралось до порта. Второе – перевернулось, все члены команды погибли. Поиски продолжались несколько дней, были задействованы корабли Лиепайской базы ВМФ, самолеты и вертолеты. Из моря были подняты несколько спасательных шлюпок, но рыбаков в них не оказалось. Их тела были обнаружены позднее на берегу моря недалеко от Вентспилса.

Прощание с погибшими проходило в клубе колхоза, траурная церемония была организована и у памятника рыбакам и морякам на берегу моря, в ней приняли участие представители трудовых коллективов города, а также простые горожане. Председатель правления и партийная организация колхоза использовали этот трагический случай для сплочения коллектива, еще раз напомнили о величайшей ответственности капитана и необходимости соблюдения жесточайшей дисциплины на судне.

В условиях современной Латвии, когда восстановлены Сатверсме (Конституция) и законы буржуазной республики, лиепайский, как и все другие рыболовецкие коллективные хозяйства, ликвидированы, все колхозное имущество, включая рыболовный флот, распродано, растащено, разрушено. Ну а знаменитый латвийский лосось, даже на прилавках известного далеко за пределами Риги рыбного павильона на центральном сельхозрынке, как, впрочем, и в московских ресторанах, сплошь заменен деликатесом того же наименования в исполнении норвежцев.

Расскажу еще об одном событии, напомнившем о суровом характере Балтийского моря, свидетелем которого мне пришлось быть в те же годы. И не только свидетелем, но и участником устранения на берегу последствий стихийного бедствия на море. Речь идет об аварии греческого нефтеналивного судна, который ураганным ветром был выброшен на прибрежные рифы при заходе в соседний с Лиепайей Клайпедский торговый порт. При этом судно раскололось и в море вылилось несколько тысяч тонн нефти. В результате значительная часть прибрежной акватории Балтийского моря оказалась загрязненной, тысячи тонн нефти были выброшены на береговую полосу. Выведены из строя не только побережье курортного города Паланги, но и весь участок берега от Клайпеды до Лиепайи, включая наш лиепайский пляж. Погибли сотни водоплавающих птиц, огромное количество рыбы и другой морской живности. В начале этого события я побывал в Клайпедском порту и наблюдал, как работники порта и несколько тысяч добровольцев буквально ведрами, какими-то приспособленными черпаками вылавливали из воды нефть. Нам в городе, как и коллегам в Лиепаском районе пришлось различными механизмами снимать с городских пляжей и практически со всей прибрежной полосы верхний слой песка с нефтью и перевозить все это самосвалами в специально оборудованные хранилища-захоронения (большие земляные траншеи, дно которых тщательно утрамбовано глиняной стяжкой). В порту и в море в местах скопления вылившейся нефти устанавливались ограждения из буйев, внутри которых с поверхности воды специальными плавающими нефтесборниками. Это, как я понял, оказалось далеко не эффективным мероприятием, так как сильным ветром нефть была разогнана в море на большой территории. В дальнейшем для ликвидации последствий аварии в море использовались химические препараты, которые связывали частицы нефти и превращали их в некую густую массу, опускающуюся на дно моря. В целом, благодаря хорошей организации

работы специальных подразделений, создаваемых в чрезвычайных ситуациях, и самоотверженной работе городских служб, последствия аварии в Клайпедском порту у нас городе были устранены довольно оперативно. Чего не скажешь о Паланге, на пляжах которого последствия аварии устранялись и в следующем году.

Военно-морская база Балтийского флота. Известно, что рыбаки (как и охотники, кстати) любят и умеют рассказывать всякие байки, которые якобы с ними произошли. Я их тоже немало слышал. Но здесь я излагаю только то, что происходило в городе, и где я был участником. Отступая от этого правила, я рискну рассказать историю, произошедшую на Балтике с военным кораблем Балтийского флота, и там, где меня не было. Об этом событии военные моряки иногда рассказывали в полголоса.

Речь пойдет о боевой подводной лодке, впоследствии получившей негласное имя «Шведский комсомолец», возвращающейся из боевого дежурства в Средиземном море в Лиепаю, место постоянной дислокации. События эти имели место за несколько лет до моего приезда в город. По пути следования в самом начале плавания в Балтийском море подводная лодка неожиданно натолкнулась на рыбацкие сети, из столкновения с которыми она, казалось, благополучно освободилась. Командир лодки и соответствующие дежурные службы не обратили внимание на то, что один из приборов, показывающий ориентацию корабля по частям света, сбился и стал давать неверные данные. В результате, вместо родной базы в расчетное время подводная лодка вдруг (для командира) уперлась в берег и незнакомые сооружения. Как вскоре оказалось, это был штаб Военно-Морского Флота Швеции. Специалисты потом с удивлением отметят, что пройти по узким и извилистым проливам к штабу ВМФ Швеции можно было только с опытным лоцманом на борту, но это весьма легко смогла проделать советская боевая подводная лодка. Естественно, разразился грандиозный скандал. Прежде всего, потребовалось время, чтобы наши военные моряки могли убедиться, что это действительно берег чужой страны. В свою очередь, шведы никак не могли поверить, что это советская боевая подводная лодка у их главного штаба. И главное, что это нападение с целью овладения военными секретами Швеции, а просто недоразумение. И только тогда, когда вооруженный отряд шведского ВМФ попытался пройти на борт лодки, наши моряки осознали всю серьезность положения. Шведов на борт лодки не пустили, стали постепенно разбираться в сложившейся ситуации. Естественно, подключилось командование ВМФ СССР, Правительство страны, сложившаяся ситуация стала предметом рассмотрения на Политбюро ЦК КПСС. Постепенно обстановка прояснилась, стороны согласились, что это несчастный случай, а не целенаправленная военная провокация. Правда, подогреваемая корреспондентами западных СМИ, шведская сторона стала требовать провести ревизию нашей подводной лодки с целью убедиться в том, что на ее борту нет ракет с атомными зарядами. Кстати, шведские специалисты дотошно осматривали и ощупывали нашу лодку с наружной стороны, но доказать наличие или отсутствие на борту ракет с атомными зарядами они не смогли. После возвращения в родной порт была проведена подробная разборка, командир подводной лодки был разжалован и осужден. И лишь один член команды был награжден правительственной наградой, это шифровальщик, обеспечивавший в течение нескольких дней непрерывную связь с родной базой.

Город Лиепая, как я уже отмечал, традиционно был местом размещения крупной базы военно-морского флота страны. Известно, что в начале прошлого века именно отсюда из Либавы отправилась в поход к берегам Японии российская эскадра под командованием адмирала З.П. Рожественского, закончившая свой путь в Цусимском сражении. Торжественная служба, предшествовавшая ее выходу, прошла в Либавском морском Николаевском соборе, построенном в военном городке и незадолго перед этим освященном. В годы советской власти Лиепая, по образному выражению Главкома ВМФ СССР С.Г. Горшкова, была основной базой Балтийского флота. Используя уникальные природные возможности Лиепайского порта здесь, как я уже отмечал выше, размещались

крупные подразделения Балтийского флота, в том числе Краснознаменная дивизия подводных лодок, а также морской отряд пограничников. В прилегающих к городу территориях были дислоцированы воинские подразделения других видов вооруженных сил Министерства обороны СССР. Так что установленный в годы холодной войны статус Лиепаи, как закрытого города, был вполне объясним.

Все это накладывало серьезный отпечаток, как на жизнь горожан, так и на работу городской партийной организации. Это означало, что городской комитет партии, исполком городского Совета депутатов трудящихся на практике должны были решать задачу, сформулированную в коротком лозунге «Народ и Армия едины». Оценивая работу предшественников и все, что делалось в период моей работы в Лиепае, я могу однозначно сказать, что эта задача выполнялась успешно. Нам удалось на практике доказать, что в условиях советской власти вооруженные силы и гражданское население были едины и неразрывны, решая задачи развития страны, роста экономики, повышения благосостояния народа и обеспечивая мирный труд советских людей. В подтверждении могу свидетельствовать, что за все годы моей работы в Лиепае (почти пять лет) в городе не было зафиксировано ни одного случая более-менее существенных нарушений со стороны военнослужащих гарнизона по отношению к гражданскому населению, ни одного случая конфликта между жителями города и военными. Учитывая, что число военнослужащих в городе составляло несколько десятков тысяч (представление о количестве военных можно было примерно определить по их участию в выборах депутатов в органы советской власти), а контакты гражданских и военных осуществлялись ежедневно, подобный результат говорит о многом. Это особенно впечатляет сегодня, когда средства массовой информации ежедневно сообщают о различных чрезвычайных происшествиях, связанных с военнослужащими, как в России, так и в других странах.

Успех объясняется, на мой взгляд, прежде всего, той огромной политико-воспитательной работой с личным составом, которую проводили в войсках партийные и комсомольские организации под руководством политорганов. Нужно сказать, что подготовкой кадров политработников для Советской Армии государство уделяло первостепенное внимание. И как только в современной России этот участок выпал из-под контроля государства, в войсках начались многочисленные происшествия с личным составом. Попытка заменить политорганы в вооруженных силах церковными служащими вряд ли изменит ситуацию. Второй составляющей успеха, безусловно, была работа городской партийной организации. Стало правилом, что любое сколь-нибудь важное мероприятие в городе не могло пройти без участия представителей военных моряков. И наоборот, любое значимое мероприятие у военных обязательно проходило с участием представителей руководства города и трудовых коллективов. По рекомендации горкома партии большинство производственных коллективов города установили шефские взаимоотношения с воинскими частями. Активно работали в этом направлении комсомол города. Огромное значение имела, как уже отмечалось, совместная научно-поисковая и пропагандистская работа, связанная с героической обороной Лиепаи в первые дни Великой Отечественной войны.

Мне, как первому секретарю городского комитета партии, в течение года приходилось десятки раз встречаться с военными моряками, выступать перед личным составом, информируя их о жизни города, республики, о проблемах, которые решаются городской партийной организацией. Такая же работа велась и другими секретарями горкома, нашим партийным активом. Деловые и товарищеские отношения между руководством Лиепайской военно-морской базой и Лиепайским горисполкомом, прежде всего его председателем Лиепиньшем Янисом Альбертовичем способствовали тому, что многочисленные хозяйственные вопросы и проблемы, связанные с размещением и развитием воинских подразделений и развитием города, решались спокойно и деловому. К этому следует добавить, что основные вопросы взаимодействия с военными обсуждались и решались, как правило, с участием первого секретаря Лиепайского

райкома партии Юрсона Яна Карловича, который также с большим вниманием относился к их проблемам.

За годы работы в Лиепае я многое узнал о жизни военных моряков, познакомился с командирами, с частью из которых у меня установились товарищеские отношения. Прежде всего, это командир Лиепайской военно-морской базы Семенов Э.Н, и начальник политотдела Альберт Гаджиев. Эдуард Никифорович, в то время в звании контр-адмирала, был требовательным командиром, но, как мне представляется, справедливым, он пользовался авторитетом как у офицеров и личного состава базы, так и вышестоящих командиров. Этому подтверждение и его дальнейший послужной список: заместитель командующего Балтийским флотом, затем служба в главном штабе ВМФ, и, наконец – заместитель главкомкомандующего ВМФ. Начальник политотдела базы контр-адмирал Альберт Гаджиев был хорошим помощником командира базы, он в основном и обеспечивал связь военных моряков с трудовыми коллективами города. Горец из Дагестана, аварец по национальности, казалось, совершенно случайно попал на флот. Отнюдь, нет. Известен еще один горный адмирал, однофамилец Альберта, командир подводной лодки, получивший звание Героя Советского Союза за боевые подвиги в Великой Отечественной войне. Альберт Гаджиев был знаком со своим земляком великим поэтом Расулом Газматовым. Он много об этом рассказывал, приводил примеры замечательной дружбы многочисленных народов Дагестана, которые при советской власти добились значительных успехов в культурном развитии, росте экономики и благосостояния жителей этого горного края.

Главком ВМФ СССР С.Г. Горшков. Бесспорно, не только эти командиры оказались в сфере взаимодействия города с военными моряками, с которыми у меня установились хорошие дружеские отношения. Среди них бывший командующий Балтийским флотом, в последствии первый заместитель главкома ВМФ СССР адмирал флота И.М. Капитанец, командир морского отряда пограничников капитан первого ранга В. Иванов и многие другие. Здесь я должен откровенно сказать, что столь большое внимание военных моряков к городу сложились во многом благодаря тому, что депутатом в высшем государственном органе страны – Верховном Совете СССР от нашего города в те годы, как я уже упоминал, избирался главнокомандующий Военно-Морским Флотом СССР С.Г. Горшков. И здесь, как бы, сомкнулись служебные обязанности главкома с его депутатскими обязанностями. Учитывая, что С.Г. Горшков очень добросовестно относился к исполнению этих обязанностей, он довольно часто бывал в Лиепае.

Я познакомился с Сергеем Георгиевичем в 1980 году вскоре после начала моей работы в Лиепае. Тогда ему было уже за 70. В то же время меня поражала его высокая работоспособность. Как правило, прибывал в Лиепаю он во второй половине дня, заслушивал доклады начальника военно-морской базы, командиров бригад и соединений, расположенных в городе, а затем, просил нас, руководителей города и района, высказать свои оценки и пожелания. На следующий день разговор о проблемах города продолжался уже в городском комитете партии, затем – на заводе или фабрике, где проводилась его очередная встреча с трудящимися и населением города. Зная его занятость, мы старались особо не загружать его поручениями и просьбами, в то же время удивляла его скрупулезность и дотошность в решении тех вопросов, которые ставились перед ним – не зависимо касались ли они каких-либо союзных министерств или ведомств, или подчиненных ему воинских частей. Это был действительно образец государственного подхода к выполнению депутатом своих обязанностей перед избирателями. И, естественно, зная такое отношение к городу своего главкома, нам было проще решать с руководством Балтийского флота и командирами частей флота, расположенных в городе, хозяйственные и другие проблемы, которые возникали в повседневной жизни. Встречи и контакты с С.Г. Горшковым оставили глубокий след у меня, учили деловитости,

скромности, обязательности, умению общаться с людьми. Думаю, что такое влияние он оставил и у других руководителей, которые имели возможность встречаться с ним.

Кому-то может показаться, что здесь я слишком много внимания уделяю военным морякам. Скажу, что они этого заслуживают. В то же время, незабываемые впечатления у меня сохранились от совместной работы и с другими партийными, советскими и хозяйственными работниками этого прекрасного города – города под липами. Среди них Сушко Виктор Михайлович, Мантульников Олег Николаевич, Поляков Юрий Яковлевич, Прудникович Михаил Михайлович, Лиелбардис Валдис Валдович, директор и секретарь партийной организации завода «Лиепаймаш» Ляпунов Анатолий Иванович и Жилинская Галина Варфоломеевна, руководители галантерейного комбината Нижник Валентин Андреевич, объединения мясной промышленности Кнеллер Георгий Яковлевич, общестроительного треста Анцыгин Владимир Васильевич и многие другие.

Возвращение в столицу, первый секретарь Рижского горкома.

Лиепайский период моей партийной работы закончился несколько неожиданно для меня. В мае 1984 года меня отзывают с занимаемой должности секретаря горкома для работы в аппарате ЦК. Назначают на должность начальника Отдела легкой промышленности и товаров народного потребления. Позднее я понял, что это было плановое перемещение, к этому времени вопрос о рекомендации моей кандидатуры на должность первого секретаря Рижского горкома партии, видимо, был предрешен. Однако, рекомендовать меня на этот пост с должности первого секретаря Лиепайского горкома было не очень удобно. Поэтому, было принято решение пропустить меня через аппарат ЦК, одновременно, еще и посмотреть поближе.

Откровенно говоря, Отдел легкой промышленности и товаров народного потребления по моему образованию и предыдущему опыту работы не очень подходил, ближе, конечно, было бы строительство. Но других вариантов к этому времени, скорее всего, не было. В то же время и этот участок не был для меня совершенно новым. Работая ранее в Октябрьском и Московском райкомах, а также и в Лиепаве я хорошо был знаком со многими предприятиями этой отрасли, их руководителями, партийными организациями. Достаточно назвать объединения «Ригас апгербс», «Латвия», «Мара», «Лаума», художественной фурнитуры. Их коллективы выпускали известные не только в республике, но всей стране швейные, трикотажные изделия (костюмы, пальто, куртки, рубашки, белье для взрослых и детей), фурнитуру для всей отрасли. Нужно сказать, что предприятия этих объединений располагались не только в указанных районах, но фактически почти во всех регионах республики. А то, что касается такой категории изделий, как «товары народного потребления», то по многочисленным решениям, как тогда было принято говорить, партии и правительства, их обязаны были выпускать все предприятия других отраслей народного хозяйства, включая союзного подчинения. И эта проблема всегда находилась в поле деятельности всех райкомов и горкомов республики. Правда, деятельность Министерства легкой промышленности республики, которая, как я уже отмечал выше, также входила в сферу работы Отдела ЦК, мне была совершенно не знакома. В тоже время, Отдел – это не только начальник. И в данном случае все другие работники, и прежде всего заместитель начальника Отдела Какстова Нина Александровна - специалисты, которые хорошо знали не только партийную работу, но и специфику работы предприятий легкой промышленности, а также самого министерства. Работать в аппарате ЦК мне пришлось совсем недолго, практически через год, 25 июня 1985 года пленум Рижского горкома партии по рекомендации Центрального Комитета Компартии Латвии кооптирует меня в состав горкома и избирает членом бюро и первым секретарем горкома партии.

Какие чувства испытывал я в то время: удовлетворение, опасение, озабоченность? Не буду скромничать - скорее уверенность. Сказались опыт работы в партийных комитетах. Кроме того, за это время я имел возможность сравнить себя с работниками, до меня

исполнявшими те же обязанности, что доставались мне. И эти сравнения позволили мне быть уверенным в своих силах. В то же время, конечно, были сомнения: по Сеньке ли шапка? Рига – это не просто рядовой город. Это политический, экономический, научный и культурный центр республики, самый большой город в Прибалтике. Это один из 10 крупнейших морских портов Советского Союза. Население Риги - почти 900 тыс. человек, площадь – около 310 квадратных километра. Крупный промышленный центр, причем – с высокоразвитой машино - и приборостроением, электронной и химической промышленностью. Для большинства населения других республик страны – это почти что заграница. Именно так оценивались многие изделия легкой и пищевой промышленности, выпускаемые на предприятиях города. Культурный и научный потенциал столицы республики также сосредотачивался в Риге - здесь располагались 7 государственных театров, государственная филармония, около двадцати музеев и выставочных залов, все основные научные и исследовательские учреждения Академии наук республики. Кроме того, должность первого секретаря Риги – это, прежде всего, должность политическая. В отличие от ранее занимаемых мною постов – здесь совершенно другой уровень: первый секретарь Рижского горкома, это, как правило, член бюро Центрального Комитета компартии республики, член высших партийных и советских государственных органов страны. Когда все это оцениваешь, невольно и возникает сомнения, о которых я упоминал выше.

Рига для меня не была абсолютно новым субъектом, в котором предстояло работать. В то же время, одно дело – наблюдать за его развитием как бы со стороны, другое – находиться во главе всех процессов развития, решения проблем. Поэтому, первые месяцы работы в новой должности, наряду с решением текущих задач, знакомству с кадрами, мне пришлось посвятить углубленному анализу показателей экономики города, осмысливать имеющиеся проблемы, пути их преодоления.

Кадры – главное звено в партийной работе. В предыдущих разделах повествования о своей работе в партийных органах я довольно подробно рассказывал о ее формах и методах. В большинстве случаев речь шла о делах, связанных с решением конкретных хозяйственных, экономических и социальных задач жизни района, города или предприятий. И все же, в основе всего наиболее важное и наиболее сложное направление партийной работы – кадровое.

Основной метод работы партийного комитета, как я уже отмечал, – подбор, расстановка и воспитание кадров. Каждый руководитель любого уровня знал, что в случае потери доверия коллектива, в котором он работает, по инициативе партийной организации или партийного комитета он может быть освобожден от занимаемой должности. Одновременно, партийный комитет стремился добиться активности и авторитета в коллективе коммунистов и самой партийной организации. Еще раз хочу подчеркнуть, что работа с кадрами была весьма разнообразной.

При решении наиболее сложных и решающих для конечного результата вопросов мы стремились сконцентрировать вокруг партийного комитета наиболее подготовленных и активных специалистов, способных внести наибольшую пользу в решении проблем. И это всегда находило поддержку у самих специалистов, у руководителей предприятий. Большое удовлетворение, например, у нас в Октябрьском райкоме партии, вызвала работа образованного при промышленно-транспортном отделе Совета главных экономистов предприятий района в период проведения экономической (косыгинской) реформы. Совет возглавила наиболее подготовленная и опытный главный экономист Рижского дизелестроительного завода Текла Яновна Еча, кстати беспартийная. Совет оказал существенную помощь предприятиям района по внедрению внутриводского, в том числе бригадного, хозрасчета, организации экономического всеобуча. Вспоминается и такой факт: в составе секции повышения эффективности работы предприятий бытового обслуживания при горкоме партии принимал активное участие Гунтис Ульманис,

будущий первый президент новой Латвийской Республики. Г. Ульманис в то время работал в Управлении бытового обслуживания Рижского горисполкома экономистом. Кстати, факт о том, что он является племянником Карлиса Ульманиса, для нас не был секретом.

Приведу еще один пример работы партийных комитетов по подбору кадров, но уже на более высоком уровне. Наблюдая сегодня, здесь в России, за работой управленческих аппаратов на федеральном и региональном уровнях нередко приходится удивляться, каким образом он (она) стал министром, руководителем отрасли, в которой, зачастую до этого и не работал? Невольно хочется провести параллель с работой по подбору и подготовке кадров в советское время. Свою историю «восхождения на партийный олимп» я изложил. Расскажу известный мне пример подбора союзного министра, члена Правительства СССР. Речь пойдет о руководителе одной из ведущих отраслей страны – министре Электротехнической промышленности и приборостроения СССР О.Анфимове .

Олега Георгиевича я знал еще со времен моей работы в Октябрьском райкоме партии, когда он был заместителем директора объединения РЭЗ по экономике. Собственно, на заводе он и начинал свой трудовой путь, пройдя от мастера до заместителя начальника крупнейшего цеха. В то время мне пришлось контактировать с ним по вопросам, связанным с экономикой завода, а также консультироваться по работе промышленности района в целом. Подкупало то, что он всегда откликался на просьбы райкома партии, тактично подсказывал, когда видел, что секретарь райкома недопонимает те или иные особенности экономической работы, оказывал необходимую помощь. Он хорошо ориентировался в особенностях проводимой в то время экономической реформы, был сторонником экономической самостоятельности предприятий, необходимости углубления внутрихозяйственного расчета. Стиль его работы отличался неспешностью, уверенностью в справедливости того, что делалось на заводе, четкостью высказываемых суждений и рекомендаций. В разговоре он умел расположить к себе собеседника, это подкупало. Таким его характеризовали и те заводчане, с которыми мне пришлось встречаться.

В 1978 году Центральный Комитет Компартии Латвии рекомендует О.Г. Анфимова на должность директора Рижского завода средств механизации, предприятия союзного подчинения, в работе которого было много недостатков (завод располагался в Московском районе, в котором я был первым секретарем райкома партии). Этот завод, призванный быть застрельщиком технического прогресса отрасли, не обеспечивал освоение новой техники, нередко оказывался среди не выполняющих планы. Олег Георгиевич, став во главе завода, не стал с ходу, как говорится, рубить головы, менять кадры. Присмотревшись, он понял, что внутризаводская система планирования и материального стимулирования имеет существенные недостатки, она не способствует заинтересованности работников, и, прежде всего, инженерно-технического персонала, в освоении новой техники, выполнении плановых заданий. Пришлось вносить серьезные коррективы в организацию производства, а для этого – одновременно осуществить перестановку руководящих кадров на заводе. Это позволило за короткое время поправить положение на этом предприятии. К концу 1980 года возникла проблема в руководстве объединения РЭЗ, и вновь ЦК Компартии Латвии рекомендуют Олега Георгиевича на пост генерального директора его родного предприятия. Знакомый коллектив, знакомое производство, известны сильные и слабые стороны, как в работе предприятий объединения, так и в кадровом составе. Войти в курс долго не пришлось. РЭЗ под руководством О.Г. Анфимова завоевывает лидирующие позиции, как по линии министерства, так и в городе и республике.

Мне не известны кадровые планы в высших советских и партийных органах того периода. Однако, с уверенностью могу предположить, что вскоре после того, как О.Г. Анфимов вернулся на РЭЗ, в соответствующем отделе ЦК КПСС возник вопрос о подготовке замены действующего в то время министра, в систему которого входило это

объединение. Скорее всего, вариант, о котором пойдет дальше речь, не был единственным. Так или иначе, в 1983 году, неожиданно для многих, Олег Георгиевич приглашается на партийную работу – сначала на должность секретаря Рижского горкома партии, вскоре – секретаря ЦК КП Латвии. Работая в партийных органах, он также зарекомендовал себя исключительно с положительной стороны. Его отличали высокий уровень компетентности, прежде всего, в работе промышленности. Организация производства, вопросы технического прогресса, производительности труда, планирования и экономическая работа на предприятиях были досконально известны Олегу Георгиевичу. Ну а работа в партийных органах стала хорошей школой не только организаторской, экономической, но и политической работы. Вскоре, в 1986 году О.Г. Анфимов назначается на должность министра Электротехнической промышленности и приборостроения СССР. Бесспорно, весь его трудовой путь, предшествовавший назначению на пост члена Правительства СССР, был залогом успешной работы в качестве руководителя этой отрасли народного хозяйства страны. Я не ставлю здесь цель рассказать о работе О.Г. Анфимова в качестве союзного министра, хотя после переезда его в Москву я неоднократно встречался с ним, в том числе, и в домашних условиях. Благодаря Олегу Георгиевичу я познакомился с другими союзными министрами (Величко В.М., Паничев Н.А.) и могу свидетельствовать, что Олег Георгиевич пользовался большим авторитетом не только среди коллективов предприятий, возглавляемой им отрасли, но и среди своих коллег по Правительству СССР.

В должности первого секретаря Рижского горкома я проработал более шести лет. Первые годы это была работа, наполненная решением экономических и социальных проблем столицы республики. Интересная, творческая. Однако, дальнейшее развитие событий в стране, известные как «перестройка», затеянная М. Горбачевым, привели к краху социализма, распаду Советского Союза. О перипетии событий, связанных с этим этапом моей работы в Риге я подробно рассказал в своей книге о так называемой песенной революции: «Как латышские националисты победили красных латышских стрелков».

Часть седьмая. **ВСЁ С НАЧАЛА.**

Август 1991 года. Здесь же наступил момент, когда предстоит рассказать о том, как завершилась моя партийная карьера. 19 августа 1991 года мы с супругой и младшей дочерью Иреной возвращались из санатория Марьина роща, что расположен в Курской области, после беззаботно проведенного там отдыха. В самолете узнали о событиях в Москве. Уже в Рижском аэропорту, а затем и на улицах Риги удивило необычное для того времени малолюдье и какая-то настороженная тишина. В этот же день получил вызов из Комитета по обороне и государственной безопасности Верховного Совета СССР, членом которого я был, с предложением срочно прибыть в Москву. Поздно вечером был в Москве.

На заседании Комитета, состоявшегося 20 августа, из заслушанных сообщений, подготовленных членами Комитета, ясности о происходящих событиях в Москве и в стране в целом получить не удалось. Комитет принял решение на следующий день пригласить на заседание Комитета Министра МВД и Председателя КГБ СССР Б.К. Пуго и В. Г. Крючкова с их информацией. События, однако, развивались стремительнее, чем шла работа нашего Комитета и через два дня акция ГКЧП была успешно провалена, затем произошли известные события – арест членов ГК ЧП, а вскоре - распад Союза, низвержение Горбачева, роспуск Верховного Совета и съезда Народных депутатов СССР.

Первыми свою независимость и выход из состава Советского Союза, как известно, провозгласили Прибалтийские республики. Уже 24 августа Верховный Совет Латвийской республики объявляет Компартию Латвию вне закона, она запрещается.

Первый секретарь ЦК Компартии Латвии Альфред Петрович Рубикс арестовывается прямо в рабочем кабинете, в отношении его начинается судебный процесс.

Я в это время, как уже говорилось, находился в Москве, может быть, это спасло и меня от ареста, так как по информации супруги и сотрудников аппарата горкома, опекавших в мое отсутствие семью, в эти дни вокруг дома и моей квартиры «крутились» какие-то странные люди. Конец августа, сентябрь и почти весь ноябрь 1991 года работаю в комитете Верховного Совета СССР. Председатель Комитета Леонид Васильевич Шарин, оценивая процессы, происходящее в это время в Латвии, предложил мне поработать в Москве на постоянной основе, что было весьма кстати. Добавлю, что служебные кабинеты Комитета располагались в Кремле, в том же корпусе, в котором находился известный кремлевский мраморный зал для заседаний. Так что я смело могу утверждать, что работал в Кремле. Для меня все завершилось после последнего заседания съезда народных депутатов СССР.

К моменту моего возвращения в Ригу – вторая половина ноября 1991 года, обстановка вокруг партийных органов Латвии несколько успокоилась. Здание ЦК перешло в ведении чиновников Правительства Латвии, большинство ценностей из его оборудования (оргтехника, часть мебели и т.п.) была вывезена, говорят, что похищена. Одна комната временно была оставлена в распоряжении Управления делами ЦК, в которой заместитель управделами А. Защринский оформлял трудовые книжки сотрудников аппарата ЦК: вносил запись об увольнении в связи с ликвидацией на основании постановления Верховного Совета Латвийской республики, объявившего Компартию Латвию вне закона и запретившего ее деятельность.

В отношении А.Рубикса (вскоре к нему приобщили Ояра Потреки – секретаря ЦК) продолжалось следствие. Против меня и группы других членов Вселатвийского комитета общественного спасения, в том числе А. Каулса, Ю. Антона, И. Лопатина А Литвиненко, В. Стефанрвича, также было возбуждено уголовное дело. Оно было прекращено 4 августа 1992 года по причине «отсутствия состава преступления».

О судебном процессе над Альфредом Петровичем Рубикомс, ставшем одним из самых громких и крупных политических событий в первые годы после развала Советского Союза, продолжавшемся в течении почти четырех лет предварительного следствия и судебного разбирательства, и закончившемся неимоверно суровым приговором: восемь лет тюрьмы закрытого типа с конфискацией имущества, подробно рассказал сам А.Рубикс в двух книгах, написанных в тюрьме, «Голосовали цветами» и «Требую признать невиновным». В своей книге, о которой упоминалось выше, я также говорю об этом.

Как жить дальше? Жизнь продолжалась, надо было решать вопрос о своем трудоустройстве, накоплений, к сожалению, не было, а семья, дети требовали своего. Учитывая прежнее положение и круг людей, с которыми я был знаком, вроде бы проблем здесь не должно было быть. Однако, все оказалось значительно сложнее. Как показали ближайшие события, я, как и другие бывшие партийные функционеры, оказался под «колпаком» латвийских спецслужб: некоторые знакомые, в том числе, к сожалению, и некоторые бывшие друзья, после первых, весьма любезных и многообещающих контактов, вдруг кардинально менялись, стали избегать встреч, по данные после встречи обещания повисали в воздухе. Окончательно все прояснилось после того, как фирме, в которой я был оформлен на работу, вдруг категорически предложили освободить арендуемые помещения (административное здание по улице Дзирнаву), хотя договор аренды был заключен на несколько лет. Собственник помещений в откровенной беседе с руководителем моей фирмы дал понять, что все дело в фамилии Клауцен. Были и другие примеры дискриминации людей, оказывавших мне содействие или помощь. В итоге стало ясно, что в республике мне жизни не дадут. Эта «любовь» по отношению ко мне проявилась также и в последующие годы: с середины 90-х в течение почти 15 лет я был включен в списки лиц, въезд которых в

республику был запрещен. И только к середине 2010 года при поддержке депутатов сейма от ЗаПЧЕЛ я добился исключения из этого черного списка.

В советские времена с Москвой меня связывали многочисленные командировки, длительное пребывание в период съездов Народных Депутатов СССР, съездов КПСС и пленумов ЦК. Да еще трехгодичная учеба в заочной Высшей партийной школе при ЦК КПСС. Я хорошо знал центральную часть столицы, а гостиница Москва становилась, в отдельные периоды чуть ли не родным домом. Но никогда я не думал и не мог предположить, что этот город может стать местом пребывания и жительства для меня и моей семьи. Однако, жизнь именно так распорядилась. И, скажу откровенно, нисколько об этом не жалею. Пусть не смущает тот факт, что живем мы не в Москве, а в Королеве. Это почти одно и то же, если учесть, что некоторые районы Москвы в части транспортного сообщения расположены не лучше, чем Королев.

Переезд в Москву не произошел явочным порядком. Никто меня, как и тысячи других, устремившихся в это бурное время в столицу, здесь не ждал. Отнюдь, не всем повезло. А нам – повезло. Нам, это Васильеву Игорю Павловичу, Натальину Александру Михайловичу и мне, принявшим в начале 1992 года твердое решение, уехать из Латвии. Совместная в свое время работа в Рижском горкоме партии объединила нас в это непростое время. После нескольких «мозговых атак» на проблему исходя из наших возможностей, главным образом – из наличия тех или иных контактов в российских регионах, у нас родился своеобразный план поиска нового места пребывания. Это Москва, Ленинград, Смоленск. В каждом из городов кто-то из нас имел какие-то возможности опереться на местные кадры. Начали с Москвы, и как оказалось в последствии, успешно. Здесь бывший первый секретарь одного из райкомов партии, с которым у меня были хорошие отношения, помог зарегистрировать в своем районе на улице Кирпичной частную фирму, учредителями которой мы все в равных долях и выступили. Назвали ее АРИГАЛ (АРнольд, ИГОрь, АЛЕксандр), предусмотрев в ее уставе весьма разнообразные виды деятельности – от торговли до промышленного производства. Фирма стала основной в трудовой деятельности И. Васильева и А. Натальина, она жива до сих пор, несколько видоизменив название, кардинально – учредителей и виды деятельности.

Однако, для меня главным объектом занятости и обустройства стала все же не она. В начальный период реализации наших планов в московском регионе возникла еще одно направление деятельности, которое, в конечном счете, и стало основным для меня. Речь шла о хозяйственных структурах, юридических лицах, которые создавались по инициативе ЦК Компартии Латвии в 1990 – 1991 годах на базе союзных министерств и деятельность которых можно было попытаться наладить в России.

Где золото партии? После разгрома КПСС в начале 90-х в средствах массовой информации и, даже, в выступлениях новых политиков, вышедших на авансцену общественной жизни, вполне серьезно звучали требования разыскать деньги и ценности, якобы принадлежавшие ЦК КПСС и где-то спрятанные. В Латвии было немало коммунистов, которые упрекали руководителей Компартии Латвии в отсутствии проработок на случай поражения в противостоянии с Народным фронтом.

«Золото партии» так и не найдено, сегодня не осталось даже и любителей, желающих его найти. Что касается вопроса, готовился ли Центральный Комитет к худшему варианту в политической борьбе, развернувшейся в результате перестройки, то ответ положительный: да, готовился. Правда, не в части, как сохраниться самим, а как обеспечить работу предприятий, прежде всего, промышленности, как сохранить рабочие места и занятость населения республики. И об этом стоит рассказать более подробно.

Организовывал эту работу секретарь ЦК КП Латвии Ояр Дмитриевич Потреки. До этого он был секретарем парткома Латвийского госуниверситета, и там же преподавал. Хорошо знал экономику капитализма, свою кандидатскую защитил на

основе опыта рыночной экономики ФРГ. По его инициативе и при активном участии А. Рубикса в республике задумались, как обеспечить работу предприятий в случае выхода Латвии из состава СССР, тем самым сохранить коллективы заводов и фабрик, стабильность жизни сотен тысяч жителей республики.

Нужно сказать, что эта тема в руководящих кругах СССР не пользовалась популярностью, мягко говоря. Тем более можно только удивляться настойчивости и упорству, с которым руководители ЦК КП Латвии прорабатывали этот вопрос с первыми лицами государства. Особо, бесспорно, надо отдать должное Альфреду Петровичу Рубиксу, благодаря прежде, всего его усилиям удалось добиться принятия специального постановления Совета Министров СССР по нашей республике, что дало возможность совместно с Госпланом СССР и другими союзными ведомствами продолжить ее, прежде всего, с союзными предприятиями. Принятой программой предусматривалось проведение так называемого разгосударствления, т.е. акционирования союзных предприятий. Примерно половина акций предполагалась передаче коллективу предприятий, а остальная – должна остаться в собственности государства. Это была попытка построения новой экономики с включением рыночных механизмов на базе существовавших государственных предприятий в условиях надвигающегося объявления самостоятельности республики.

В качестве обеспечивающих работу новых акционерных предприятий создавались рыночные негосударственные хозяйствующие структуры, которые должны были вместо министерств – или параллельно с ними – обеспечивать работу предприятий. К этому времени Совмин республики фактически вышел из-под контроля Москвы и он, конечно, всячески препятствовал «уводу» союзных предприятий из-под своего контроля. Именно поэтому вновь создаваемые хозяйственные субъекты регистрировались в Москве в союзных органах. Например, для обеспечения снабжения и сбыта продукции несколько союзных предприятий республики одного профиля совместно с союзным Госснабом создавали некую хозяйственную структуру, в функции которой делегировались именно эти задачи. Кроме снабженческой предполагалось учредить банковскую, страховую и некоторые другие структуры. Надо сказать, что это была довольно оригинальная разработка, которая могла сработать, если бы процессы изменений в стране проходили организованно и новые власти были бы заинтересованы в сохранении имеющегося промышленного потенциала республики. Но этого, к сожалению, не произошло. А произошло все по самому худшему сценарию.

Подобная структура, а именно финансово-страховая компания «Вотум» и попала на моем пути. Она создавалась под руководством О. Потреки по общей концепции, о которой говорилось выше. После августа 1991 года ее непосредственные организаторы Василий Рагозин (работал в аппарате ЦК) и Александр Михайлов (экономист, кандидат наук, преподаватель) своевременно сориентировались и, практически готовую структуру, перерегистрировали из союзных органов в российских органах власти, при этом сами стали ее учредителями. Местом регистрации стал город Королев Московской области.

Таким образом, появилась современная рыночная фирма во главе с грамотными специалистами. Не хватало одного – связей с местной экономикой, а главное – с местными кадрами. И грешно, думаю, в этих условиях было не использовать опыт и связи такого человека, каким был я. Скажу откровенно, что я охотно подключился к реализации этого проекта, и мне удалось найти нужные контакты. Первая встреча в Москве состоялась в Комитете по делам соотечественников Верховного Совета РСФСР, располагавшегося тогда в здании Белого Дома (нынешний Дом Правительства России). Депутат, член этого Комитета Александров Михаил Алексеевич (сам из Ленинграда) ознакомил меня с руководством Российского фонда помощи беженцам «Соотечественники», учрежденному к тому времени при Комитете по делам миграции Правительства РФ. С этого момента судьба почти на десять лет связала меня с этой

организацией, с проблемами вынужденных переселенцев, миллионы которых в результате развала единого государства оказались гонимыми из своих родных земель только потому, что они не относились к местному этносу. Фонд помог мне освоиться в новых условиях, способствовал обустройству и не только моей семье, но и членам всей нашей команды, принявшей решение связать свою дальнейшую судьбу с Россией, работая в фирмах «Вотум» и «АРИГАЛ».

Фонд «Соотечественники» — это, в своем роде, уникальный проект, поэтому остановлюсь несколько подробнее на его деятельности. В первую очередь, это общественная организация, учрежденная частными и юридическими лицами на основании закона Российской Федерации об общественных организациях. В своем уставе фонд провозгласил главной задачей своей деятельности оказание помощи беженцам и вынужденным переселенцам из бывших союзных республик. Известно, что в результате распада Советского Союза около 25 миллионов российских соотечественников оказались за пределами России, на территориях новых независимых государств. Во многих из них, особенно в первые годы провозглашения независимости, русские подвергались гонениям, нередко с опасностью для жизни (Таджикистан, Казахстан, Узбекистан, да и в чисто российских республиках – Чечня, Ингушетия и некоторых других). Огромное число переселенцев стали беженцами и, естественно, стали искать защиты и помощи в России. Однако российское государство не было готово к приему такого количества людей, да из-за всеобщей неразберихи и потери управления не принимала даже минимально возможных мер для этого. Все это имело негативные последствия, порождало многочисленные конфликты, нередко с трагическими последствиями.

Одной из немногих общественных организаций, окликнувших на эту проблему, стал фонд «Соотечественники». Как отмечалось, основан он был при Комитете по делам миграции Правительства РФ. Одним из его учредителей стал Сергеев Борис Андреевич, в ту пору был заместителем председателя Комитета (председатель - Регент Т.М. – из демократов первой волны, до этого работавшая в одном из НИИ Москвы). Разместился фонд в том же здании на улице Б. Басманная (в подвальных помещениях), что и Комитет. Впоследствии решением Правительства РФ фонду выделили два этажа офисных помещений в центре Москвы на улице Мясницкая. За короткий период подразделения фонда появились во всех основных регионах Российской Федерации, в которые прибывали вынужденные переселенцы, таким образом, фонд стал всероссийским. Финансовой основой деятельности фонда были спонсорские средства различных международных организаций (в том числе – Управления Верховного Комиссара по делам беженцев ООН, различные благотворительные фонды, учрежденные правительствами США, Великобритании и т.п.), а также российские спонсоры (правда, весьма скромные). И все же, основные средства в начальной стадии действия фонда были предоставлены бюджетом Российской Федерации. Это стало возможным благодаря депутатам Государственной Думы РФ, с которыми фонду удалось установить тесные контакты и которые хорошо понимали, сколь велика беда этой огромной армии переселенцев, нахлынувших в Россию. Особо надо отметить удачно поставленную лоббистскую – в хорошем смысле - работу через депутатские фракции Думы при принятии годовых бюджетов страны. Особо можно отметить поддержку фракции КПРФ, ее руководителя Зюганова Г.А. а также Председателя Госдумы Селезнева Геннадий Николаевич. При Председателе Государственной Думы в течение длительного времени функционировал Совет переселенческих организаций, общественная структура с участием руководителей переселенческих организаций, который рассматривал проблемы переселенцев с участием руководителей министерств и ведомств РФ, а также губернаторов и глав администраций регионов. Совет нередко проводил выездные заседания в различных регионах России, в которых было сосредоточено наибольшее число переселенцев.

Напомню, что основные потоки вынужденных переселенцев возникли в республиках бывшего СССР в период острых конфликтов на базе межнациональных отношений. Правильнее будет сказать, в период, когда местные национальные элиты устремились к власти, к захвату экономических позиций и имущества. Главными врагами при этом объявлялись местные русские, многие из которых проживали там испокон веков. Так было в Туркмении, Казахстане, Чечне и других регионах. И это повсеместно происходило против всякой логики, даже тогда, когда из-за выезда специалистов останавливались производства, распадались исторически сложившиеся поселения. Очень часто русские были вынуждены из-за угрозы жизни в спешке покидать обжитые места, бросать годами нажитое имущество, дома, квартиры. А в России, переживающей также период неразберихи, распада и разрухи, переселенцев тоже никто не ждал. Так образовался тупик, принесший тысячам людей горечь унижения и страданий, неисчислимые беды.

В условиях, когда Россия не могла ни физически, ни экономически помочь всем вынужденным переселенцам в фонде «Соотечественники» родилась, как мне представляется, почти спасительная идея: направлять выделяемые ограниченные финансовые средства не на само обустройство, а на оказание помощи в организации занятости переселенцев, стимулируя их самоорганизацию, создание производств, обеспечивающих получение дохода за счет которого можно было бы обеспечить и обустройство прибывшего нового населения страны. Естественно, все это могло быть решено только во взаимодействии с местной администрацией, местными руководителями. Поэтому, при утверждении проектов переселенческих организаций фонд выдвигал в качестве обязательного условия участие в проекте местных жителей. Нужно сказать, что за короткое время, благодаря главным образом, финансовым средствам, заложенным в бюджете РФ в строке, которая называлась «создание рабочих мест для беженцев и вынужденных переселенцев» фонду удалось создать несколько сотен производств в организациях вынужденных переселенцев, что помогло в обустройстве тысячам новых жителей страны.

Чтобы представить реальную картину приведу несколько примеров. В город Борисоглебск, что в Воронежской области, приехали более 4,5 тысяч членов переселенческой организации ХОКО из Душанбе. Скорее не приехали, а убежали, ибо проживание большинству из них в Таджикистане стало просто опасным. К счастью, нашелся инициативный и ответственный организатор – руководитель республиканской выставки достижения народного хозяйства Анатолий Васильевич Балашов. Он вместе с такими же инициаторами, специалистами в области дизайна, архитекторы, проектирования и строительства, объехав несколько территорий в России, повстречавшись с местными чиновниками, и учитывая свои возможности участия в развитии региона, остановились на Борисоглебске. Для временного размещения использовались приспособленные помещения бывших мастерских, закрытой бани, других помещений, возведенные на скорую руку времянок, в том числе с использованием металлических бочек (как диогены), утепленных по возможности с наружи и изнутри. Фонд «Соотечественники» разработал и реализовал совместно с ХОКО несколько программ обеспечения занятости, в том числе по оснащению механизмами и техникой строительной организации, созданную переселенцами, закупил для них современную установку для производства тротуарной плитки и ряд других. Это помогло переселенцам организовать строительное производство в городе, в том числе и для собственных нужд - построить несколько многоэтажных жилых домов, в которые переехали больше половины переселенцев.

В Псковской области, для переселенцев, в том числе из Латвии, фонд приобрел хлебопекарню, оборудование для производства строительных блоков, строительные механизмы, оборудовал зубоврачебный кабинет, разработал и реализовал в местном рыболовецком колхозе «Большевик» проект по переработке рыбы по условиям

Европейского Союза. Современные мельницы приобретены для переселенцев в Омске, республике Северная Осетия Алания, итальянский комплекс по изготовлению тротуарной плитки в Калининграде, оборудование для колбасного цеха в совхозе Ожерельевский в Каширском районе и многое другое. Деятельность фонда «Соотечественники» для многих тысяч переселенцев оказалась единственной отдушиной, оказавшей реальную поддержку в трудную минуту. Очень важно, что финансовые средства выделялись фондом, как правило, на возвратной основе. Это позволяло использовать их несколько раз для разных переселенческих организаций.

В конце 90-х годов изменилась руководство Федеральной миграционной службы, да и структура ее тоже поменялась. Изменился состав депутатов Государственной Думы, что отрицательно сказалось на поддержке деятельности фонда. К тому же негативно сказалась проверка в части использования бюджетных средств, проведенная Счетной Палатой РФ, правда, обошлось без серьезных санкций. В результате, всякая помощь организациям вынужденных переселенцев по их обустройству в России прекратилась. Но, конечно, основные причины этого не в вышеперечисленном, не недостатках в работе самого фонда «Соотечественники». Главное – отсутствие членораздельной миграционной политики в государстве, необходимой законодательной основе. Можно ли было наладить работу переселенческих организаций при общем упадке экономики, когда прекращают работу, казалось, стабильные предприятия, когда на селе все больше опустевших ферм, зарастающих бурьяном полей? Вряд ли.

Недавно по одной из программ центрального телевидения я увидел кадры, отснятые корреспондентами в 2011 году в городе Борисоглебске, которые свидетельствовали, что до сих пор часть переселенцев ХОКО проживают в тех же временках, которые были созданы почти 20 лет тому назад. За это время выросло новое поколение, многих из переселенцев уже нет в живых. И это трагедия не только граждан Российской Федерации, но и жителей – российских соотечественников, проживающих в других странах, бывших союзных республиках, так и не дождавшихся долгожданной помощи.

Почему я столь подробно останавливаюсь на этих вопросах? Да потому, что проблема переселенцев оказалась для России одной из самых острых. Волею судеб я оказался втянутым в нее и отдал ей почти 10 лет своей жизни. В фонде «Соотечественники» я был членом правления, занимал пост заместителя председателя, возглавлял перестраховочную компанию «Мономах», учрежденную фондом, а в самом начале в течение четырех лет был исполнительным директором и вице-президентом финансово-страховой компании «Вотум», которая не без моего участия была страховой дирекцией фонда. В течение пяти лет я был членом Совета переселенческих организаций при Председателе Государственной Думы, объездил практически все основные регионы России – Омскую, Воронежскую, Белгородскую, Нижегородскую, Ульяновскую, Липецкую, Курскую и многие другие области России. Участвовал в подготовке ряда документов, принятых в Госдуме по этой проблеме, в том числе рекомендаций парламентских слушаний по государственной миграционной политике Российской Федерации в 1999 году. Завершая свой рассказ о фонде «Соотечественники», я не могу не остановиться на одном из основных действующих лицах этого проекта – Демидове Михаиле Александровиче. Фактически, все идеи и направления работы в области поддержки вынужденных переселенцев – рождались в его голове. В период моего прихода в фонд ему было чуть больше 30, казалось, совсем молодой парень, не имеющий опыта работы в органах власти и управления, вряд ли мог рассчитывать на главную роль в решении столь острой социально-экономической проблеме. Однако, его предложения почти всегда оказывались настолько обоснованными и очевидными, что находили поддержку и у депутатов Госдумы, и у работников Минфина и Федеральной миграционной службы и у руководителей

многочисленных переселенческих организаций. Это своего рода самородок, рожденный самой жизнью в период острых конфликтов. Я знаю, что очень многие переселенцы с благодарностью вспоминают Михаила Александровича, сумевшего в тяжелое для них время оказать реальную помощь и поддержку. Жаль, что его потенциал в итоге оказался не до конца использован.

Московская городская Дума. В завершение мне осталось остановиться на последнем этапе моей трудовой деятельности, связанной с работой в Московской городской Думе. Дело в том, что пенсия, которую я мог получить после достижения своего 60-летия, оказалась столь мизерной, что свести концы с концами мне вряд бы удалось. Вариант, конечно, был – накопить побольше, так называемых, «бабок» и жить спокойно. Но, не всем дано. Выход подсказала сама жизнь – возвращение на чиновничью должность. По российскому законодательству стаж работы в партийных и советских органах (а по московскому законодательству – и в комсомоле) засчитывался в стаж государственной гражданской службы, что давало возможность получить более солидную пенсию. Но для этого было необходимо уйти на пенсии с любой должности государственного гражданского служащего. Выручил Борис Андреевич Сергеев, в 1999 году из фонда Соотечественники он перешел на работу в Правительство Москвы на должность заместителя председателя Комитета по делам миграции. В этом комитете в июне 2001 года и началась моя новая чиновничья жизнь. Продолжилась она через короткое время уже в Московской городской Думе.

В моей трудовой биографии работа в одной организации в среднем не превышала шести лет. Рекордом стал аппарат Московской городской Думы, где я проработал больше 10 лет. Благодарить за это я должен Олега Гургеновича Адабашьяна, бывшего рижанина, работавшего в свое время в Риге вторым секретарем Октябрьского райкома партии. В конце 90-х годов он перешел на работу в аппарат ЦК КПСС и затем волею судеб и при поддержке тех людей, с которыми он там работал, оказался на высокой должности в Московской городской Думе. За время работы в аппарате Думы я занимал равноценные должности – консультант, советник, ведущий аналитик. Фактически, исполнял обязанности советника: давал советы по тем или иным вопросам работы аппарата законодательного органа, стараясь не нарушить правило – давать их тогда, когда в них есть потребность. Следует сказать, что это был относительно спокойный период моей жизни.

До этого я хорошо был знаком со структурой и работой депутатского корпуса – как на уровне района, города, республики, так и на уровне Союза. Одно время я даже возглавлял Бюджетную комиссию Верховного Совета Латвийской ССР, так что всю кухню парламентской жизни представлял. В 90-е годы минувшего столетия работая в фонде «Соотечественники», мне пришлось вплотную познакомиться с деятельностью Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. В это же время я исполнял обязанности помощника на общественных началах депутата Госдумы Никитина В.С. (в конце 90-х – первый секретарь Псковского горкома КПСС). Владимир Степанович в течении нескольких созывов, будучи депутатом ГД фракции КПрФ, был заместителем председателя Комитета Госдумы по миграции и делам соотечественников, а также, заместителем руководителя Совета переселенческих организаций при Председателе Государственной Думы. Уже работая в аппарате Московской Думы, мне представилась возможность ознакомиться с работой парламентов в ряде европейских стран – Германии, Швейцарии, Австрии, Италии. Есть, с чем сравнить.

По моей оценке, Московскую городскую Думу, насчитывающую в своем составе 35 депутатов, работающих на постоянной основе, по структуре и организации работы можно отнести к наиболее совершенным по сравнению с другими буржуазными парламентами. Четкость работы здесь определяется четкостью и подробностью описания всех процедур в Регламенте Думы, что практически обеспечивает ее

бесперебойную работу. Во всяком случае, за 10 лет, которые я работал в Думе, не было ни одного срыва в работе, в том числе - ни одной драки или потасовки, как это нередко бывало в других парламентах. Это относится к законотворческой работе. Что же касается реализации представительских функций, то, конечно, 35 депутатов для 10 миллионного города явно недостаточно. Говорят, что при формировании Думы использованы опыт и структура законодательных собраний ряда городов США, а также перенят опыт европейских стран. Может быть. Во всяком случае, отцы-основатели при формировании нового законодательного и представительного органа государственной власти города Москвы постарались учесть все негативные стороны деятельности бывшего Моссовета. Я не говорю о выборах депутатов, это отдельная тема. Скажу лишь, что эта важнейшая составная часть жизни демократического общества отработана столь подробно и детально, что гарантирует на сто процентов сохранение власти правящих сегодня политических сил. По крайней мере, при нынешнем состоянии общества.

Нужно сказать, что четкость работы депутатов городской Думы обеспечивается работой ее аппарата. Удачно структурированные подразделения имеют подробные предписания – регламенты – своей работы. Они постоянно совершенствуются. Успех определяется хорошо поставленной кадровой работой и высоким уровнем требовательности со стороны руководителя. Безусловно, многое зависит от уровня оплаты труда сотрудников и их численности. Оба вопроса здесь решены практически (как, впрочем, и во всех структурах городской власти) по максимуму имевшихся возможностей. Работа в городских структурах престижней для большинства рядовых чиновников, чем работа в органах федеральной власти.

Необходимо отметить еще одну немаловажную особенность в работе аппарата Думы. Речь о месте и роли руководителя в современном государственном органе. Известно, что в буржуазном обществе коллектив работников подобного органа и организации целиком и полностью находится в руках у руководителя. По действующему законодательству ему дано право подбора кадров, приема и увольнения, поощрения и наказания. Это право единоначалия, практически бесконтрольно. Оно зачастую способствует засилью семейственности, кумовства, приводит к коррупции. Примеров этому, даже судя по печати, множество. Нужно сказать, что аппарату Московской городской Думы повезло. О.Г. Адабашьян, в течение последних 10 лет возглавлявший аппарат, сохранил лучшие качества руководителя советского периода.

Завершающая. Сегодня, оглядываясь на прежние годы, я горжусь тем, что судьба подарила мне возможность встречаться и работать с интересными людьми, талантливыми организаторами, верными товарищами. Многие из них были для меня образцом деловитости, умения работы с людьми, творческого подхода при решении сложных политических и социальных проблем, экономики, производства. Многим я обязан своим ростом, своим продвижением по службе.

О своих друзьях, коллегах, товарищах по работе, партийных, советских и хозяйственных руководителях, с которыми за все годы своей жизни и работы мне пришлось встречаться, дружить, повседневно сотрудничать, я рассказал в предыдущих разделах этой книги. Политические оценки многим из них даны в первой моей книге.

Здесь же хочу вернуться к началу этого повествования, где, рассуждая о причинах, заставивших меня взяться за написание Записок, я преследовал определенные цели. Во-первых, рассказать своим внукам о судьбе и жизни членов большой семьи, в которой помимо их воли они оказались. Повторяя слова упомянутого древнегреческого философа Геродота, я хочу, чтобы никто из них *«не остался в неизвестности»*. При этом под внуками я имею ввиду не только своих прямых внуков, кто напрямую связан с фамилиями Клауцен, Чубенко, но и всех тех, кто в последствии соединились между собой родственными узами, независимо от того, какие фамилии теперь они носят. И мы увидим, какой огромны пласт судеб включает в себя

понятие «семья», какое переплетение людей и историй, происходящих из разных местностей огромной территории, назовите ее то ли Советский Союз, то ли Россия, она охватывает. И какие исторические баталии можно проследить, говоря о каждом члене семьи.

Что касается того, захотят ли мои внуки (в широком понимании) читать об этом, знать историю членов своей семьи – это конечно решать каждому из них. Я же убежден, что всякий уважающий себя гражданин должен знать свои корни, своих предков, своих далеких, а может быть, иногда, и дальних родственников (вдруг ненароком встретятся). И, хочется надеяться, не только знать, но и, может быть, продолжить рассказ об них, вовлекая все новые и новые подробности и имена (например, что же случилось со старшим братом моего отца Янисом, как сложилась его судьба).

И о второй цели, которую я ставил перед собой, приступая к Запискам, - рассказать о том, что такое советская власть, об условиях и особенностях жизни людей в Советской Латвии, в Советском Союзе. После ликвидации СССР прошло уже не одно десятилетие. И чего только мы не услышали за это время об этом периоде: это и ужасные 70 лет, потерянных для России, это и тюрьма народов, а для Латвии, Литвы и Эстонии – это страшные годы оккупации русскими свободолюбивых народов Прибалтики. Об «ужасах» жизни в Советском Союзе написаны сотни книг, сняты десятки кинофильмов, опубликованы тысячи статей в средствах массовой информации. Но почему-то, чем дальше от советского периода, тем больше добрых слов можно услышать от простых людей о прежней жизни, особенно, когда речь заходит о трудоустройстве молодежи, о социальных гарантиях, о развитии культуры, искусства. Так, несколько лет назад известный латышский композитор Имант Калныньш, в свое время активный деятель Народного фронта Латвии, заявил, что «такого расцвета культуры латышского народа, как в годы Советской Латвии, в истории никогда не было».

Поэтому, рассказывая о своем жизненном пути, я постарался раскрыть суть советской власти. Показать, какое место в ней занимала Коммунистическая партия, как партийные органы оказывали свое влияние на решение жизненно важные проблемы населения.

И последнее. Книга задумана для семейного чтения. Если ее читателями окажутся и другие люди и им представленный материал покажется интересным, я буду доволен.